

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ФЕВРАЛЬ

2002

ШВАТ

5762

N 2 (118)

ВРЕМЯ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ

Жил как-то бедняк, и с каждым днем дела его шли не лучше, а все хуже и хуже. Жена его, намучившись от беспросветной жизни, настояла, чтобы он пошел к раввину и попросил совет. Бедняк пошел к раввину и стал сетовать, что дожил до того, что в кармане осталось всего 10 копеек. Раввин подумал и дал такой совета: пойти с этими деньгами на рынок и купить первое, что попадется на глаза.

На рынке первым делом еврей увидел ювелирный магазин, зашел и начал присматриваться, что же купить на свои деньги. Продавец, узнав, что у покупателя только 10 копеек рассмеялся и сказал: «Единственное, что я могу продать тебе за эти деньги – свою долю в будущем мире!» Сделка состоялась, и бедняк ушел с бумагой о том, что отныне владеет долей продавца в будущем мире.

Вечером продавец рассказал жене о странном человеке, который пришел в ювелирный магазин за покупкой с 10 копейками, и о том, что он ему за эти деньги продал. Жена пришла в ужас: «Ты – сумасшедший! Я не хочу жить с человеком, у которого больше нет доли в будущем мире. Уходи от меня!»

Продавец всегда был доволен женой и вовсе не собирался с ней расставаться, поэтому он разыскал того бедняка и сказал: «Я тебя обманул. Возьми свои 10 копеек и верни мне расписку». Но бедняк не захотел расторгать сделку, уверяя, что она его вполне устраивает. Продавец стал уговаривать, предлагая сначала 20 копеек, потом рубль... сто.... двести рублей! Бедняк не соглашался. «Я заплачу тебе тысячу рублей, – взмолился продавец, – только верни мне мою бумагу!» Бедняк поразмыслил и взял деньги.

Получив назад расписку, продавец поспешил к жене и упрекнул ее: из-за какой-то прихоти ему – за клочок бумаги! – пришлось заплатить тысячу рублей! Слушая сетования мужа, жена засомневалась в своей правоте и отправилась к раввину. Рассказав ему всю эту историю, она спросила: «А сколько на самом деле стоит доля в будущем мире?» И раввин ответил: «Когда твой муж написал эту бумажку, его доля стоила ровно 10 копеек, а сейчас ее цена уже тысяча рублей. Каждый сам назначает цену за свою долю в будущем мире, и, заплатив такие деньги, продавец показал Б-гу, насколько она для него важна».

К сожалению, наш приоритет ценностей не всегда правилен, и очень часто мы тратим свои силы, нервы и здоровье на пустые, преходящие вещи. Нужно всегда стараться как следует осознать, что есть настоящие, вечные ценности, а что – малозначительно, чем можно поступиться. Одной из таких вечных ценностей для человечества является время.

Бытуют выражения: «убивать время», «тратить время», то есть часто люди относятся ко времени равнодушно. А многие думают, что самое главное в жизни – это деньги и нет ничего хуже, чем тяжелое материальное положение, забывая при том оценить время. На самом деле, это важнейший фактор. Время – один из тех подарков Б-га, которые трудно переоценить, а недооценить опасно. Тем более, что человек никогда не знает, сколько времени ему отпущено.

В Мидраше есть такие слова: «Человек переживает, когда теряет деньги, но его мало волнует, когда он теряет время. При этом деньги часто возвращаются, а вот время уходит безвозвратно». В этих словах глубокий смысл. Деньги можно потерять, но завтра

они могут вернуться с неожиданной стороны: вдруг удастся совершить удачную сделку или кто-то вернет долг, который вы уже и не надеялись получить, или вам вручат премию, или, наконец, вы выиграете в лотерею.

Бывает, человек, не жалея себя, забывая о Б-ге, зарабатывает огромные деньги, а тратить их приходится на лечение. Если б он жил иначе, не предавался так суете, скорей всего у него не было бы болезней. Как человек относится ко времени – от этого зависит и его здоровье.

Говорят, что хороший учитель – часы. Когда следишь за стрелкой и видишь, как, отсчитывая секунды, она двигается вперед, то понимаешь: жизнь проходит, и возврата нет, и жить нужно здесь и сейчас, наполнив смыслом каждое мгновение. Часто люди, особенно дети, молодежь, торопят время – хотят скорее вырасти, пойти в школу, в институт, жениться и так далее. А потом, спустя годы, многим хочется повернуть время и прожить жизнь по-другому, более правильно.

Тора говорит об Аврааме: «Авраам был стар (ивр. закен)». Он дожил до глубокой старости, умел ценить время и прожил жизнь, максимально используя весь свой потенциал. Традиция говорит, что несмотря на годы Авраам выглядел очень молодо и внешне практически не отличался от своего сына Ицхака. Тогда он сам попросил у Б-га внешних признаков возрастных отличий. А багаж его дел был необычайно велик, ведь попусту он не тратил ни одного мгновения, наоборот, торопился сделать как можно больше. Поэтому образ старца стал как бы образом его дел.

На иврите слово «закен», «старик», происходит от слова мудрость, и старым по логике должен называться человек, который за свою жизнь приобрел много мудрости, который все время двигался вперед и рос духовно. Если человек стоит на одном месте, значит, он двигается назад – ведь время идет, а человек от него отстает.

Раньше в Советском Союзе на производстве было понятие «норма» (ежедневная, месячная и т.п.), которую надо было выполнить во что бы то ни стало. Если какая-то бригада норму не выполняла, то считалась отстающей. У каждого человека в жизни есть что-то вроде такой нормы – дело, ради которого он пришел в этот мир.

Иногда люди теряют понимание того, что в действительности происходит в жизни. Например, впадая в гнев, человек забывает, что есть Б-г, который видит и определяет все его дела. Очень часто люди переживают из-за неприятностей. Если заблудился или опаздываешь на встречу, не нужно переживать! Все не случайно, во всем есть высший смысл. И как сказал один умный человек: «Жалко тратить энергию на то, что мы все равно не изменим, а что можно изменить, не надо переживать – нужно только изменить».

Мы не знаем, сколько отпущено нам времени на земле, поэтому человек всегда должен быть готов дать отчет в своих делах, в любую минуту. Каждый день может быть последним, и доделать что-то завтра возможно и не удастся. Нужно ценить то, что у нас есть, – каждый миг и использовать все возможности, чтобы наполнить жизнь добрыми делами и мудростью.

Мы уже говорили о том, что человек обращает внимание на деньги, которые теряет, и не замечает потерянного времени. Но есть и такие люди, для которых важно иметь деньги, чтобы помогать многим другим. Таким особенно хочется напомнить, что добро далеко не всегда можно сделать с помощью денег. Бывает много ситуаций, когда,

чтобы помочь другому, нужно именно время, которое будет дороже и важнее денег. Самые простые примеры: человек может заботиться о больных и одиноких стариках, став волонтером, или он потратит время, чтобы выслушать кого-то, кому нужен совет или просто надо облегчить сердце.

Когда я учился в ешиве, занятия начинались в 7.30 утра, и многие часто опаздывали на 2-3 минуты. Преподаватели объясняли нам: то, что человек учится, это очень важно, но не менее важно вовремя приходить на уроки. Мы возражали: «Какая разница – прийти в 7.30 или в 7.35? Неужели 5 минут имеют значение?». Я помню, как один учитель сказал: очень важно, чтобы во всем был порядок, особенно во времени, и привел в пример поезд: он может отправиться по расписанию и потом в пути не ждать ни одной лишней минуты. А опоздав с отправкой всего на минуту, можно потерять в дороге часы. Время идет, и все находится в постоянном движении.

В еврейском законе есть понятие «битул Тора» – оно обозначает человека, который имел время учить Тору, но не делал этого, потому что не ценит слово Б-га, а это большой грех. Если у нас оказывается свободное время, мы обязательно должны стремиться к Торе. Даже при большой занятости надо выкраивать время, чтобы ее учить. Ни секунды не тратить зря!

Если использовать время на правое дело, жить по заповедям, делать добрые дела, это всегда оценится. Но если человек считает, что минуты не важны, что выйдет из его жизни?.. Время – тот параметр, по которому можно оценить, серьезно ли человек относится к жизни или она ему безразлична.

Важно, чтобы каждый человек сделал в жизни то, что ему дано было сделать, для чего он пришел в этот мир. Баал-Шем-Тов сказал: «Иногда Б-г посылает человека в этот мир бы ради одного доброго дела». Нам не известно, зачем Б-г послал нас в этот мир, но мы должны стараться понять это, почувствовать и найти то место, дело, время, когда и где мы полезнее всего. Стремиться делать как можно больше добрых дел, становиться умнее, мудрее – так естественно для человека, владеющего таким великим богатством, как время, которое дарит ему Б-г.

Áëááí úé ðáááéí Ðíííéé Ááðé Éáçàð

БОГАТСТВА НАРОДОВ

И из всех стран приходили в Египет покупать у Йосефа, ибо усилился голод на всей земле.

Брейшис, 41:57

И собрал Йосеф все серебро, какое нашлось в стране египетской и в стране Кнаан (и все серебро и золото, что были в мире. – Талмуд, Псохим, 119а), за хлеб, который покупали; и внес Йосеф серебро это в дом фараона.

Брейшис, 47:14

В течение нескольких недель мы следили за историей Йосефа: как продали его в рабство, бросили в тюрьму, как истолковал он сны фараона и стал заместником в Египте, как он распоряжался всем зерном Египта в течение семи урожайных лет и как управлял всем распределением пищи в стране и на прилегающих к ней землях семь голодных лет, так что все богатство Египта и окрестных земель сосредоточилось в его руках; и как отправились его братья в Египет покупать зерно, он же выдвинул против них обвинения и удержал у себя Шимона и Биньямина.

В главе Ваигаш (Брейшис, 44:4-18; 47:27), которую мы читаем на этой неделе, история достигает своей кульминации: Йосеф открывается братьям. От потрясения, смущения и раскаяния они теряют дар речи, но он успокаивает их и призывает поторопиться в Кнаан, чтобы привезти в Египет отца. Отец с сыном радостно воссоединяются после 22-летней разлуки. Яаков и его домочадцы – всего 70 душ – остаются жить в Египте.

В главе Ваигаш нам также дано объяснение, почему все произошло именно так. Йосеф говорит братьям: «Не вы послали меня сюда, а Всесильный... (45:8). Поторопитесь, вернитесь к отцу моему и скажите ему: так сказал сын твой Йосеф: поставил меня Всесильный господином во всем Египте; сойди (в Торе все путешествия в Святую Землю описаны как восхождение, а пути из нее – как нисхождение) ко мне, не медли. И ты поселишься в стране Гошен, чтобы быть вблизи меня, ты и сыны твои, и сыны сынов твоих, и мелкий и крупный скот твой, и все, что у тебя» (45:9,10).

Иными словами, все это было сделано Б-гом для того, чтобы дети Израиля поселились в Египте.

Но разве не было иного способа привести Яакова в Египет? Талмуд дает следующее объяснение: «Яаков мог бы быть приведен в Египет в цепях, но удостоился того, что, как описано словами пророка: “Узами человеческими влек Я их, узами любви...” (Ошеа, 11:4; Талмуд, Шабос, 89б)». Мидраш предлагает следующую притчу: «Корову нужно было впрячь в ярмо, она же не давалась. Что тогда сделали? Взяли теленка ее и отвели на то место, где хотели пахать на матери его. Теленок начал мычать. Услышав голос его, корова пошла к теленку, и хоть не

хотела туда идти, но пошла во имя своего чада. И также Б-г хотел, чтобы исполнилось назначенное [египетское изгнание – голус], и устроил все так, что [Яков и его домочадцы] должны были сойти в Египет» (Мидраш Танхума, Вайешев, 4). Сказал Б-г: «Сведу ли перворожденного сына моего с позором в Египет?.. Приведу прежде туда сына его, и последует тогда за ним, даже себе вопреки» (Мидраш Раба, Брейшис, 86:1).

Тем объясняется, почему Йосеф был поставлен управлять Египтом: чтобы Яков сошел в Египет не в цепях, как пленник, но явился туда как отец самого могущественного человека в стране. Однако почему Йосеф пришел к власти именно таким образом? И почему были семь лет урожайных, что сменились годами голода (первоначально голод должен был длиться семь лет, но с приходом Якова в Египет он прекратился через два года [см. Раши на Брейшис, 47:10]), и почему все золото и серебро мира оказались собранными в Египте – ведь эти события повлияли на жизнь миллионов людей?

Изгнание: его материальная цель

В текстах мудрецов слово «Египет» – синоним слова голус, «изгнание» (Мидраш Раба, Ваикро, 13:5). При том, что голус в Египте длился лишь 210 лет (тогда как наш нынешний продолжается 1930 лет), он был самым важным из четырех голусов (три других голуса: вавилонское изгнание [423 – 353 до н. э.], греческое изгнание [318 – 138 до н. э.] и римское изгнание, которое началось с разрушения Иерусалимского Храма в 69 г. н. э. императором Титом и длится донныне), выпавших на долю еврейского народа. Египет был «плавильным котлом», превратившим потомков Якова в народ. И он же был «отцом» и прообразом всех последовавших потом изгнаний, ибо в египетском пленении содержались семена всего того, что предстояло пережить евреям под чужим правлением.

Когда бы ни заходила речь о египетском изгнании, особое внимание уделяется материальному богатству, которое евреи вынесли из Египта, покидая его. В завете Б-га с Авраамом египетский голус описан следующим образом: «Знай, что дети твои будут странниками в чужой стране, где испытают рабство и мучения... потом же выйдут оттуда с богатством великим».

«Великое богатство», обещанное Аврааму, – тема, раз за разом возникающая в рассказе об Исходе, так что даже может сложиться впечатление, будто именно ради него длилось пребывание Израиля в Египте. В первом обращении Б-га к Моше, когда Он открывает Себя в горящем кусте ежевики и возлагает на Моше миссию – вывести еврейский народ из Египта, Он также велит: «когда пойдете, не уйдете с пустыми руками, но попросит женщина у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных, и вещей золотых, и одежд... и опустошите Египет» (Шмойс, 3:21,22). «Тьма египетская», когда мрак столь плотно накрыл египетские земли, что египтяне не решались выйти из дома, нужна была для того, чтобы евреи, которым тьма не причиняла неудобств, могли свободно входить в дома египтян и легко «сделать опись» всех богатств египетских, и египтяне, когда покидающие их страну попросят дать тот или иной драгоценный предмет, не могли бы утверждать, что этой вещи у них нет (Мидраш Раба, Шмойс, 14:3).

Перед Исходом Б-г говорит Моше: «Скажи народу: пусть возьмет в долг каждый у знакомого своего и каждая у знакомой своей вещей серебряных и золотых» (Шмойс, 11:2). Б-г буквально умоляет детей Израиля взять богатство Египта!

Талмуд дает следующее объяснение тому, почему евреи не желали медлить с исходом из Египта ради того, чтобы собрать богатства этой страны. «На что похоже это? На положение человека, сидящего в тюрьме, которому говорят: “Завтра тебя освободят из тюрьмы и дадут много денег”. Он же говорит: “Освободите меня сегодня – и более ни о чем не прошу”». Потому Б-г молит евреев: «Просите у египтян вещей золотых и серебряных, чтобы не сказал Праведный (Авраам): Он исполнил (Свое обещание), что “они испытают рабство и мучения”, но Он не исполнил (обещание), что “потом же выйдут оттуда с богатством великим”» (Талмуд, Брохойс, 9б). Но разве Авраам не был, в свою очередь, готов забыть обещание «великого богатства», лишь бы ускорить искупление своих чад?

Блеск золота

Талмуд утверждает, что «народ Израиля находился в изгнании среди других народов только затем, чтобы могли прибавиться к нему новообращенные» (Талмуд, Псохим, 87б). В своей первооснове это относится прежде всего ко множеству неевреев, которые на протяжении веков нашего рассеяния вступали в контакт с еврейским народом и, вдохновленные этим опытом, переходили в иудаизм. Но учение хасидов объясняет, что Талмуд также имеет в виду «души», наделенные самыми разными свойствами, которые были преобразованы и облагорожены в течение нашего изгнания: «искры святости», заключенные внутри физического сотворенного мира (Тора Ор, Брейшис, ба).

Все существующие в природе объекты, силы и явления содержат в себе искру Б-жественности (ивр: «ницуц шхина»): искру, включающую данный объект в целостный замысел творения Б-га и отвечающую Его желанию, чтобы этот объект существовал, – некую мельчайшую частицу Б-жественности, которая и является «душой» данного объекта, его духовной сутью и структурой. Когда человек обращает что-либо на службу Создателю, он вскрывает «мирскую скорлупу» данного объекта, тем самым раскрывая и принимая в свое сознание его Б-жественную суть. Именно ради этого мы были рассеяны по шести континентам – чтобы соприкоснуться с искрами Б-жественности, в каждом уголке земли ожидающими высвобождения и искупления.

Всякая душа имеет свои «искры», суть неотъемлемые ее части: душа «неполна» до тех пор, покуда не высвободит искры, которые соотносятся с самим ее бытием. Человеку кажется, что он движется по жизни, перебираясь с места на место, переходя от одного занятия к другому в результате игры случайных сил. Но все происходит по воле Б-жественного провидения, а оно ведет каждого из нас к тем данностям и возможностям, которые сущностно соответствуют именно нашей личности.

Последние можно разделить на два основных типа, которые отражены и в разбираемом нами стихе: «попросит женщина у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных, и вещей золотых». Каждая душа имеет своих «насельников в доме» – иначе говоря, постоянные, регулярные обязательства, продиктованные ее природными талантами и склонностями. Также душа имеет и «соседей» или просто знакомых – «случайных попутчиков», которых предлагает жизнь, когда мы вступаем с чем-то в недолгий контакт, ненамеренно, а порой и против воли. Однако и в тех и в других следует видеть источники «золота» и «серебра». Сам факт, что некоему человеку явлены какие-либо возможности или средства, указывает на то, что это – часть его жизненной миссии. Это смысл его голуса, его изгнания в ту или иную часть материального мира и подчинения порядкам, царящим там. Он – и только он – может высвободить ту искру, что содержится в этой части мироздания, дав ей то бытие, что и назначено Б-гом. (Так

мудрецами сказано: «Никому не дано коснуться того, что предназначено для его ближнего» (Талмуд, Йома, 38б.)

Вот почему Тора рассказывает о том, как Яков рисковал жизнью, чтобы вернуть «горшки», оставленные им на другом берегу реки Ябок, когда он возвращался в Святую Землю (Брейшис, 32:25; Раши, там же; Талмуд, Хулин, 91а). «Праведные, – отмечает Талмуд, – ценят достояние свое более, нежели свое тело» (Талмуд, там же). Ибо они различают Б-жественную потенцию во всякой сотворенной сущности и во всяком предмете, которым обладают, прозорливо видят элемент своей духовной целостности.

Массовый исход

Египетский голус – «отец» и прототип всех изгнаний. То был крайне насыщенный период истории, когда закладывалось основание всему тому, что явственно проступило уже в следующие столетия. Кабалисты утверждают, что материальный мир содержит 288 основных «искр» (каждая из которых состоит из бесчисленных частиц и производных); при этом 202 из них были взяты из Египта (таков глубинный смысл выражения эрев рав – «многочисленная толпа иноплеменников», букв. «великая примесь» [Шмойс, 12:38], употребленного, дабы определить тех, кто присоединился к народу Израиля при исходе из Египта. Нумерологическое значение (гематрия) ивритского слова рав – 202 [рейш=200, бейс=2]), искуплены и возвышены, когда евреи забирали из страны ее богатства, оставив ее «подобно зернохранилищу, освобожденному от зерна, и озеру, освобожденному от рыбы» (Талмуд, Брохойс, 9б). (Таким образом, 33 столетия еврейской истории, что последовали за Исходом, со всеми выпавшими на них тяжкими испытаниями и горестями, являются попыткой освободить оставшиеся 86 «искр»!) И когда Йосеф собрал богатства соседних народов в Египте, это было сделано для того, чтобы обеспечить возможность массового искупления.

И в этом урок каждому из нас: мы должны быть прозорливы в отношении ниспосылаемых нам Б-гом возможностей и ресурсов для их реализации, понимая, что они – неотъемлемая часть нашей жизненной миссии. Иные склонны избегать изгнания, завернувшись в некую духовность, как в кокон, посвятив дни и ночи изучению Торы и молитве. Но вместо того чтобы освободиться от голуса, такой человек лишь глубже погружается в состояние «плененности», предавая свои «искры» святости, что подобны «членам» его души, — он оставляет их без искупления в бесплодной земле непретворенной материи.

Только отвечая на вызов, посланный нам Б-жественным провидением, обращая всякое материальное «золото» и «серебро» к той цели, что предусмотрена для них

Б-гом, мы выводим эти искры из состояния голуса, достигая через это личного искупления и освобождения, и приближаем освобождение всего мироздания, когда «вострубит великий шофар, и затерявшиеся придут из земель изобилия, а покинутые – из земель наказания, и поклонятся Г-споду на горе святой в Иерусалиме» (Шмойс, 27:13. На иврите слово Ашур [Ассирия] буквально значит «богатство», а Мицраим [Египет] – наказание.).

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ДВЕНАДЦАТИ СЛОВАХ

Книга Брейшис – первая из пяти книг Торы. Она излагает историю жизни наших предков, от которых произошло все человечество, особенно пристальное внимание уделяя тем, с кого начинается родословие евреев. В Брейшис рассказывается об Адаме и Хаве, Ноахе, Аврааме, Ицхаке и Яакове, о Саре, Ривке, Рахели и Лее, о Йосефе и его братьях. Их жизни – это не только часть истории, но по сути парадигма, сверяясь с которой мы видим, что давние события снова и снова претворяются в нашем жизненном опыте, а проблемы, которые предстоит решать сегодня, уже находили разрешение в прошлом.

Брейшис состоит из двенадцати разделов. По порядку они следуют так: Брейшис, Ноах, Лех Лехо, Ваейро, Хайей Соро, Тойлдойс, Ваейце, Ваишлах, Ваейшев, Микейц, Ваигаш и Ваехи. Жизнь еврея, по словам рабби Шнеура-Залмана из Ляд, следует течению времени, которое согласовывается с годовым циклом чтения Торы. Каждую неделю изучается соответствующая ей определенная часть Торы. В главах мы находим тот образец, которому стараемся следовать в нашей повседневной жизни.

Имя вещи есть выражение ее сущности. В Мидраше (Брейшис Раба, 17:4) рассказывается, как Б-г, когда ангелы спросили Его: «Чего стоит человек?!», доказал им, сколь мудр Адам, позволив ему дать имена всем тварям. Эта способность Адама наречь каждую тварь именно ее именем, показала, что он постигает сущностные качества каждой из них и что ему назначена особая роль в творении, ибо только он обладает даром соединить все Творение в единой песни во славу Б-га.

Каждое из двенадцати имен, данных частям (главам), на которые разделена каждая из книг Торы, включает в себе сквозную тему и сущностное значение многообразных повествований, с которыми мы знакомимся в соответствующем разделе. Если эти двенадцать названий мы прочтем подряд, подобно некому ключу или коду, то получим своего рода изложение всей истории человечества, раскрывающее цель, во имя которой мы сотворены, — описание, как душа из духовной сущности преобразуется в человеческое существо, действующее в мире физическом; как мы должны заботиться о собственном совершенстве и совершенствовании окружающего нас мира и, наконец, о том, чтобы исполнить ту миссию, что предназначена нам в этой жизни.

История человечества, сведенная к двенадцати словам (названиям глав книги Брейшис), выглядит следующим образом:

Брейшис – Цель;

Ноах – Спокойствие;

Лех Лехо – Странствие;

Ваейро – Видение;

Хайей Соро – Ободрение;

Тойлдойс – Порождение;

Ваейце – Хождение;

Ваишлах – Поручение;

Ваейшев – Объединение;

Микейц – Окончание;

Ваигаш – Союз;

Ваехи – Жизнь.

Цель.

Если все системы ценностей и «измы» свести к одному-единственному вопросу, на который они все вместе и каждая в отдельности пытаются дать ответ, то вопрос будет таким: существует ли мир ради себя самого или он подчинен некой высшей цели? Есть ли заданная извне цель нашего существования или же цель существования – само существование?

Брейшис – слово, открывающее Тору и дающее название первому ее разделу. Оно означает «в начале», и с этого слова начинается повествование о сотворении мира: «В начале сотворения Всесильным неба и земли...» (1:1). Однако наряду со своим буквальным, «словарным» значением «брейшис» выражает ту основополагающую мысль, что Б-г сотворил мир, у которого одна цель. (Дело в том, что употребление здесь слова «брейшис» не совсем точно отвечает грамматическим нормам иврита: для передачи значения «в начале» корректнее было бы употребить слово «баришона». Это заставляет даже такого комментатора, как Раши, который интерпретирует Тору, опираясь на буквальные значения слов, предложить увидеть здесь акроним: «бейс рейшис» [«два первых»].)

Мудрецы указывают, что слово «брейшис» начинается с буквы «бейс» – второй буквы еврейского алфавита. Тем самым Тора говорит, что история Творения не началась прямо с сотворения мира Б-гом, этому что-то предшествовало — именно то, что и было предназначением сотворенного мира.

Брейшис также является акронимом слов «бейс рейшис» («два первых»), и в самом начале Торы существует отсылка к двум изначальным компонентам, определяющим цель творения; оба этих компонента упоминаются под именем «рейшис» — это Тора, названная так в Мишлей (8:22), и народ Израиля, названный так у Ирмияу (2:3). Тора есть наставление, в котором определено, как именно исполнится цель творения, и что народ Израиля есть тот исполнитель, благодаря которому эта цель будет осуществлена.

Спокойствие

Установив, что у Творения существует цель, перейдем к названию следующего раздела Торы, Ноах, раскрывающего эту цель. Она состоит в преобразении хаотичного существования в мир гармонии.

Мудрецами сказано: «Цель сотворения мира в том, что возжелал Всевышний, чтоб было ему жилище в нижних» (Мидраш Танхума, Носой, 16; Тания, гл. 36).

Эти «нижние обители» – наш физический мир, чья грубая плотность и разнородность противоречат тонкой природе и единственности его истока. Б-г возжелал, чтобы эта нижняя обитель была преобразена в Его «жилище» – место, способное вместить Его присутствие, то место, где Он «дома». Чтобы это разнородная среда, чьи части находятся в болезненной борении друг с другом, преобразилась в мироздание, где царят спокойствие и лад, такое мироздание, которое пребывает в мире с собой и своим Творцом. По словам мудрецов: «Тора была дана, чтобы внести мир в мироздание» (Талмуд, Гитин, 59б; Рамбам, Законы Хануки, 4:14).

Одно из значений имени Ноах – «спокойствие» (см. Раши на Брейшис, 5:29). Его Ноах достиг на микрокосмическом уровне – когда создал остров спокойствия, ковчег, посреди бушующих вод потопа: плавучий остров со всеми видами животных, птиц и растений, остров, где в течение 365 дней лев жил в мире с ягненком. Несомненно, мессианский мир Ноя был временным и заключал в себе только малую долю творения. Б-жественная воля требует от нас преобразить все мироздание в «Ноев ковчег» – в совершенство, исполненное покоя.

Другое значение имени Ноах – «удовлетворение». Этот смысл приводит нас к тому факту, что данная цель имела значение лишь постольку, поскольку удовлетворяла Б-жественную волю, направленную на то, чтобы обрести «жилище в нижних». Сотворение мира, проникнутого спокойствием, не может быть конечной целью. Если бы мир не был сотворен, не было бы преданной раздору сущности, нуждающейся в покое. Попытка сделать мир обителью Б-га имеет смысл лишь постольку этого хочет Б-г. (В Мидраше во фразе «Возжелал Всевышний, чтобы было Ему жилище в нижних» значение «возжелал» передано словом «нитаве», от корня «тава», – то есть речь идет о таком желании, постичь разумом которое выше человеческой возможности. Не существует логических объяснений тому, почему Б-г пожелал «жилища в нижних»; мы знаем лишь, что таково Его желание, а конечная цель творения именно в том, чтобы это желание удовлетворить.)

Странствие, видение и ободрение

Сотворенное существование имеет цель. Она в том, чтобы удовлетворить Б-жественную волю. А Он желает исполненной покоя обители на земле. Во имя этой цели человеческая душа, которой внушено видение этой цели и дана способность привить это видение всем составным компонентам чувственной души и характера человека, направлена в физический мир.

Лех Лехо («Уходи»), третий раздел книги Брейшис, получил это название по открывающему его стиху: «И сказал Б-г Авраму: “Уходи из страны твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе”» (12:1). Хасидские учителя утверждают – это повеление, которое слышит каждая душа, прежде чем войти в мир: оставь свое высокое происхождение, свое состояние единения с Б-гом, дабы отправиться в неизвестное, чужое тебе место. Низвергнись со своего духовного места рождения, дабы

войти в физическое тело, в мир, ибо то – «страна, которую Я укажу тебе»: та арена, на которой тебе суждено выполнить свою жизненную миссию.

Однако душа снисходит туда, отнюдь не предоставленная одной лишь себе. Она укреплена видением (Ваейро – «И открылся Б-г» из стиха «И открылся ему Б-г» – 18:1) Б-жественной истины, тем, которое станет путеводным светом в ее попытках превратить мир в место, способное стать домом для обитания Б-га.

И все же одного видения мало. Покуда это видение не насытит всю душу, проникнув в каждый ее уголок, оно остается не более чем абстрактной теорией «религиозной веры», которая оказывает весьма малое влияние на повседневную жизнь. Если наше видение Б-га призвано фокусировать нашу жизнь, то оно должно стать объектом нашей воли, влечением нашего разума и стремлением нашего сердца.

Об этом сказано в названии следующего раздела Торы, Хайей Соро («Жизнь Сары»). Пятый раздел книги Брейшис начинается стихом: «И было жизни Сары сто двадцать семь лет» (23:1). На языке Кабалы «сто лет» олицетворяют способность воли, «двадцать» – интеллект, а «семь» соотносятся с эмоциями (см. Ликутей Тора, Брохо, 93а-в и далее). Тем самым Тора говорит нам, что все чувственные аспекты души и личности Сары были направлены на то, чтобы укрепить видение Б-га, данное ее душе.

Порождение, хождение и поручение

Мы знаем, зачем мы здесь, нам даны видение и духовные ресурсы, чтобы реализовать необходимое. Пора приняться за работу. Слово «Тойлдойс» – название шестого раздела книги Брейшис означает и «потомство», и «порождение». «Тойлдойс праведных, – говорят мудрецы – их добрые деяния» (Песикта Зутрати; Раши, Брейшис, 6:9). Те кирпичики, из которых складывается «жилище для Б-га», – это заповеди, деяния, преобразующие физические ресурсы в объекты Б-жественной воли. (Раздел Торы «Тойлдойс» открывается рождением двух сыновей Ицхака – Яакова и Эйсав, олицетворяющих две основные категории заповедей: направленных на то, чтобы «творить добро», и на то, чтобы «уклоняться от зла»).

Недостаточно освящать собственную жизнь и все окружающее ее, исполняя заповеди, – следует перешагнуть свои пределы (Ваейце – «И ушел он»), достигнуть пространств и людей, что пребывают за границей твоего круга. Раздел Торы «Ваейце» повествует о том, как Яаков покинул священное окружение, в котором он пребывал в доме отца, и шатры учения Шема и Эвера, где провел первую половину жизни в «шатре Торы» (Брейшис, 25:27; Раши на этот стих), дабы отправиться в языческий Харан, к обманщику Лавану, и там двадцать тягостных лет бороться с враждебным, насквозь проникнутым материализмом миром. Но именно там Яаков достиг вершин своей судьбы и стал отцом народа Израиля.

Ваишлах («и отправил», – по началу стиха «И отправил Яаков перед собой вестников к Эйсаву, брату своему», 32:4) определяет следующий шаг в наших попытках сделать мир домом Б-га. Что надо делать, когда мы перешагнули собственные границы, распространив наши действия настолько, насколько оказались способны? Когда они достигли людей и мест, что находятся на границе нашей способности к взаимодействию с окружающими людьми и пространством, на границе нашего влияния, мы должны распространить этот импульс дальше, превратив тех, с кем соприкоснулись, в наших вестников и представителей, побудив их действовать там, где уже не можем сами. Наше влияние на других не должно сводиться к одному лишь воздействию на их жизни – оно

должно преобразить их в учителей, в продолжателей того, что они получили от нас, чтобы теперь влияние на людей и пространства, которые пребывают вне зоны нашей досягаемости, оказывали они.

В законе Торы этот принцип описан как шлихус. В Талмуде говорится: «Шлиах (посланец) всякого человека подобен самому этому человеку» (Талмуд, Кидушин, 41б; Рамбам, Законы о совершающих деяние, 1:1. См. Ликутей Сихойс, т. XXXV, с. 113-119 и упомянутые там источники), а действия и достижения посланца приписываются тому человеку, который на эти действия подвиг.

Объединение

Хасидизм говорит: если в твой дом забрался вор, ты можешь поступить по-разному: можешь закричать «Вор! Вор!» и спугнуть его, заставив убраться, а можешь поймать вора и научить его честному ремеслу.

На самом нижнем, самом элементарном уровне мы можем приблизить мир к тому, чтобы он стал обителью Б-га, изгнав вора. Мы можем поощрять все доброе в себе, чтобы оно подавило наши злые инстинкты, и сходным образом стараться влиять на других, внося доброе в их души. Мы можем стремиться внести Б-жественную гармонию в раздерганный противоречиями, находящийся в состоянии войны мир.

Однако вор не изменится от этого, как и не встанет на путь добра тот, кто убежал от вашего крика. Да, при таком образе действий мы навяжем мирозданию состояние большей святости, большего покоя, но под этим миропорядком останется сокрытым прежний, «старый» мир. Он будет покорен, но не преобразован; подавлен, но не вознесен к высшему.

После того как фазы жизненной миссии, связанные с «порождением», «хождением» и «поручением», исполнены, следующая ступень заключается в том, чтобы «привить» эти достижения самой «ткани» реальности.

Ваейшев («И поселился он в [в спокойствии]»), – от стиха «И поселился Яков [в спокойствии] в стране, где жил отец его», Брейшис, 37:1) означает «поселиться» – в наших трудах во имя Б-га, чтобы это состояние стало постоянным, внутренне присущим нашему миру.

Окончание, союз, жизнь

Завершение этой «собирающей» фазы знаменует собой «окончание» (Микейц – название десятого раздела книги Брейшис) – реализацию конечной цели творения. Теперь дом Б-га завершен; мир стал жилищем Творца, наполненным гармонией.

Само «окончание» подразделяется на три фазы, когда последовательно проступает глубинная суть Б-жественной гармонии. На первой стадии мир – совершенный «сосуд» для Б-га. Следующая стадия открывает союз, единение (Ваигаш – «И подошел к нему» – таково название одиннадцатого раздела) мира с его Б-жественным истоком: мир не только готов полностью принять своего Творца – он являет себя как единое целое с Б-жественной реальностью, как выражение всеобъемлющей истины Б-га.

Высшее выражение того, что творение исполнило свою цель, – вечная жизнь (Ваехи – «И жил»), которая есть отличительный признак последней фазы эры Мошиаха.

Смерть – феномен, укорененный в самой природе того мира, в котором мы сегодня живем, – это императив, довлеющий над конечной и временной природой всякой физической сущности. Но физическое не всегда обречено на умирание. Мир, каким его сотворил Б-г, обладал качеством вечной жизни – смерть пришла в него только с первым человеческим прегрешением, с первым разрывом между Б-гом и Его творением. В мире, едином с Б-гом, пребывающем в совершенной гармонии со своим истоком, ничто не будет прерывать поток жизни, изливающийся от Творца к творению.

Ваехи описывает уход Яакова из жизни, раздел мира между детьми, его смерть и похороны. Однако название раздела – слово, которое вбирает в себя его суть, – означает «И жил [Яаков]». Ваехи выражает ту аксиому, что в действительности «Отец наш Яаков не умер» (Талмуд, Таанис, 5б). Жизнь Яакова непреложна, ибо эта жизнь в постоянном, непосредственном чувствовании мира: жизнь как претворение гармонии с Б-жественным порядком.

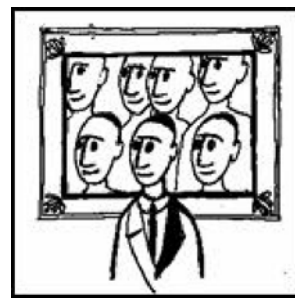
Имена названий разделов первой книги Торы, от Брейшис до Ваехи, открывают нам главную истину нашего существования: жизнь имеет цель, которая заключается в том, чтобы удовлетворить Б-жественное желание обрести обитель на земле. Душа снисходит на землю, наделенная видением Б-га и способностью соединить это видение с собственной сутью и характером личности, которая наделена этой душой. Человек должен освятить свою жизнь Б-гоугодными действиями, выйдя за границы своего «естественного» окружения и «продлив» себя за счет того, что силы и способности, данные ему, передаст другим. Он должен трудиться над тем, чтобы не только подчинить, но – преобразить реальность; наши усилия соединят мир с Б-гом; наша жизнь в чистоте и вечности есть предельное выражение Б-жественности в человеке.

Øi îéñ

Я — СУЩИЙ

Я — сущий, который пребывает вечно!

Шмойс, 3:14

Я с тобой в твоей нынешней беде и буду с тобой в твоих будущих ссылках и преследованиях.

Раши, там же

Когда Б-г явил себя Моше в горящем кусте ежевики и поручил ему вывести народ Израиля из Египта, Моше сказал Всесильному: «Вот приду я к сынам Израиля и скажу им:

«Всесильный Б-г ваших отцов послал меня к вам, а они спросят меня: как его имя? – что я тогда скажу им?»

(Шмойс, 3:13).

И ответил Б-г Моше: «Я — сущий, который пребывает вечно!.. Так скажи сынам Израиля – Вечносущий послал меня к вам»

(Шмойс, 3:14).

Анонимный Б-г?

Чтобы назвать какое-то явление, его нужно описать и определить. Как же может быть назван Б-г, бесконечный и неопределяемый? Действительно, у Б-га нет имени, а есть только названия, характеризующие различные оттенки «поведения», которые можно отнести к Его влиянию на наши жизни. Как рассказывает Мидраш, Б-г сказал Моше: «Ты хочешь знать Мое имя? Меня называют по делам Моим. Меня можно называть Э-л Ша-дай или Це-воойс, или Э-локим, или Эй, Вов, Йуд, Эй (это сочетание переставляемых в зависимости от проявлений качеств Творца называют тетраграмматон). Когда я сужу творения Мои, меня называют Э-локим. Когда развязываю войну против злодеев, Меня зовут Це-воойс. Когда мирюсь с грехами людскими, Меня зовут Э-л Ша-дай. Когда сочувствую Моему миру, Меня зовут Эй, Вов, Йуд, Эй...» (Мидраш Раба, Шмойс, 3:6).

В вопросе, который Моше ожидал услышать от сынов Израиля, заключено весьма глубокое значение. «Как Его зовут? – они не могли не спросить. – С каким поведением Б-га в данном случае мы имеем дело? Ты говоришь, что Б-г увидел “бедствие народа Моего, который в Египте, и услышал вопль его... познал... боль его” (Шмойс, 3:7), и поэтому послал тебя вызволить нас. Но где же Он был до сих пор? Где Он был восемьдесят шесть лет, когда мы страдали под кнутом погонялы, когда детей вырывали у матерей и бросали в Нил? Когда фараон купался в крови еврейских детей? Какое имя Его теперь, спустя восемьдесят шесть лет после того, как Он был “без имени” и стоял в стороне от наших невзгод?»

Б-гово, но не святое

Как объясняется выше, каждое из Б-жественных «имен» описывает разное отношение

Б-га к Его творению: «Э-локим характеризует Б-га в справедливости, Эй, Вов, Йуд, Эй – в Его сочувствии и так далее. “Э-хье” (“Я — вечносущий”) – имя, которым Б-г определяет Себя в разговоре с Моше, передавая мысль о вечном бытии и существовании».

Отсюда вопрос: должно ли имя «Э-хье» находиться в ряду «семи святых имен

Б-га»? Закон Торы запрещает стирать или устранять имя Б-га, потому что сами чернила и бумага (или другие средства передачи) уже вобрали в себя святость, представив Его имя или что-то, имеющее отношение к Б-жественному. Есть много «имен» и «описаний», которые характеризуют многограннейшее участие Б-га в Его творении. Есть семь основных Б-жественных имен, сопряженных с самыми жесткими положениями закона Торы. Однако при том, что

Э-хье считается наиболее возвышенным из Б-жественных имен, оно не включено в некоторые версии списка из семи имен, приведенного в Талмуде.

Чтобы понять этот парадокс, необходимо уяснить значение термина «святость». Что нужно, чтобы обрести святость? «Святой» означает «превосходящий» и

«обособленный». Б-г свят, ибо Он превосходит нашу земную реальность. Суббота – святой день, потому что в этот день люди отходят от мирского. Свиток Торы свят, потому что это предмет, материальное состояние которого превосходит себя, дабы служить Б-гу.

Это применимо и к семи святым Б-жественным именам: каждое описывает Б-жественную деятельность, выходящую за пределы мирских норм. Это Б-жественное вторжение в реальность – Б-г как владыка, Б-г как судья,

Б-г как кормилец, Б-г как спаситель и так далее. С другой стороны, Э-хье описывает Б-га как существо – саму суть реальности. Э-хье выше святости: если святость — это черта превосходства Б-га, то сущность Его превосходит и саму святость. Этот элемент Б-жественной реальности проникает во все сущее и при этом превосходит его. Таким образом, данное определение относится ко всему – как к «святому», так и к «мирскому».

(Тем не менее, Э-хье – это имя, модель поведения Б-га. Сам феномен «существования» неотделим от Его творения, а Б-г, естественно, не может определяться тем, что Он сам создал. В конечном счете Б-га можно охарактеризовать как «сущее» или «существующее», только если мы говорим о Нем как о «кормильце» или «владыке»: это всего лишь «имена», описывающие не Его суть, но некое восприятие Его нами с Его позволения, что определенным образом влияет на нашу действительность.)

Ответ

Вот каков был ответ Б-га на вопрос людей: «Как Его имя?»

«Скажи детям Израиля, – сказал Б-г Моше, – что Мое имя Э-хье. Где Я был все эти годы? С вами. Я – суть, я – сущее, я – реальность. Я – в стоне избитого раба, в плаче скорбящей матери, в пролитой крови убитого ребенка. Некоторые вещи, даже если они чрезвычайно болезненны и непостижимы, должны происходить, чтобы происходило и нечто бесконечно большее и радостное. Но я не управляю всем этим с далеких небес, “святой” и далекий от вашей сущей боли. Я с вами, с вами вместе я страдаю и молюсь за ваше спасение.

Вы не видите Меня не потому, что Я эфемерен, а потому, что Я более чем реален».

Āīyēōī

СВОБОДА

И сказал Б-г, обращаясь к Моше: «...Иди к фараону... и скажи ему: “Б-г, Всесильный Б-г евреев, послал меня к тебе сказать: “Отпусти народ Мой, чтобы Мне он служил”».

Шмойс, 7:14-16

Наши мудрецы называют Исход «временем нашей свободы».

Ибо Исход из Египта – это не просто одно из многих спасений в истории Израиля.

Это было первое и ни с чем не сравнимое дарование человеку свободы.

До Исхода истинной свободы не было. Познав Исход, евреи навсегда и бесповоротно обрели свободу, и поработить их уже не может никакая сила на земле.

«Свобода» в наиболее общем смысле слова – это снятие всех ограничений, мешающих человеку развиваться и самовыражаться. Другими словами, это естественное состояние человека. Если освободить его от всех внешних сил, ограничивающих и сковывающих, мы получим человека свободного.

Но если бы явление «свободы» в это определение укладывалось полностью, Исход едва ли стали бы называть «временем нашей свободы». Да, Исход освободил нас от фараона и его приспешников, но при этом вверг в еще большее, еще более всеохватное рабство. «...Когда выведешь этот народ из Египта, – сказал Б-г Моше из горящего ежевичного куста у подножия горы Синай, впервые явив Себя ему и заповедав спасти народ Израиля, – вы будете служить Всесильному на этой самой горе» (Шмойс, 3:12). Стоя перед фараоном, Моше не просто потребовал именем Б-га отпустить «Мой народ», но: «отпусти народ Мой, чтобы Мне он служил» (7:16).

Суть Исхода в том, чтобы привести нас к горе Синай и заключить соглашение с Б-гом как с Его «царством священников и народом святым». Это соглашение описано в 613 заповедях Торы.

Таким образом, праздник Швуэс, отмечающий день получения Торы у горы Синай, – это единственный праздник без календарной даты. В Торе он не обозначен конкретным днем конкретного месяца, как в случае с другими праздниками. А сказано: «на пятидесятый день после Исхода». Таким образом подчеркивается, что Швуэс – это продолжение и воплощение Исхода, ибо задача Исхода была решена только в день, когда мы пришли к горе Синай.

Но тогда почему именно свобода является определяющим качеством Исхода? Безусловно, предпочтительнее рабство у Б-га, нежели у фараона, и любой нравственный человек согласится, что рабство у Б-га предпочтительнее гедонистической «свободы» в мире беззакония. Но рабство и свобода, по определению, суть явления диаметрально противоположные. Почему же Исход является главным временем свободы? Казалось бы, его вполне можно назвать «временем нашего рабства»?

Жизни без конца

Чтобы понять смысл свободы, полученной благодаря Исходу, надо выяснить, что представляло собой для евреев египетское рабство.

Наши мудрецы утверждают, что «все изгнания и преследования названы Египтом». Одно из значений слова Мицраим (так на иврите звучит Египет) – «граница», «ограничения». Всякий раз, когда мы в чем-то ограничены, – иностранным вмешательством, враждебной или просто чужеродной средой, материальностью наших тел, субъективностью нашего разума или недостатками нашего характера – все это

Мицраим. И если свобода – это отсутствие ограничений, Мицраим – это ограничение человека на всех уровнях: физическом, эмоциональном, интеллектуальном, нравственном и духовном.

Однако голус (изгнание) – это не только ограничения и границы. В Египте наш голус подразумевал не просто телесное рабство и подавление духа. В Египте мы были рабами: «Горькой сделали жизнь их тяжким трудом над глиной и кирпичами, всяким трудом в поле и вообще всякою работою, к какой жестоко принуждали их» (Шмойс, 1:14).

Фраза о «принуждении» неоднократно повторяется в Торе, когда речь идет о египетском голусе. Что она означает? Рамбам (Законы рабства, 1:6) толкует принудительную работу как работу «без предела и без цели». Даже самая трудная работа должна иметь четкое завершение и четкую конечную цель, тогда она не будет так деморализовывать, как работа бесконечная и бессмысленная. Египтяне, поработившие евреев, хотели сломить их дух и намеренно создавали условия, чтобы их работа не поверялась какими-то нормами, логикой, эффективностью или полезностью. Их заставляли работать в самое неурочное время, каждому давали работу, менее всего соответствующую его способностям, и всякий раз разрушали созданное, дабы заставить ту же работу выполнять повторно.

За работой следили специальные надзиратели фараона. Сегодня наш мир ушел «далеко вперед» в том смысле, что миллионы людей добровольно предаются работе «без предела и без цели». Эта работа не уместается в пятидневную или сорокачасовую рабочую неделю и занимает все время, все мысли недели. Эта работа диктуется не только возможностями и ресурсами работника, но статусом, прибыльностью и модой. И эта работа – не средство для достижения цели, а самоцель, поэтому длится вечно.

В конечном счете источник у такой работы может быть только один: «искра

Б-га», которая суть основа души человека. Физическое «я» конечно и прагматично. Как же тогда человек может работать «без предела и без цели»? Где источник, способный заставлять человека сдвигать горы – просто потому, что они стоят? Что заставляло веками искать способ превратить свинец в золото? Только бездонный колодец Б-жественного в наших душах. Откуда бесконечное стремление к «материальному успеху» — этой цели, которая постоянно лишь отдаляется? Только из души, которая обладает безграничной живостью и силой, чье обязательство перед Создателем основано отнюдь не на зримых целях и осязаемых задачах.

Таким образом, душа человека подвержена голусу внутри голуса. Обстоятельства не просто мешают ей выразить свою истинную суть — она вынуждена выражать себя в полном противоречии со своими истинными желаниями. Ее ограничивают не только материальное «я» и внешний мир, она также страдает от того, что ее лишили важнейшего права совершать ту мирскую работу, которая соответствует ее материальному «я». Мало того, что возможности души принимать на себя бесконечные и бесцельные обязательства безжалостно подавляются, – ей приходится вести бесконечный поиск материального благополучия.

Бесконечное в человеке

Дорога из Египта пролегла через Синай.

Тора регулирует наши взаимоотношения с материальным миром. Она требует: мы должны творить, производить, вести дела шесть дней в неделю, но на седьмой день всякую работу следует прекратить, и мы должны обрести то состояние души, когда «вся твоя работа завершена».

Это правило незыблемо: целый день мы обязаны посвятить изучению Торы и молитвам. Законы Торы на все времена определяют, что позволено и что запрещено в делах и удовольствиях человека.

Тора также наставляет нас «есть от плодов труда рук твоих» (Теилим, 128:2) – то есть вкладывать в зарабатывание на жизнь только минимум собственных возможностей, а самые выдающиеся свои таланты оставлять свободными, чтобы следовать более духовным целям.

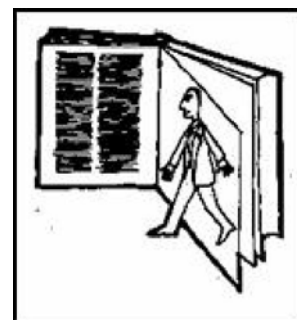
Тора настаивает на том, чтобы все наши материальные деяния были средством для достижения цели, сосудом для обретения благословений Б-га, инструментом, который позволит нам принести в мир святость и Б-жественность.

Ограничивая таким образом наши физические жизни, Тора освобождает наши души. Ограничивая масштаб и природу физических деяний, Тора позволяет нам исполнять обязательства «бесконечные» и позволяет душе следовать естественным путем: если человек служит Б-гу «без предела и без цели», расширяются границы его самореализации, расширяется само понятие достигнутого в жизни результата.

Аіе

ДУША ЗЛА

И сказал Б-г, обращаясь к Моше: «Войди к фараону, ибо ожесточил я сердце его и сердце слуг его, дабы совершить мне все эти знамения Мои...»

Шмойс, 10:1

Почему сказано: «Войди к фараону»? Надо было бы «иди к фараону»... Но Б-г привел Моше в (особую) комнату, находящуюся внутри (другой) комнаты, к громадному неземному змею, из которого исходит много уровней.., к которому сам Моше боялся приблизиться...)

Зогар, ч. II, 34а

Из 53 разделов Торы есть несколько, стоящих в рассказе об истории человечества и народа Израйля особняком. Первая глава книги Брейшис (тоже Брейшис) рассказывает, как Б-г сотворил мир за шесть дней, как Адам был изгнан из рая. Третья глава, Лех Лехо, описывает путешествия Авраама, совершая которые он нес язычникам правду о едином Б-ге. Во второй книге Торы, Шмойс, в главе Исрой говорится об откровениях у горы Синай, о том, как Тора была передана Израйлю, и так далее.

Перечень осевых разделов Торы невозможен без главы Бой (Шмойс, 10-13), где говорится об Исходе сынов Израйля из Египта. Исход отмечает наше рождение

как народа, нас призывают: «...Чтобы помнил ты день Исхода твоего из страны египетской во все дни жизни твоей» (Дворим, 16:3). Действительно, когда Б-г явил Себя нам у Синая, Он представился не как Создатель неба и земли, но как «Б-г твой, Всесильный твой, который вывел тебя из страны египетской» (Шмойс, 20:1). Определяющий элемент наших отношений с Б-гом не в том, что мы были Им созданы, а в том, что мы – свободные существа, те, в кого Он вложил из Своей бесконечности и вечности, те, которых Он вывел за границы материального мира, за пределы их собственной сути.

Название

Название главы Бой означает «взойди». Оно взято из первой же строки этой главы, когда Б-г направляет Моше войти к фараону, чтобы предупредить о седьмой казни (саранча) и еще раз передать Б-жественное требование правителю Египта освободить сынов Израиля.

Тора сообщает, что название вещи отражает ее суть (см. Брейшис, 2:19). Безусловно, так обстоит дело и с собственными названиями книг и глав Торы, и ее компонентами. Название же главы всегда передает ее основной смысл и общую тему всех подразделов.

Можно предположить, что часть Торы, посвященная Исходу, должна называться «Исход», «Свобода» или каким-либо другим словом, выражающим значение этого события, ставшего определяющим в истории Израиля. Вместо того название главы, оказывается, связано с приходом Моше к фараону – событием, которое является прелюдией к Исходу. Правда, приход лидера Израиля во дворец фараона с требованием отпустить народ, подразумевая, что евреи пока что находятся в рабстве у Египта и его правителя, – разве это не антитеза Исхода?

Фраза «войди к фараону» подробно обсуждается и комментируется. Почему Б-г велит Моше «войти» к фараону? Не правильнее было бы сказать «иди к фараону»?

В Зогаре объясняется: Моше страшился встречи с фараоном во дворце, где власть того особенно сильна (раньше он встречался с фараоном в других местах, например, во время его утренних прогулок у Нила). И на этот раз Б-г обещал Моше, что Он Сам сопроводит его к фараону. Таким образом, «войди» надо понимать «иди со Мной». Стало быть, Б-г говорит Моше: «Иди со Мной к фараону».

Далее Зогар объясняет: Б-г теперь направляет Моше встретиться с внутренней сутью египетского правителя и бога. И фраза «войди к фараону» приобретает еще один смысл – «войди внутрь». Чтобы освободить народ Израиля от «громadного неземного змея», недостаточно просто прийти к фараону. Моше должен войти в самую его суть, добраться до корней его власти.

Моя река

Кто такой фараон и что он собой представляет? В чем его внутренняя суть? Почему Моше боялся предстать перед фараоном в его дворце, если туда был послан Самим

Б-гом? И как «вхождение в фараона» может дать ключ к Исходу из Египта, к освобождению человеческой души?

Вот как пророк Иехезкел описывает фараона: «громадный змей, разлегшийся среди рек и сказавший: “Нил – мой, и я сам себя создал”» (Иехезкел, 29:3). Другими словами, зло фараона определяется не тем, что характеризовалось языческие культы Египта, не тем, что он поработил миллионы людей и подвергал их мучениям; и не тем, что он купался в крови убитых детей, – зло заключалось в его эгоцентризме, в том, что именно в себе самом он видел источник всего и вся.

Здесь и коренится главное зло. Однако может показаться, что поставить себя в центр всего – это грех меньший по сравнению с теми жестокими деяниями, в которые способен ввергнуть себя человек, но дело в том, что истоки всех самых страшных злодеяний – именно в эгоцентризме. Если человек считает, что только он и его потребности определяют суть добра и зла, нравственность его – хотя поначалу такой человек мог быть весьма нравственным – сведена к нулю. В конечном счете, он способен на какое угодно действие, если решит, что оно ему необходимо или вписывается в его понимание действительности.

Получается, что всякое доброе дело – это самопожертвование, а любое злодеяние – самообожествление. Когда человек творит добро – жертвует ли он на благотворительные цели или посвящает всю жизнь служению Б-гу, он говорит: в жизни есть нечто большее, чем я. А когда человек нарушает Б-жественную волю – пусть в чем-то маленьком или совершая гнуснейшее преступление, он говорит: «Моя река – это моя река, и я создал себя сам. Хорошо то, что хорошо для меня, и плохо то, что противоречит моим желаниям. Я сам хозяин своей реальности, я – бог».

Тайна

Так неужели «я» человека – это зло? Неужели фундаментальная составляющая нашей души есть нечто чужеродное, и его надо искоренить и отбросить в поисках добра и истины? По большому счету ответ на эти вопросы отрицательный.

«Нет другого, кроме Него» (Дворим, 4:35) – вот главный закон реальности. Создатель есть источник всего, ничто от Него неотделимо, ничто Ему не противостоит. Ощущение себя, с которым мы рождаемся, наше «я», также происходит от Б-га – это отражение

Б-жественного «я». Поскольку Б-г знает Себя как единственно истинное существование, мы, сотворенные по Его образу и подобию, наделены тем же «чувством себя», что и Он. И мы воспринимаем себя как ключевой элемент всего сущего.

Само по себе «я» – не зло. Зло возникает, когда человек отрывает свое «я» от его источника. Когда мы признаем, что наше «я» – отражение «Я» Б-га и подчиняемся Ему, наше «я» становится мощной силой в предпринимаемых деяниях, направленных на то, чтобы сделать мир лучше, ближе к Б-гу. А то же «я», оторванное от его Б-жественного корневища, способно на самые жуткие злодеяния.

Когда Б-г велел Моше «войти к фараону», Моше уже ходил к тому не один месяц. Он общался с фараоном в разных его «ипостасях»: фараон – язычник, фараон – поработитель Израиля, фараон – самозванный бог. Но теперь Моше предстояло войти в суть фараона – в саму душу зла, даже более того – проникнуть за пределы фараонова зла, за пределы его гигантского «я», которое твердит: «Я создал себя сам». Ему предстояло встретиться с той сутью фараона, тем самым его «я», которое ответвилось от «Я» Б-га.

Моше не боялся зла фараона. Он знал: если Б-г его послал, Он и защитит. Но когда Б-г велел войти в суть фараона, ему стало страшно. Разве человек может столкнуться с таким чистейшим проявлением Б-жественной истины? Проявлением столь высшим, что оно, пронзая и добро и зло, является источником и того, и другого?

Б-г сказал Моше: «Войди к фараону». Войди со мной, вместе мы войдем во дворец громадного змея. Вместе мы пронзим самопоклонение, которое и есть источник всех зол. Вместе мы откроем, что зло не подкреплено ни сущностью, ни реальностью – это всего лишь растрата Б-жественных ценностей в человеке.

Если встреча с такой истиной для человека непомерно страшна, идем со Мной, Я направлю тебя, отведу в самые потаенные уголки фараоновой души, и ты увидишь тайну зла, которую охраняют особенно рьяно: оказывается, этого зла не существует.

Когда ты познаешь эту тайну, зло уже не сможет тебя победить. Познав эту тайну, ты и твой народ познаете свободу.

Аааааа

ПЕСНЬ МИРЬЯМ

И взяла Мирьям, пророчица,.. тимпан в руку свою, и вышли все женщины вслед за нею с тимпанами и свирелями. И отозвалась Мирьям: «Пойте Б-гу»...

Шмойс, 15:20,21

Мы не поем, когда нам страшно и мы в отчаянии, когда хочется спать или на полный желудок. Мы поем, когда сердце стремится к любимому, когда тоскуем по лучшим временам или празднуем, что чего-то достигли, предвкушаем что-то особенное. Мы не поем, когда умиротворены. Мы поем, чего-то жаждая, когда испытали радость и она возносит нас на небеса.

Песня – это молитва, попытка подняться над повседневными хлопотами, припасть к Источнику. Песня – это поиск спасения.

Мидраш приводит 10 важнейших песен в истории Израиля – десять случаев, когда спасение было воплощено в мелодии и текстах. Вот первые девять: песня, которую пели в ночь Исхода из Египта (Ишаяу, 30:29), «Песнь у моря» (Шмойс, 15:1-21), «Песнь у колодца» (Бемидбар, 21:17-20), песнь Моше, когда он закончил писать Тору (Дворим, 31-32), песня, с помощью которой Иешуа остановил солнце (Иешуа, 10:12,13), песнь Дворы (Шофтим, 5), песнь царя Давида (Шмуэл II, 22), песнь в честь священного Храма (Теилим, 30) и Песнь песней царя Соломона, воспевающая любовь между Б-жественным женихом и Его возлюбленной (народом Израиля).

Десятая песнь, как утверждает Мидраш, – это песнь новая, она – о высшем спасении, всеобщем и абсолютном, которое уничтожит все страдания, невежество, зависть и ненависть, сотрет их с лица земли. Это спасение так грандиозно, что принесет невыразимую радость, пробудит желания и потому потребует особой песни,

совершенно нового музыкального выражения – уловить голос высшего устремления Создателя.

Еще раз

Из этих десяти Песней спасения наиболее известна «Песнь у моря» — ее поют Моше и сыны Израиля после того, как им удалось пересечь Красное море. Каждый день во время утренней молитвы мы тоже ее произносим и, кроме того, еще два раза в год читаем ее в синагоге: на седьмой день Исхода в Пейсах (в тот день расступилось море, и возникла сама эта песня) и в одну из Суббот в середине зимы как последовательную часть ежегодного цикла чтения Торы (потому Суббота эта называется Шабос «Шира», «Суббота песни»).

Песнь у моря восхваляет Б-га за чудесное спасение Израиля, когда Он ради своих детей раздвинул воды Красного моря и утопил преследователей-египтян. В этой песне дети Израиля просят Б-га вывести их к своей земле и остаться среди них в священном Храме. В заключение звучат слова о высшем спасении: оно наступит, когда «Б-г будет царствовать во веки веков» (Шмойс, 15:18).

Фактически, у этой песни есть две версии – мужская и женская. После того как ее спели Моше и сыны Израиля, «взяла Мирьям, пророчица, сестра Аарона, тимпан в руку свою, и вышли все женщины вслед за нею с тимпанами и свирелями. И отозвалась Мирьям: “Пойте Б-гу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его поверг Он в море...”» (Шмойс, 15:20,21).

Первыми пели мужчины, потом женщины – с тимпанами и свирелями. Мужчины пели хвалу избавлению, пели о том, что жаждут высшего спасения. Но чего-то все же недоставало. Чего-то такого, что могла восполнить только песнь женщины. Это – ликование.

Чувства и вера

Мирьям, старшая сестра Моше и Аарона, возглавила женский хор, спевший Песнь у моря еще раз.

Имя Мирьям связано со словом «горечь» (от мара – «горькая»), потому что, когда она родилась, народ Израиля переживал самую тяжелую пору египетского рабства. И когда младенца Моше отправляли в корзине по течению реки Нил, «и встала поодаль сестра его, чтобы узнать, что с ним случится» (Шмойс, 2:4).

Это была еще юная Мирьям, но исполненная глубоких женских чувств, пережившая всю горечь голуса (изгнания и рабства). Мирьям, полная терпения, стойкости и надежды, стояла в одиночестве и смотрела, как качается в камышах гигантской реки нежная, едва теплящаяся жизнь. Она всегда следила за тем, «что с ним случится», и как Моше выполнит порученную ему миссию спасти свой народ.

Юная женщина стояла в густом кустарнике у Нила, и надежда на спасение в ее сердце была крепче горечи голуса. Эта картина вызывает в памяти образ еще одной женщины – Рахели. По описанию пророка Ирмеяу, именно Рахель оплакивает своих детей – страдальцев галута — у одинокой своей могилы по дороге от Вифлеема к Иерусалиму. Она в еще большей степени, нежели патриархи или главы Израиля, чувствует глубину нашей боли. И именно ее вмешательство, ее обращение к Б-гу приносит спасение:

«...слышится голос в Раме, вопль и горькое рыдание: Рахель оплакивает сыновей своих...
Так сказал

Г-сподь: удержи голос твой от рыдания и глаза свои от слез, ибо есть воздаяние за труд твой.., возвратятся они из вражьей страны... возвратятся сыны в пределы свои» (Ирмияу, 31:14-16).

Мирьям и ее хор наполнили Песнь у моря сильнейшими чувствами и глубокой верой, так свойственными женщинам. Горечь голуса, которую им довелось испытать, была куда тягостней, чем у мужчин, но вера их была крепче и сильнее. И жажда спасения была более пронзительной, как и радость, когда это спасение пришло, как и стремление к спасению высшему.

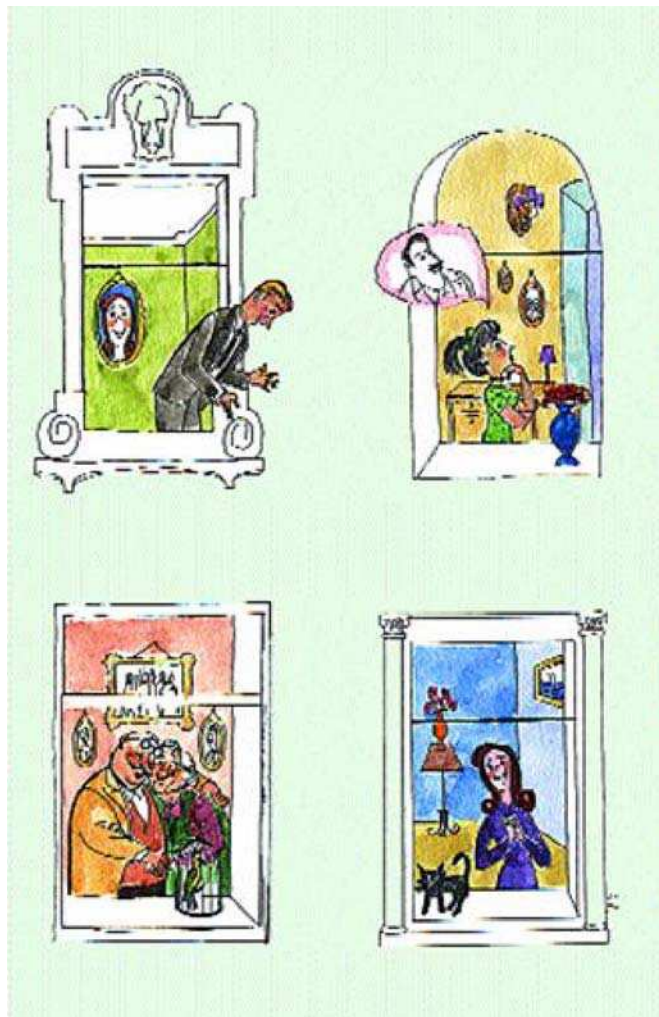
Сегодня

Выдающийся кабалист рабби Ицхак Лурия (Ари, 1534-1572) пишет: последнее поколение перед приходом Мошиаха – это воплощение поколения Исхода.

Сегодня мы стоим у порога высшего спасения и с нами снова женщина, чья песнь наиболее пронзительна, чьи тимпаны снова звучат надеждой, чей танец полон ликования. Сегодня, как и тогда, спасение принесет «женщина-праведница» (Талмуд, Сота, 11б). Сегодня, как и тогда, тоска женщины по Мошиаху куда более глубока, нежели у мужчин. Тоска вдохновляющая и созидаящая звучит лейтмотивом в мелодии спасения.

ПОЧЕМУ МЫ ВЛЮБЛЯЕМСЯ

№1 ל' ב'ת"מ

Неужели тайна и романтика, музыка и лунный свет - всего лишь уловка природы, чтобы побудить мужские и женские особи к размножению?

Что кроется за влечением полов друг к другу? Сексуальность — такой предмет, в отношении которого ни один человек не относится нейтрально. Каждому присуща потребность в общении с противоположным полом; в личности каждого есть сексуальный аспект, сформированный семьей, воспитанием, жизненным опытом, он основан на пробах и ошибках, и на всем том, что человек приобретает под порой ненавязчивым, а иной раз довольно грубым влиянием общества, в коем он и живет.

Чтобы осознать разумом корни нашей сексуальности, посмотрим на ее происхождение. Откуда она возникает? Мне хотелось бы проанализировать два подхода к этому вопросу. Один — научный подход, которому мы затем противопоставим подход Торы, в частности в кабалистическо-хасидской интерпретации.

Светская наука предлагает нам многочисленные объяснения, что такое половое влечение. Так, например, с точки зрения биологической и эволюционной теории, половое

влечение порождено тем обстоятельством, что воспроизводство человека как биологического вида осуществляется путем половой связи между мужчиной и женщиной. Самец ищет такую женскую особь, которая наиболее плодovита и принесет более здоровое потомство. А самка ищет самца, который может дать более здоровое, жизнеспособное семя и обеспечить защиту своему потомству.

По существу, эта теория гласит, что за мистикой и красотой, романтикой и чувственностью, окутывающими человеческую сексуальность, за всем этим кроется необходимость выжить и обеспечить выживание вида. Но современному человеку претит думать о себе как о какой-то машине для продолжения рода, поэтому, чтобы побудить двух людей к союзу, эволюция и биология, в сговоре друг с другом, наполнили половой акт не только физическим удовольствием, но также мистическим ощущением, которое и побуждает нас отправиться в романтическое путешествие. Аксессуары полового влечения у человека — романтика, цветы, музыка, лунный свет — по сути, лишь способ, применяемый природой, чтобы сблизить две особи. Два человеческих существа, ухаживающих друг за другом, действуют по тем же законам, как и пчелы, ищущие сближения; одна пчела станет по-особому жужжать, другая будет издавать особый запах, но фактически это только тактика, цель которой их сблизить, чтобы они совершили половой акт и породили потомство. Природа не сентиментальна, она безжалостна. Она должна взять свое. Потому она и находит способы, чтобы побудить мужскую и женскую особи к спариванию.

Таков, в основных чертах, научный подход к половому влечению. Теперь противопоставим ему подход Торы.

Концепция Торы в вопросе о половом влечении у людей изложена в первых главах Книги Брейшис (Бытия). Она гласит, что половое влечение между мужчиной и женщиной возникает в силу совершенно иных причин: они ищут свой Б-жественный образ, по сути дела — самого себя, ищут то, что является квинтэссенцией всякого человеческого существа.

В Торе сказано, что человек первоначально был создан как двуполое существо: «Мужчину и женщину создал Он и нарек их: "человек"». Затем Б-г расколол это двуполое существо, и с тех самых пор расколотые половинки Б-жественного образа ищут друг друга, и каждая тоскует по другой. Это не полуличности: мужчина — вполне развитая личность, женщина — тоже. Но в их трансцендентальном «я», в их трансцендентальной полноте есть элементы, которые остаются неполными, если они не найдут друг друга. Каждому из них чего-то не хватает, ведь когда-то они были частями целого, более великого.

Мистически они на самом деле стремятся объединиться с Б-гом. Человечество это — единое целое, в котором слиты два начала: мужское и женское. Когда мужчина и женщина сходятся и объединяются в супружеском союзе, то воссоздают тот Б-жественный образ, в котором они существовали как целое.

Кабала идет еще дальше. Согласно Кабале имеются две формы энергии. В самом абстрактном выражении одна именуется энергией, проецируемой внутрь, а другая — энергией, проецируемой наружу. Женское и мужское начала существуют в каждом мужчине и в каждой женщине, да и в каждом творении природы. Даже Б-жественное порой именуется в мужском роде, порой — в женском.

Вопреки обычному представлению о «патриархальном Б-ге», в Танахе (Библии), многие атрибуты Б-жественного женственны, например Шхина, являющаяся женской ипостасью Б-жественного.

Итак, мы имеем здесь разделение на две энергии, тяготеющие к тому, чтобы стать одним целым. Человеческая раса была создана по образу и подобию Б-га, но она наполовину состоит из мужчин и наполовину из женщин, и, соединясь, они становятся более значительным целым, тем Б-жественным образом, который ищет союза с Б-гом и стремится реализовать себя на более высоком уровне.

Это и есть духовное объяснение полового влечения. Это влечение, имеющее много физических проявлений, от учащенного сердцебиения до физического влечения к другому существу. Есть тяготение мужчины к женщине и женщины к мужчине, порождаемое стремлением стать полным Б-жественным целым, связанным со своим первоисточником, Б-гом.

Из этого не следует, что люди бывают полностью оторваны от Него, но они могут сбиться на свой собственный, индивидуальный, самовлюбленный, даже эгоистический путь. И вот здесь внутренний голос говорит вам: я жду чего-то более значительного. Когда мужчина испытывает физическое влечение к женщине, или женщина к мужчине, это может показаться самым элементарным явлением, объяснимым биологически, но с еврейской точки зрения, с точки зрения Торы, это всего лишь физическое проявление очень глубокого духовного влечения.

Из этого не следует, что концепция полового влечения, изложенная в Торе, внутренне не связана с целью создания новой жизни. Конечно, эта связь есть. Однако продолжение рода не является единственной целью нашей сексуальности. Скорее наоборот: Б-жественная природа нашей сексуальности — это тот факт, что союз мужчины и женщины делает полноценным Б-жественный идеал, по образу и подобию которого они созданы. Вот что дает нам силу приносить новую жизнь в этот мир.

Поэтому и в самом союзе мужчины и женщины есть нечто Б-жественное. Это находит свое отражение в Ало-хе (Законе Торы), которая освящает брак и в таких обстоятельствах, когда воспроизводство невозможно, например, если мужчина или женщина уже миновали детородный возраст, или физически неспособны к деторождению. Если бы половой акт был всего лишь механизмом для деторождения, можно было бы возразить: «Послушайте, если не для продолжения рода, то для чего тогда брак и половое влечение? Значит половой акт — всего лишь эгоистическое удовольствие? Где же тут святость?»

Ответ на это гласит: «Да, соитие свято! Соединение мужчины и женщины — это Б-жественный акт и Б-жественный опыт».

СКАЖИТЕ МНЕ, РЕБЕ...

עַתִּי עַם עֵינַי

Человек и дерево

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Ребе, в чем разница между человеком и деревом?

– Дерево – это человек, который не говорит, а человек – это говорящее дерево,
– был ответ.

– И в этом вся разница? – удивился ученик.

– Не торопись, выслушай ответ до конца. От чего зависит крепость дерева, его долговечность? От корней. Чем они глубже, тем сильнее дерево. Дерево, вырванное с корнем, погибает. А человек? Человек нередко порывает со своими корнями, а то и вовсе отрекается от них. И что в итоге? Человек без корней не может надеяться на плоды со своего дерева.

Бочка меда и ложка дегтя

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Ребе, скажите мне в двух словах, что такое жизнь?

– Бочка меда, – не задумываясь ответил ребе.

– Бочка меда? А почему он так горчит?

– Ты сам не догадываешься почему? Оглянись на свою жизнь. Ты совершал когда-нибудь неблагоприятные поступки? Грешил? Лгал? Лицемерил?

– Ребе, я ведь не ангел!

– Вот именно! Ты не ангел, и таких, как ты, на свете не сосчитать. Каждый вносит в бочку меда свою ложку дегтя.

Кладбище и розы

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Ребе, какой земле больше повезло: той, что отведена под кладбище, или той, на которой выращивают розы?

– Если бы не было тех, кто нашел успокоение на кладбище, вся земля заросла бы бурьяном.

Выбор или избрание

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Это правда, что Б-г избрал евреев?

– Не избрал, а выбрал, – улыбнулся ребе.

– Разве это не одно и то же?

– Избрание – это преимущество. Выбор – это доверие.

– Мы оправдали его?

– Если бы Б-г нас избрал, у него были бы все основания нас переизбрать.

Чертополох и благородные цветы

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Ребе, почему появились антисемиты?

– А что такое – антисемит? – слукавил ребе.

– Антисемит – тот, кто не любит евреев.

– Вот именно – евреев. А ты встречал много евреев за свою жизнь?

– Их тысячи в нашем городе!

– Тысячи – кого? – ребе даже улыбнулся.

– Евреев! Евреев!

– Ты уверен? Тогда скажи: что такое – еврей?

– Ну хотя бы тот, кто говорит по-еврейски и у кого в паспорте написано, что он еврей.

– Еврей, мой мальчик, это человек, который боится Б-га и выполняет Его заповеди. Ты знаешь много таких людей? – ребе посмотрел в глаза ученику. – Но если нет евреев, то появляются антиевреи, или, как их принято называть, антисемиты. Если нет света, наступает темнота.

Моше-Рабейну и дедушка

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Ребе, мой дедушка утверждает, что он был в стане, когда наш освободитель Моше-Рабейну получил от Создателя Скрижали Завета и спустился с ними из чертогов Б-га. Разве это может быть, если моему дедушке только семьдесят лет?

– Для тебя ему семьдесят, – улыбнулся ребе. – Но если бы твой дедушка не был в стане, как бы мы узнали о Моше-Рабейну и Скрижалях Завета? Твой дедушка – живой свидетель.

ЮБИЛЕЙ

Михаил Швыдкой

יְהִי עִלְיָנוּ דְּעִשְׂרֵי עֹדוֹת דְּמִינֵי עֵינֵינוּ אִיבְרֵי דְּאַיִתְּנוּ

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Искренне рад поздравить замечательный коллектив вашей редакции со славным юбилеем. Первый русско-еврейский журнал новой России отмечает свое десятилетие.

За эти годы «Лехаим» увеличил свой тираж более чем в десять раз, а география подписчиков расширилась по всей огромной России: от Камчатки до Калининграда, от Мурманска до Астрахани. Постоянно возрастающий интерес читателей к журналу – это свидетельство того, что его редакции удалось собрать вокруг себя замечательный авторский коллектив, в котором: художник Б. Ефимов, поэт Я. Козловский, писатели Л. Лазарев, В. Корнилов, Б. Сарнов, Д. Маркиш, Г. Канович.

Переводы Л. Фейхтвангера, С. Цвейга, С. Беллоу; публикации о Л. Разгоне, Г. Сапгире, А. Райкине, Л. Утесове и эксклюзивные интервью видных политических деятелей России и зарубежья – это далеко не полный перечень, говорящий о богатстве и разнообразии публикуемых вами материалов.

Трудно переоценить роль вашего журнала в деле взаимопроникновения и обогащения национальных культур нашей страны.

От всей души желаю вам процветания на многие годы.

Михаил Глуз

Í δαξέääí ò Óääáðäöèè ääääéñéö íáúèí Δññè

Поздравляю журнал «Лехаим» с 10-летним юбилеем!

За столь небольшой срок журнал стал не только популярным литературно-художественным изданием для многих читателей в России и за рубежом, но и центром информации о новой жизни евреев в демократической России.

Особо велика роль журнала в возвращении евреев к своим корням.

Желаю так держать!

Герман Брановер

Í δαξέääí ò Ñíρçà «Οάì èð»

От имени Союза религиозной еврейской интеллигенции из СССР и Восточной Европы в Израиле «Шамир» поздравляю «Лехаим» с первой круглой датой – десятилетием! Вот уже десять лет журнал несет свет Торы десяткам, сотням тысяч евреев. В каждом его номере необходимые русским евреям знания. Эволюция «Лехаима», как в зеркале, отражается в эволюции еврейства огромного региона. Это очень большая его заслуга. Фундамент заложен – впереди много этажей. Успехов!

Зеев Вагнер

Председатель редакционного совета Российской еврейской энциклопедии, представитель в России Союза религиозной еврейской интеллигенции из СССР и Восточной Европы в Израиле «Шамир»

Все свои 10 лет «Лехаим» — это прежде всего его основатель и бессменный главный редактор Борух Горин. Да, журнал делает коллектив – хорошие люди, знающие, профессионалы. Но фундамент, стены и крыша этого коллектива – все Горин, хасид, добрый десяток лет делающий все, что в его силах, для распространения учения Ребе.

Лехаим, реб Борух, до 120-ти!

Яков Этингер

Писатель

Сердечно поздравляю главного редактора журнала «Лехаим» Боруха Горина и всех сотрудников этого авторитетного издания с его десятилетием. «Лехаим» вносит большой вклад в освещение как современных проблем российского еврейства, так и в исследование многих вопросов его исторического прошлого. Журнал способствует росту национального самосознания евреев России, ведет активную борьбу против любых проявлений антисемитизма и вполне закономерно, что «Лехаим» пользуется заслуженной популярностью не только среди широких кругов еврейского населения не только нашей страны, но и многих зарубежных стран. Желаю коллективу журнала новых творческих успехов в его исключительно полезной и ценной работе.

Бенедикт Сарнов

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

От души поздравляю журнал «Лехаим» с его десятилетним юбилеем.

Случилось так, что я стал сотрудничать с вашим журналом сравнительно недавно, да и о самом его существовании – к стыду своему – раньше не знал. И вот – узнал, что издается у нас такой замечательный журнал, с поистине неслыханным в наше время тиражом и – мало того! – без всяких дотаций, на собственном, так сказать, иждивении.

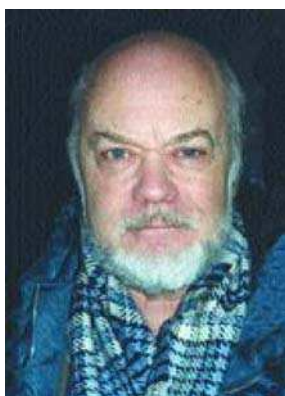
Просто чудо!

Но главное чудо все-таки не в этом.

Главное чудо этого журнала, простите за грубую лесть, в том, что он – умный, тонкий, интеллигентный (что, увы, можно сказать далеко не обо всех наших иллюстрированных журналах с цветными гляцевыми обложками).

Журнал еврейский, даже с явным и несомненным уклоном в религиозность. Но при этом в нем нет еврейской замкнутости, того налета провинциализма, которым, к сожалению, грешат некоторые наши еврейские издания. В нем царит дух широты и толерантности. Я отчетливо ощущаю это, не только листая страницы каждого очередного номера, но и на практике собственных моих (авторских) взаимоотношений с редакцией «Лехаима». Все материалы, которые я предлагаю журналу, появляются на его страницах в том самом виде, в каком я их представил. Такое бережное и уважительное отношение к авторскому слову тоже дорогого стоит.

В общем, спасибо вам за то, что вы есть!

Лев Аннинский

Èèòáðáòáðí ùé éðèòèé, íááèèèèíð

Дорогие друзья!

За 10 лет многое изменилось под родными осинами. Во-первых, стали выпускать. Во-вторых, стали впускать. В-третьих, антисемитизм перестал быть – пусть негласной – государственной политикой.

Впервые обрисовалась совершенно новая ситуация и перспектива жизни евреев в России. Обновляется и их самоощущение: они хотят быть русскими евреями – своеобразным народом в ряду других своеобразных народов России. Так задача еще никогда не стояла, во всяком случае перед евреями России, так что выполнять ее предстоит методом проб и ошибок.

Народ, вообще-то, должен иметь в государстве «местечко». То есть он должен чувствовать под ногами почву. А если у него под ногами нет территории? Все равно: он должен иметь традиции, язык, память, знаки самосознания. Евреи, гонимые на протяжении веков, хранили такие знаки: память о праотцах, язык, возрожденный из древнейших писем, государство, возрожденное из «зоны», память о Холокосте, ненависть к антисемитизму.

Евреи, оставшиеся жить в России, стоят перед задачей: найти новые ориентиры, новые знаки духовной целостности – вписаться в обновляющуюся российскую реальность. Оставаясь евреями и не растворяясь в общероссийской массе, почувствовать свой новый образ. Образ русского еврея.

Многие умы и души уже работают над этой задачей. Многие перья уже скрипят. Найдется ли журнал, который последовательно возглавит эту работу и поможет выполнить ее на благо новых поколений?

Я уверен, что найдется.

«Лехаим»!

Лазарь Лазарев

Ї єїяò аєцї і ааееёеїяò

Я работаю в одном и том же журнале — «Вопросы литературы» — уже сорок с лишним лет, и, наверное, этот опыт позволяет мне более или менее основательно судить о том, что значит десятилетие в жизни ежемесячника. Особенно первое десятилетие — в этот срок любое издание проходит довольно трудную проверку: нужно ли оно, состоялось ли, есть ли у него перспектива?

На эти вопросы, как мне кажется, «Лехаим» с полным правом и легким сердцем может ответить утвердительно. И дело не только в том, что у него для такого рода издания весьма солидный тираж. Главное — сложившийся за эти годы устойчивый круг заинтересованных читателей. Журнал, знакомящий с историей и культурой еврейского народа, с его нынешним днем в Израиле и России, стал своим для русскочитающих, живущих не только в России. Показательна география читательских писем в редакцию: Новгород и Самара, Саратов и Иркутск, бывшие советские республики, страны СНГ, бывает, и зарубежье.

Конечно, завоевать читателей журнал смог потому, что привлек к сотрудничеству талантливых авторов, которых с радостью напечатает любое периодическое издание. Если они регулярно выступают и в «Лехаиме», значит, для них важны поднимаемые в журнале проблемы, значит (что тоже не последнее дело), им уютно не только на страницах журнала, но и в самой редакции. Только в последних номерах «Лехаима» выступили Владимир Корнилов, Шимон Маркиш, Бенедикт Сарнов, Алексей Зверев (разумеется, это примеры, а не исчерпывающий список) — литераторы, работы которых я никогда нигде не пропускаю.

Очень важно для периодического издания и полиграфическое оформление: «Лехаим» приятно взять в руки.

Я не мастер велеречивых пожеланий-тостов, поэтому, поздравляя «Лехаим» с первым десятилетием, скажу коротко и просто на языке моей военной, флотской юности: «Так держать!»

ЧУДО ВОССИЯВШЕГО СВЕТА

Ханука – праздник, особенный тем, что связан он с силой нашего духа.

В отличие от Амана и Амалека греки, завоевавшие землю Израиля во

II веке до новой эры, не стремились истребить евреев физически. Речь шла «всего лишь» об изменении духовной сущности народа – об обращении его к идолопоклонству (кстати, сущность событий, с которыми связан праздник, как нельзя лучше свидетельствует о приоритете духа над материей!).

Иеуда Макавей с сыновьями первый поднялся на борьбу за еврейское будущее своего народа, за верность заветам Торы и, без преувеличения сказать, за нашу с вами и наших потомков будущее. И они победили.

Уже древний историк Иосиф Флавий назвал Хануку «праздником света». Света не только в физическом смысле, но более всего в смысле духовном. Победа Макавеев позволила очистить оскверненный язычниками Храм и зажечь святую храмовую менору, которой, несмотря на малое количество масла, Г-сподь даровал гореть восемь дней, таким образом ознаменовав чудо, совершенное человеческим духом, когда немногие победили многих, чистые – нечистых...

И в наши дни чудо Хануки продолжает быть столь же невероятным и щедрым на свет. Надо отметить, что в течение последних пяти-шести лет процесс возрождения еврейских общин стал столь интенсивным – тысячи людей вспомнили о своем еврействе! Мы расскажем вам, как загорался ханукальный огонь от самой западной точки страны – Калининграда до крайнего востока – Приморья и Сахалина.

Еврейская община Калининграда готовилась к Хануке загодя. При содействии генерального директора «Балтик ГМБХ», руководителя местного филиала Российского еврейского конгресса Леонида Зямовича Плитмана была изготовлена большая ханукия, которую установили на центральной площади города.

Во Дворце культуры моряков состоялся торжественный ханукальный вечер – собралось около 500 человек! На нем присутствовали такие почетные гости, как консул Государства Израиль в России Шмуэль Полишук, представители областной и городской администраций. Многочисленные поздравления перемежались еврейскими песнями, которые вместе со всеми пел главный раввин Калининграда и Калининградской области Давид Шведик. В завершение первой части программы дети получили подарки – маленькие ханукии и ханука гелт – небольшие ханукальные денежные «премии». Увенчался праздник застольем и веселыми танцами. Репортаж о праздновании Хануки в еврейской общине напечатала областная газета «Калининградская правда».

Конечно, такой чудесный вечер не состоялся бы без экономической поддержки, оказанной калининградским филиалом Еврейского агентства в России и, что нельзя не отметить, местными бизнесменами.

Ханукальный праздник в Архангельске еврейская община готовила совместно с благотворительным фондом «Хесед Ахим», Архангельским представительством ЕАР и бизнесменами города, оказавшими существенную финансовую поддержку. Замечательным событием праздничных дней стал концерт главного кантора Большой хоральной синагоги Петербурга

Боруха Финкельштейна, выступившего в Малом зале Архангельской филармонии. На концерт пришли и мэр города О.В. Нилов, и начальник управления общественных связей администрации области С.П. Алешинцев, и другие руководители области.

На праздничном вечере общины состоялся спектакль, посвященный традициям и истории праздника, который поставил молодежный клуб. Он увенчался торжественным зажжением ханукии. После праздничной молитвы и ханукального гимна «Маоз Цур» программу продолжили самодеятельные артисты. Завершился вечер веселыми танцами, громким «Лехаим!», играми в дрейдл (волчок) и конкурсами с призовыми ханука гелт.

На шестой день в офисе еврейской общины и Хеседа собрались пожилые люди. Ребята из молодежного клуба подготовили для них концерт – и какой!.. А завершилась ханукальная неделя праздником для самых маленьких. Подготовили его активисты Хеседа и молодежь.

В общей сложности в ханукальных торжествах приняли участие более 300 человек.

В праздновании Хануки в Северодвинске приняли участие члены общины всех возрастов. Праздничная трапеза в красиво украшенном зале была с латкес (картофельные оладьи), фруктами, сладостями и другой снедью. Все это помогла устроить Федерации еврейских общин России (ФЕОР). Вечер прошел традиционно: рассказав историю ханукальных праздников, зажгли первую свечу – прообраз того огня, что загорелся в Храме после победы Хасмонеев. Более чем через две тысячи лет свет его долетел до далекого северного города, в котором евреи появились всего около 60 лет назад после того, как было принято решение о строительстве ныне известного всей стране судостроительного завода. В концертной программе участвовали члены молодежного клуба, ученики воскресной еврейской школы, их родители. Дети получили ханука гелт шоколадными монетами.

Ханука в Петрозаводске началась в синагоге молитвой и трапезой, в которых приняли участие 30 человек. А потом праздничными мероприятиями Ханука прокатилась по городу, как рассыпается искрами огонь. В воскресной еврейской школе «Йом ришон» прошел праздничный утренник, как всегда, с шумным весельем детворы. Разыграв сценки из истории Хануки, все вместе, школьники с педагогами и родителями, перешли к сладкому застолью.

Члены еврейской общины собрались в республиканском центре искусств. Рассказав о смысле Хануки и непреходящей значимости этого праздника для всех евреев, председатель религиозной общины Дмитрий Цвibelь вручил членам общины, постоянно выполняющим

заповедь о цдоке, почетные грамоты: Лазарю Побережному, Дмитрию Генделеву, Сергею Климбергу. Когда зажгли первую ханукальную свечу, молодой солист Андрей Цвибель спел «Атикву», а потом дебютировал детский танцевальный ансамбль общины. Праздничная трапеза объединила 220 человек. Ханука оставила чувства радости и братства.

Евреи Выборга собрались на Хануку в центре социальной помощи «Эгос». Сначала ученики воскресной еврейской школы показали праздничное представление: на сцене с декорациями Храма развернулись события более чем двухтысячелетней давности, закончившиеся победой Макавеев. Затем все перешли к празднично накрытым столам в красиво убранном зале. Здесь торжество открыл председатель еврейской общины Лев Креймер. Поздравив собравшихся, он зачитал поздравительные письма, пришедшие в адрес Выборгской общины. А затем... ханукальный дрейdl около полуметра в диаметре крутился не переставая. Разыгрывались призы за все лучшее – рисунок, рассказ, песню, танец... Никто из детей не остался без подарка. И, конечно, они получили ханука гелт. Приятно отметить, что праздник не обошелся без гостей, приехавших из Приозерска и поселка Советский.

В этом году о приближающейся Хануке в Петербурге знали буквально все. Помимо привычных афиш на улицах красовались большие рекламные щиты с девизом «Пусть свет разгонит тьму!» Приглашения принять участие в празднике звучали по каналам городского радиовещания. А почта разнесла по домам несколько тысяч поздравлений и приглашений на праздник.

Хануку праздновали во всех еврейских организациях города. Ученики «Бейт Сефер Менахем» и школы № 224, воспитанники детских садиков «Ган Менахем» и «Ган Хая-Мушка», как обычно, порадовали родителей и учителей своими поделками, спектаклями и концертами.

По традиции ханукальный праздник в петербургской еврейской общине начинается в Большой хоральной синагоге. На этот раз всех в первый праздничный вечер ждал сюрприз – концерт классической музыки в недавно отреставрированном большом зале. Идея такого концерта принадлежит профессору Леониду Вайсбергу, он воплотил ее в жизнь вместе с заслуженным артистом России профессором Павлом Егоровым. В прекрасном исполнении прозвучали симфонические произведения на еврейские темы Ф. Мендельсона, М. Бруха, Д. Шостаковича и других композиторов.

После приветствия председателя общины М.Д. Грубарга главный раввин Петербурга М.-М. Певзнер зажег во дворе синагоги большую ханукию. Собравшихся приветствовал представитель посольства Израиля Шмуэль Полищук... Настроение царило самое радостное и торжественное. И, конечно, не обошлось без фейерверка, множества бенгальских огней и воздушных шаров, воспаривших к ночному небу... Во всем этом особая заслуга организатора праздничной церемонии р. Цви Пински.

В воскресной школе еврейской общины Пскова в канун Хануки прошло чаепитие с традиционными пончиками, суфганийот, и веселыми песнями. А вечером в общине зажгли первую ханукальную свечу. В еврейском общинном центре все дни праздника зажигали ханукальные светильники и собирались за чаем. А 15 декабря свечи были зажжены в городском театре на праздничном концерте, прошедшем в рамках подготовки национальных общин города к празднованию 1100-летия Пскова. Общинный же праздник состоялся в концертном зале детской музыкальной школы духовых инструментов с участием петербургского певца Константина Котельникова, танцевального ансамбля петрозаводской еврейской общины и учащихся еврейской воскресной школы. Особое внимание привлекало убранство зала – постаралась молодежь общины, проявила и умение, и вкус, а главное, большой и глубокий интерес, отчего свет Хануки горел еще ярче, согревая сердца людей!

Евреи Смоленска к Хануке получили подарок – ханукальные светильники и свечи, текст гимна «Маоз цур». В зале смоленского музыкального училища на праздничный вечер собрались около 150 членов общины. Председатель общины Зиновий Агранат открыл торжество, а

когда зажгли свечи, было оглашено ханукальное послание Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона.

Ну, а какой же еврейский праздник без хорошей музыки! И эту проблему в лучших традициях решил ансамбль клейзмерской музыки под руководством Татьяны Петуниной.

Еврейская община Рославля организовала ханукальные вечера для людей всех возрастов в отдельности – для пожилых, людей среднего возраста, молодежи и, конечно, для учеников воскресной еврейской школы.

Празднование Хануки в Клинцах прошло в новом общинном центре, созданном при финансовой поддержке ФЕОР. На Хануку здесь побывали более 200 человек, причем более трети – дети.

Ханукальные мероприятия еврейской общины Брянска проходили в здании еврейской школы, каждый вечер перед ней зажигалась большая ханукия, а внутри проходили праздничные трапезы и детские концерты.

Евреи Тулы отметили Хануку в общинном центре по клубам. В кулинарном клубе волонтеры угощали традиционными праздничными блюдами еврейской кухни. В молодежном клубе «Мигдаль» собрались пятьдесят человек, и программа была поначалу более традиционной для Хануки, чем в кулинарном клубе: рассказав об истории праздника, зажгли первую свечу, потом состоялась викторина, посвященная традициям праздника. Правда, завершение вечера для еврейской традиции было нестандартным: всех увлекла дискотека.

В один из праздничных дней около 300 членов общины собрались в Тульском доме офицеров. После того как прозвучало послание главного раввина России Берла Лазара, учащиеся воскресной еврейской школы открыли концертную программу. Молодежь показала постановку о восстании Хасмонеев. А затем в зале была торжественно зажжена ханукия. Весь вечер звучала «живая» музыка ансамбля клейзмерской музыки «Алэвай» под руководством Михаила Хатилина.

В один из ханукальных праздничных дней члены еврейской общины Орла собрались в кафе. Вечер начал председатель ЕРО «Центр Шалом», огласивший послание главного раввина России Берла Лазара. 16 декабря ханукальный концерт состоялся в концертном зале орловского музыкального училища. Председатель общины Семен Абрамович Лившиц вместе с учащимися воскресной еврейской школы зажег свечи. Школьники показали танцевальную композицию по истории Хануки. В завершение выступил клейзмерский ансамбль ЕРО «Центр Шалом» под руководством Владимира Иванова.

Ханукальный вечер в Белгороде собрал более 100 членов еврейской общины, взрослых и детей. После того как загорелись свечи, молодежный клуб показал театрализованное представление об истории праздника. С приветственным словом обратился к общине ее председатель Ю. Грисько. Все участники вечера получили подарки – ханукальные наборы

(светильник и разноцветные свечи), присланные ФЕОР. С того дня в каждом доме прибыло радости и света – света праздника, дружбы и любви.

Торжества в еврейской общине Тамбова открыл ее председатель И.С. Мишиев. Он поздравил всех, зачитал послание главного раввина России Берла Лазара. Все участники праздника получили ханукальные свечи и ханукии, а дети – сладкие подарки и ханукальные денежки, затем все собрались за праздничным столом. Весь вечер звучала музыка в исполнении ансамбля общины.

В Костроме накануне праздника около здания синагоги как по волшебству выросла большая ханукия. В торжествах принял участие раввин Мойше Тамарин. В первый ханукальный вечер после зажжения свечи состоялись концерт и трапеза.

На совместном вечере благотворительного центра «Хасдей Цион» и еврейской общины собралось около 100 человек. Председатель общины зажег ханукальный светильник, и началось театрализованное представление о событиях Хануки. В последний вечер праздника объединились молодежные клубы общины и ЕАР, чтобы провести праздник в популярном городском зале «Старый центр». Здесь собралось около 200 гостей, были и представители администрации города.

Нижнего Новгорода тоже достиг свет Хануки, да еще какой! На протяжении всей ханукальной недели нижегородцы были свидетелями зажигания большой ханукии, установленной в центре города; по улицам курсировали автомобили с ханукальными светильниками на крышах. Но не меньше света распространяли группы учеников ешивы: они ходили по еврейским семьям, чтобы рассказать о празднике, дарили подарки, угощали традиционными пончиками.

10 декабря в академическом театре драмы имени М. Горького состоялся большой праздничный концерт силами 70 учеников лицея «Ор Авнер» и 30 воспитанников детского сада «Ган Менахем». Неоценимый вклад в организацию этого торжества внесли раввины Бергман, Фишер и их супруги. Женский клуб «Хая-Мушка», возглавляемый ребецн Яэль Бергман, провел свое праздничное заседание в синагоге. А в последний вечер Хануки, тоже в синагоге, прошел праздник, организованный молодежным клубом «Хаим». Хорошее название для клуба выбрала молодежь. Народ Израиля жив и жить будет!

В Саратове городской праздник, посвященный Хануке, начался в здании еврейской школы. Ее ученики и ребята из старшей группы детского сада показали замечательный концерт, а затем... один за другим последовали всевозможные конкурсы – с призами, подарками, с праздничным угощением. К вечеру ханукальное действие перенеслось в центр города – там при участии главного раввина Саратова и Саратовской области Якова Кубичека, губернатора Саратовской области Дмитрия Федоровича Аяцкова, членов областного правительства была торжественно зажжена первая свеча большой ханукии.

Молодежь общины провела свой праздничный вечер в еврейском общинном центре. В саратовском Академическом театре драмы на выступление тульского ансамбля клейзмерской музыки «Алэвай» собралось около 600 человек. К билетам на концерт прилагалась «нагрузка» – подарочный набор ханукальных свечей и светильник. Что и говорить, светло и радостно было у евреев на душе!

Общинный праздник в Кинешме состоялся в культурно-развлекательном комплексе «Садко». Здесь были и детский концерт, и театрализованное представление молодежного клуба «Чудеса и отвага», и специальная викторина, а затем игры и трапеза. Ханукальные встречи проходили в столовой Хеседа и в воскресной еврейской школе.

Хануку члены еврейской общины Светлого Яра Волгоградской области отмечают уже второй год. Праздничных мероприятий хватило на всю ханукальную неделю. Особое внимание здесь уделили детскому празднику, который кто только ни готовил: и актив еврейской общины, и преподаватели с учащимися воскресной школы, и члены молодежного и женского клубов! Школьники заранее позаботились об украшении зала: приготовили гирлянды и шары. Торжество началось с того, что приветствие главного раввина России Берла Лазара огласила заместитель председателя общины В.А. Антонова, а затем дети показали представление в стихах, посвященное истории праздника Ханука. Женщины не преминули собраться на праздник в своем клубе. Здесь главной темой стали традиционные ханукальные блюда. Состоялся праздничный вечер и в Волгоградском еврейском общинном центре, гостями праздника были члены светлоярской общины, приехавшие сюда автобусом.

В ханукальном вечере еврейской общины Владикавказа приняли участие более 200 человек, собравшихся в городском кафе. Торжества прошли и в молодежном клубе, и в воскресной еврейской школе, даже в клубе холостяков «Менуха»!

Ханукальный праздничный вечер в Магнитогорске собрал более 400 человек. Магнитогорская еврейская религиозная община сумела всех одарить сладкими подарками, вкусными пончиками. Слова с транспаранта, красовавшегося на сцене: «Ханука – это Праздник Света. Зажгите свечи – пусть в мире станет светлее» – стали девизом праздника. Евреям передали поздравления от главного раввина России Берла Лазара, от руководства Челябинской области и администрации города Магнитогорска. Концертную программу по традиции начали самые юные – учащиеся еврейской школы. Только ребята зажгли лампочки большой хануки, установленной на сцене, тут же появился замечательный танцевальный ансамбль «Симха» под руководством Е. Боровковой. Танцоров «Симхи» сменил ансамбль «Атиква» под руководством Л. Никитиной. Затем зал аплодировал хору мальчиков музыкального колледжа Магнитогорской государственной консерватории «Соловушка Магнитки» под руководством профессора А.В. Никитина. И, конечно же, с бурным успехом прошло выступление молодой танцевальной пары Анны Кутовой и Михаила Свердлика, лауреатов многих престижных конкурсов балльных танцев. А кто этот замечательный праздник организовал? Магнитогорская еврейская религиозная община (председатель И.Я. Котляр), Центр еврейской культуры «Хаверим» (председатель Ф.А. Пори́на, исполнительный директор Р.С. Лаздынь), «Хесед Эзра» (директор Г.Г. Атеев) и еврейская школа (директор Т.И. Полякова). Мо-лод-цы!

На торжественный ханукальный вечер во Дворец железнодорожников в Челябинске собралось около 700 человек. Фойе изобиловало фотостендами, рассказывающими о жизни общины. Каждому бесплатно вручали журнал «Лехаим», газету «Мошиах Таймс», а дети преподносили ханукальные светильники. Председатель еврейской религиозной общины «Иудим» А.И. Жук рассказал всем собравшимся в этот вечер о деятельности общины, поздравил их с

праздником. Главный раввин Челябинска и Челябинской области Меир Кирш зажег первую ханукальную свечу – и начался концерт. В нем приняли участие ученики общеобразовательной школы еврейской культуры и традиции, воскресной еврейской школы, а затем на сцене занял место ансамбль klezmerской музыки «Алия» из Самары под руководством Марка Когана. Для желающих продолжить праздничную программу – а их оказалось около 180 человек – подали автобусы, и они отправились в центр города к девятиметровой ханукии на зажигание первой свечи.

Одним из важных мероприятий праздничной недели стал ханукальный вечер для бизнесменов. Председатель общины «Иудим» А.И. Жук и раввин Меир Кирш, рассказав гостям о деятельности общины, показали видеофильм о первых посланниках Ребе в Советском Союзе, об открытии Московского еврейского общинного центра с участием президента России В.В. Путина. Надеемся, новые впечатления обернутся добрыми, прочными контактами, расширяющими круг добрых еврейских дел.

Около ста евреев Златоуста праздновали Хануку в читальном зале городской библиотеки. Приветствие главного раввина России Берла Лазара зачитала заместитель председателя общины Н.И. Юдович. Большим сюрпризом для всех стало выступление девушек из танцевального ансамбля, исполнивших еврейские танцы. С особым чувством все вместе спели «Шолом Алейхем». На прощание все получили подарки – маленькие ханукии. Пусть еврейские дома осветит их чудесный свет!

Как приятно было еврейской общине Троицка накануне праздника собраться в своем новом офисе! Говорили об истории и традициях Хануки. Слушали аудиокассету «Ханука. Сказка для взрослых?», подготовленную студентами и преподавателями московской ешивы «Томхей Тмимим». На праздничный вечер собралась почти вся община – 40 человек. На каждом столе была своя ханукия; их зажгли и поставили на окна, чтобы прохожие видели чудо света.

В городе Миассе более 80 человек приняли участие в ханукальном празднике. Свечи вместе зажигали самые маленькие ученики еврейской школы и самые уважаемые люди общины. Затем председатель И.А. Герштейн рассказал об истории и традициях Хануки, и началось веселье!.. На празднике была Роза Трахтман, возглавляющая отдел алии ЕАР в Уральском регионе.

К празднику Ханука еврейская община Коркино получила в подарок от ФЕОР 26 ханукальных светильников. Новый общинный центр украсили гирляндами, цветами, атрибутикой ФЕОР. Специально к празднику выпустили стенгазету «Наша жизнь». Собравшиеся за праздничными столами услышали поздравление главного раввина России Берла Лазара, которое зачитал председатель общины С.А. Нухимзон. Он рассказал об итогах работы недавно завершившегося второго съезда ФЕОР. Ну, а потом было все как и должно быть в этот замечательный праздник, чтобы в наших душах и вокруг нас умножался свет!

На праздничный вечер еврейской общины города Кургана в начале Хануки в столовой «Славянка» собрались около 300 человек. Но начали не с радостного, а с печального: председатель Г.Е. Добрусин объявил минуту молчания в память о погибших от рук террористов в Иерусалиме и в Хайфе в ноябре и декабре минувшего года. А дальше, конечно, был настоящий праздник! В

завершение ханукальной недели во Дворце железнодорожников прошел концерт еврейских хора из Уфы и танцевального коллектива из Тюмени, собравший около 500 человек.

В канун Хануки члены еврейской общины Озерска получили в подарок 100 ханукальных светильников. Впервые в истории закрытого города в домах евреев горели ханукальные свечи.

В газете «Южноуралец» города Чебаркуля было напечатано поздравление членам еврейской религиозной общины с праздником Хануки и с пожеланиями радости и уверенности в торжестве света и правды.

Еврейская община Новокузнецка провела свой ханукальный праздник в местном ресторане «Москва». На торжественном зажигании ханукии были 160 человек.

Евреям Юрги даже лютой мороз не помешал зажечь ханукальные свечи и посмотреть праздничную программу, которую подготовили члены молодежного клуба во главе с Вячеславом Макаровским. Активистки женского клуба общины угощали гостей традиционными блюдами еврейской кухни. Так что было светло, тепло душевно и физически и, конечно, памятно, потому что, как оказалось, никакие холода не выморозят из евреев евреев!

Празднично украшенный зал, где отмечали Хануку члены еврейской общины Владивостока, оказался слишком тесен: пришло более 200 человек. Но – в тесноте, да не в обиде! Торжественно зажгли ханукальные свечи, председатель еврейской общины города Владимир Янкелевич прочитал поздравление главного раввина России Берла Лазара. Звучали еврейские мелодии в исполнении клейзмерского ансамбля «Ноар». Ханука удалась!

Во Дворец культуры Биробиджана пришли около 600 человек – это собрал их общегородской праздник Ханука! Творческий коллектив ГДК подготовил спектакль о восстании и победе Макаеев. После спектакля коллектив художественной самодеятельности общины «Фрейд» подарил всем замечательный концерт. Ханукальные свечи зажигались во всех клубах общины. Прошел праздничный вечер и в воскресной еврейской школе. Отмечали Хануку в селе Амурзет Октябрьского района ЕАО и члены клуба «Мазаль».

В домах евреев Корсакова в островном краю зажгли ханукальные свечи... Чтобы оценить всю значимость этого события, нужно понять, что на Сахалине за всю его историю – до революции, в период японского владычества и в советское время – еврейской традиции практически не знал никто. В этом году еврейские общины Корсакова и Южно-Сахалинска решили провести Хануку вместе. Торжественный вечер состоялся в областном центре, куда съехались члены общин обоих городов. Открыл праздник председатель еврейской общины Южно-Сахалинска Венислав Котман, а председатель Корсаковской общины Леонид Миронов зачитал поздравление главного раввина России Берла Лазара. Право зажечь ханукию было предоставлено жителю Корсакова – ветерану Великой Отечественной войны. Потом было много песен на идише и на иврите, танцы, небольшое представление детского творческого коллектива и игра в дрейлл. Ах, как хорошо все делать сообща!

ПРИВКУС ЧУДА

Среди еврейских праздников немало радостных, но я, помнится, с раннего детства всегда особенно ждал Хануку. Не потому, что на этот праздник получил свой первый памятный подарок, а потому, что от него остался долгий «привкус» чуда. В послевоенные годы старшие к Хануке где-то доставали самодельные свечи, и отчим рассказывал мне о событиях, происшедших очень давно, событиях героических и почти невероятных на далекой родине евреев...

Прошло много лет. Моя семья оказалась в Иванове, где о настоящей еврейской жизни давно забыли. Но 9 лет назад мы, наконец, организовали в городе первое еврейское объединение. Конечно, праздники поначалу отмечались только самодельно: собиралось небольшое число людей, сидели, делились семейными воспоминаниями. Приходили, как правило, не с пустыми руками, приносили кто что мог, иначе чувствовали себя как-то неловко.

В последние годы с рождением ФЕОР все праздники у нас стали многолюдными. Все больше евреев стали вспоминать о своих корнях, а главное, на праздники стали приводить детей, которые с большой радостью принимали в них участие. Детская память очень глубока – я-то помню свои первые Хануки!..

Уже второй год директор воскресной еврейской школы Роза Пухова готовит к Хануке спектакль. Сценарий в соавторстве с ней написали Юрий Пигута и Ольга Липкинд, декорации – преподавателя школы Юрия Ермилова. Кстати, он единственный взрослый участник спектакля. В этом году постановка получилась особенно музыкальной – Роза Ефимовна аранжировала пятнадцать песен! А результат? Горячие аплодисменты зала, собравшего около 300 человек, и слезы, лучше слов отражающие чувства зрителей.

Чтобы подчеркнуть связь времен, в программе прозвучали выступления известных в Иванове музыкантов: заслуженной артистки России Надежды Максимовой и Михаила Куртова с песнями И. Дунаевского, О. Фельцмана, И. Шварца. Организатором концерта и его ведущим был Михаил Яроцкий.

Каждый древний еврейский праздник имеет и свою особую кулинарию. Поэтому для нас стало традицией проводить конкурсы хозяек, не забывших родительские кулинарные рецепты. На этот раз состязались в приготовлении мучных блюд. Победили представители двух поколений – заслуженный работник культуры Мирра Шершова и молодежный лидер Аня Уманская. А подарки достались всем участникам конкурса – конечно же, это книги по еврейской кулинарии.

Кстати, меньше конкурсантов можно было оценить на общей трапезе. Были там и латкес с пончиками, приготовленные одной из лучших столовых города, – более тысячи штук того и другого; были фрукты, еврейская водка и прочее... Словом, старания еврейских организаций города не прошли даром – праздник получился интересным, торжественным, вкусным и памятным. Возможно, на всю жизнь.

יְדֹאֵי עֵדֶוֹאֵי, יְדֹאֵי עֵדֶוֹאֵי יְדֹאֵי עֵדֶוֹאֵי יְדֹאֵי עֵדֶוֹאֵי

В ВОЛГОГРАДЕ ТОЖЕ МНОЖИТСЯ СВЕТ

В этом году ханукальные праздники в городе на Волге привлекли значительно больше еврейских семей, чем когда бы то ни было. Сыграл свою роль в этом и заранее опубликованный в городской еврейской газете «Шофар Поволжья» план проведения праздника «Ханука-5762». Евреи готовились к празднику основательно и ответственно. Праздничные дни предварил двухдневный молодежный семинар «Мастер-класс: еврейские народные и современные израильские танцы», организованный волгоградским еврейским общинным центром и проведенный инструкторами методико-информационного центра «Джойнт» Саратова.

Результат был потрясающим: десятичасовой танцевальный марафон перешел в дискотеку с зажигательной игровой программой (ее вел неутомимый ведущий Лиор, девятиклассник школы «Ор Авнер»), которая грозила затянуться намного дольше запланированного времени.

В первый день Хануки ученики школы «Ор Авнер» исполнили заповедь посещать больных: престарелым и больным евреям они развозили гуманитарные продуктовые посылки и свежеспекаемые пончики.

Ко второму дню Хануки было приурочено заседание клуба «Посиделки».

Чтобы разместить всех желающих принять участие в вечере, пришлось «раздвинуться» стенам помещения, но в Хануку чудеса – дело привычное, места хватило всем. А потом веселье выплеснулось на улицу к большой ханукии, на которой раввин Залман Иоффе зажег ханукальный свет.

Старшеклассники устроили захватывающее оригинальное действо – интеллектуальный спор, олицетворяющий словесную дуэль иудаизма и эллинизма.

Малыши из детского сада «Ган Геула» и младшие школьники на своем празднике «Огни Хануки» встречали нарядную Симху (Радость), которая раздавала всем «кусочки» счастья. А Лень и Скуку, пожаловавших сюда, дети разогнали веселыми песнями и танцами. Был и конкурс ханукий, где в ход пошли все «подручные материалы»: картошка, тесто, бутылки из-под пива, одноразовые стаканчики, обои, даже светящаяся гирлянда.

В ханукальную неделю гостеприимно распахнул свои двери женский клуб. Кто-то предпочел здесь «Веселую Макабиаду», кто-то – показ сцен (премьеры) из спектакля молодежного театра-студии «Мааян» («Источник») под руководством заслуженного артиста России Александра Таза.

Но пиком праздника стал сольный концерт петербургского кантора Боруха Финкельштейна в большом концертном зале Дома офицеров, на который смогла попасть не только волгоградская община, но и все желающие из еврейских общин соседних городов – Волжского и Светлого Яра. Волгоградский «Хесед Хаим» при поддержке ростовского отделения БФ «Джойнт» заказал для них специальные автобусы. После концерта гостей доставили к Первомайскому скверу, где зажигали большую ханукию.

Òàì àdà Dìéçáí

ЭДУАРД РОССЕЛЬ ЗАЖЕГ ПЕРВУЮ СВЕЧУ

9 декабря губернатор Свердловской области Эдуард Россель, заместитель премьер-министра областного правительства Семен Спектор, министр образования Валерий Нестеров и заместитель руководителя администрации губернатора Юрий Пинаев побывали на большом торжественном ханукальном концерте, состоявшемся во Дворце молодежи Екатеринбурга, где было и 220 учеников екатеринбургской общеобразовательной еврейской гимназии. Почетных гостей встречал главный раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкенази. Честь зажечь первую ханукальную свечу доверили Эдуарду Росселю. Губернатор с особым приветствием обратился к учащимся гимназии, открытой при его непосредственном участии.

В ОБЩИНЕ ДУША РАДУЕТСЯ

Ханукальные дни для членов еврейской общины Набережных Челнов были богаты событиями. Судите сами: праздник зажигания первой свечи и торжества в воскресной еврейской школе, конкурс ханукальных поделок в клубе подростков и выпуск детского «самиздатовского» журнала, приуроченный к Хануке, к тому же подготовка к главному событию – «Празднику восьми свечей», полному юмора и танцев спектаклю по мотивам рассказов Шолом-Алейхема... И это еще не все!

Седьмой день Хануки еврейская община «Шалом» отмечала в киноконцертном зале Дома дружбы народов «Родник». На стенах в фойе все с удовольствием рассматривали фотостенды о жизни общины «От Хануки до Хануки...» А какова была сцена! Ее украшали букеты цветов, ханукии с разноцветными свечами – они зажглись в самый торжественный момент праздника! В центре сцены красовалась большая ханукия.

Гостей праздника встречал председатель общины «Шалом» Семен Владимирович Тельман в окружении детей в еврейских национальных костюмах. Кстати, на праздник пришли не только евреи, но и их друзья из других национальных общин города. Они пришли так, как приходят в дом к своим друзьям: кто-то приготовил теплые, прекрасные слова, кто-то песню, кто-то сувенир, а корейская община в знак дружбы преподнесла горшочек с живыми цикламенами... Зачитав поздравление главного раввина России Берла Лазара, председатель общины передал слово учителю истории и традиций Брониславе Абрамовне Тарант, которая рассказала о празднике. Затем настало время спектакля. С воодушевлением новоявленные артисты разыграли сватовство, еврейскую свадьбу, обряд хупы... Софья Ильинична Вайнберг играла сваху, она же – режиссер спектакля, Софья Моисеевна Никифорова – подруга свахи, врач Александр Иосифович

Арановский – жених Йоселе, школьница Олеся Цехановская играла невесту. Весь спектакль был не только захватывающим, но и познавательным. Всеобщее оживление вызвала живая белая курица, которой благословляли молодых, а еврейские танцы, органично вплетенные в действие спектакля (хореограф О.Н. Скрынникова), так и звали в пляс. Под занавес все вместе спели песню о Хануке на мотив знаменитой «Тум-балалайки».

После такой насыщенной программы все еще дружно отправились в банкетный зал, где центральное место занимали румяные латкес и пончики, яблочные и капустные пироги, маслины и многие другие яства. «Наши праздники с каждым разом становятся все лучше и лучше. Душа отдыхает в общине и радуется!» – слышали активисты «Шалома» на прощание. Дай Б-г, чтоб так было и впредь!

נאִיִּדְעִי אֶל־וְאֵיִי אֵי

ПРАЗДНИК СВЕТА В НИКОЛАЕВЕ

Сегодня часто приходится слышать, что после распада СССР страны СНГ и Балтии все больше отдаляются друг от друга. Не географически, конечно, – на карте Евразии все остается на прежних местах, – а по своему жизненному укладу, по культурным, политическим, хозяйственным пристрастиям их народов и правительств. Хорошо это или плохо, судить не нам: об этом скажут потомки.

А сейчас хочется сказать о евреях.

Благодаря тому что все больше и больше людей возвращается к своим национальным традициям, к непреходящим ценностям, мы, евреи, с каждым годом все явственнее чувствуем себя единой общностью, если угодно, единой семьей, которая старается жить по законам, заповеданным нам Торой, по заветам наших мудрецов. В Восточной Европе и на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Сибири и Средней Азии 25 Кислева, как сотни и тысячи лет назад, мы зажигаем первую ханукальную свечу, и все вместе восемь дней живем в ханукальном свете заслуженных чудес, добра и радости.

Об этом рассказывают наши корреспонденты из Украины, Латвии и Казахстана.

9 декабря в центре Николаева зажглась первая свеча ханукального светильника – символа победы света над тьмой. Главный раввин города и Николаевской области Шолом Готлиб, посланник Любавичского Ребе, помогает евреям почувствовать и учиться создавать атмосферу прекрасных еврейских праздников и традиций. Весело и шумно праздновали Хануку в общине. Детский садик и школа «Ор Менахем» организовали прекрасный совместный концерт. Новым

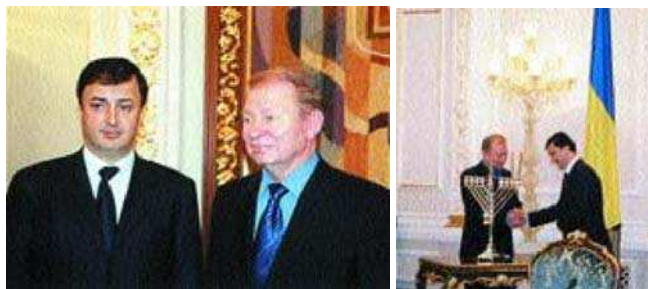
репертуаром порадовал всех хор мальчиков. Театр «Уездный город N» под руководством С.А. Белого показал о Хануке театрализованное представление. Восемь дней в самом центре города происходило чудо – зажигались ханукальные свечи, освещая и озаряя мир вокруг нас, разгоняя тьму.

נאִיִּדְעִי אֶל ה' וְאִיִּי

ВСТРЕЧА ПРЕЗИДЕНТА Л.Д. КУЧМЫ С РАВВИНАМИ УКРАИНЫ

10 декабря минувшего года в Киеве, на второй день праздника Ханука, состоялась встреча президента Украины Леонида Даниловича Кучмы с главными раввинами городов и регионов Украины. Во встрече принимал участие основатель фонда «Ор Авнер Хабад-Любавич», президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев.

Встрече предшествовала беседа, в которой приняли участие Л.Д. Кучма, Л. Леваев и главный раввин Днепропетровска Ш. Каминецкий. Затем Президент Украины поприветствовал раввинов Украины и поздравил всех присутствующих с праздником Хануки. Леви Леваев от имени евреев Украины вручил президенту подарок – серебряный ханукальный светильник. В честь праздника Леонид Данилович Кучма зажег на ханукальном светильнике свечи, после чего началась дружеская беседа за круглым столом.

В ходе беседы был затронут ряд вопросов, касающихся еврейской жизни в Украине. Леонид Данилович Кучма отметил ту огромную роль, которую раввины Украины играют как духовные лидеры еврейского народа, их большой вклад в дело возрождения еврейской культуры, поблагодарил их за значительный вклад в укрепление межнационального мира и согласия в стране. Президент подчеркнул, что в независимой Украине делается все возможное, чтобы каждый народ мог свободно исповедовать религию своих предков, возрождать свои культуру и искусство. В частности, Л.Д. Кучма отметил, что как президент он и далее будет способствовать передаче еврейским общинам Украины культовых зданий: синагог, ешив, хедеров.

Раввины городов и регионов Украины поблагодарили президента, а в его лице и все украинское государство за заботу и внимание к еврейским общинам, за понимание насущных потребностей евреев Украины. Много было сказано о тех благоприятных изменениях, которые произошли в религиозной жизни Украины за 10 лет независимости, благодаря чему стал возможен небывалый подъем еврейской жизни, свидетелями которого мы являемся.

В заключение беседы прошла молитва за здоровье президента и благополучие украинского государства. По традиции были сделаны памятные фотографии о дружеской встрече в дни празднования одного из самых значительных еврейских праздников – Хануки.

ХАНУКАЛЬНАЯ МОЗАИКА ДОНЕЦКА

Звучит веселая еврейская музыка. Она привлекает людей, и они собираются на бульваре имени Пушкина у большой ханукии. Несмотря на сильный мороз многие евреи, да и не только они, пришли на праздник. Поздравив евреев, рассказав об истории праздника, главный раввин Донбасса зажигает первую свечу, и свет огней шамаша и свечи всему городу разносят весть: пришла Ханука! С этого торжественного момента началось восьмидневное ханукальное празднество в Донбассе.

«В ВОСКРЕСЕНЬЕ У ЮЛИ»

В два часа дня каждое воскресенье в семейном клубе донецкой еврейской общины собираются старые добрые друзья, отмечают праздники и дни рождения, просто «говорят за жизнь». Эти встречи и клубом-то не назовешь: семья, да и только, во главе которой руководитель семейной программы Еврейского общинного центра Юлия Вирина.

На этот раз на повестке дня ни много ни мало – Ханука. По этому случаю разыграли ханукальный мини-спектакль. После традиционного сладкого стола и лехаим самый юный член клуба Саша Зарахович исполнил собственную песню о Хануке, о ее свете, дарящем надежду, а Юлия вручила взрослым подарки, детям – ханука гелт. И семейный клуб отправился на бульвар Пушкина, где присоединился к общему веселью по поводу зажигания первой свечи.

В МАХОНЕ «ХАНА»

Для еврейских девушек, учащихся махона «Хана», праздничный вечер устроили в кафе «Омега». Нарядно убранный зал, ярко горящие свечи, традиционные ханукальные блюда – все способствовало веселью и хорошему настроению. Перед девушками выступил главный моэль Украины, раввин Яков Гайсинович. Он рассказал, что именно женщины, сохранившие верность традиции, убедили мужчин выступить на борьбу с врагами. И сейчас роль женщины, жены и матери, в еврейской семье очень велика. Ведь именно от мамы дети получают первые знания еврейских традиций. Я. Гайсинович пожелал девушкам, чтобы свет ханукальных огней всю жизнь освещал их души.

В ЕШИВЕ «КТАНА»

Как рассказывает преподаватель ешивы Менахем-Мендл Голод, готовиться к Хануке там начали примерно за месяц. На занятиях по традиции преподаватели рассказывали ребятам об истории праздника, о том, как правильно зажигать ханукальные свечи. А 9 декабря учащиеся ешивы «Ктана», как и многие другие евреи города, пришли на бульвар Пушкина – к зажиганию первой ханукальной свечи.

После веселья на площади все 20 учеников ешивы отметили Хануку в узком «семейном» кругу. Круг на самом деле семейный, так как своих воспитателей и педагогов ешиботники давно воспринимают как родителей. Каждый мальчик прочитал благословения и зажег свечу на своей хануки. Зрелище горящих одновременно двадцати светильников было невероятно красивым и волнующим. А потом ребята пели ханукальные песни, танцевали, играли в свивон. Не обошлось и без праздничной трапезы с картофельными оладьями, поджаренными традиционно на растительном масле.

На протяжении всей ханукальной недели мальчики зажигали свечи в еврейской общеобразовательной школе №99. Праздничными подарками стали для них представление в цирке, красивые праздничные свивоны и, конечно же, традиционные ханука гелт, которые дети потратили не только на сладости, но и на благотворительные цели. А в последний ханукальный вечер ешиботники устроили концерт для своих педагогов и родителей. Всем понравилось!

ПЯТАЯ СВЕЧА

Пятый день Хануки всегда отмечается особо. После зажигания городской хануки студенты взрослых иешив – дневной и двух вечерних – собрались на фарбринген, хасидскую встречу вокруг стола. Их поздравили с праздником главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий и председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келерман. Тьма только кажется страшной, говорили они, но даже самый маленький огонек рассеивает ее. А если огней много, тьма бежит от света, а зажигают эти огни те, кто изучает еврейскую традицию и живет еврейской жизнью.

«ЮНЫЕ СВЕЧКИ»

В еврейском детском садике празднование Хануки прошло в «танцевальном марафоне». Сначала малыши исполнили танец с зажженными свечками (конечно же, помещенными в банки в соответствии с правилами пожарной безопасности). Затем этот танец сменил танец волчков – свивонов, или дрейдлов, в котором солировала пятиклассница Женя Домбровская, а дети были маленькими свивончиками. После волчков на сцену вышел кувшинчик, Мойше Вышецкий, и мальчики-латкесы... После танцев начались игры и конкурсы. Многим понравился конкурс, в котором мамы «превращали» своих детей в свечи, оборачивая их цветной бумагой. В завершение Мотя Канельский и Мойше Вышецкий зажгли ханукию. А потом детей и взрослых угощали самыми вкусными пончиками, которые только были в общине. Дети получили ханука гелт... Праздник удался на сто процентов!

А ГЛАВНОЕ, ВСЕ БЫЛИ ВМЕСТЕ

В еврейской школе под руководством классных руководителей прошли «Ханукальные огоньки». Все угощались пончиками и латкес, свивоны кружились, звучали песни, разыгрывались ханукальные спектакли. Всем было весело, а главное – все были вместе: учителя, дети, родители, бабушки, братья и сестры, тети и дяди.

На «Ханукальный огонек» со своими родителями и учителями собрались и ученицы школьного махона... А в школе тем временем проходила олимпиада по еврейской

традиции и Торе. Знатоки еврейских дисциплин должны были пройти три тура. Два из них были тестовыми, а вот третий... «Живые» вопросы, загадки, сценки, музыкальные номера, даже танцы – и все это имело непосредственное отношение к Хануке и только что изученным главам Торы!

СВЕТЛЕЕТ ДАЖЕ ЗА РЕШЕТКОЙ

В праздничные дни председатель еврейской общины Иеуда Келерман и директор ритуальной службы «Хевра Кадиша» Давид Юсимов побывали в некоторых тюрьмах Донецкой области. Как рассказывает И. Келерман, в этом году Ханука в тюрьме проходила необычно. Металл в тюрьму пронести нельзя, и, чтобы обеспечить отбывающих срок евреям ханукиями, община получила пластмассовые светильники, которые и были им принесены. Вместе с заключенными И. Келерман и Д. Юсимов произнесли благословения и зажгли ханукальные свечи. Свет произвел на евреев, живущих в тюрьме, необыкновенное впечатление. Затаив дыхание, они слушали рассказ об истории праздника, его традициях. Видно было, что они гордятся своим народом и принадлежностью к нему.

А недавно донецкой общине подарили ханукию, сделанную руками одного из заключенных. Видевший ее только на картинке, он смог вырезать светильник из металла – удивительно красивый, резной, в соответствии со всеми правилами. Посетители синагоги, дончане и гости города восхищаются этим произведением искусства, украсившим молельный зал в дни праздника. Видно, этому мастеру помогала его еврейская душа и огромное желание сделать свое собственное чудо. Что ж, значит наши визиты в тюрьмы и беседы о традициях и истории еврейского народа дают результаты! И главное, люди помнят о своем еврействе, когда выходят на свободу. Стало быть, в тюрьме началась их алия.

בְּיָמֵינוּ

ПРАЗДНИК НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Ханука – один из самых любимых праздников евреев Днепропетровска. Его традиционно отмечают во всех еврейских организациях, и каждый из восьми дней отмечен не одним, а сразу несколькими событиями. Главная ханукия города, как обычно, была установлена в самом центре Днепропетровска возле Хоральной синагоги «Золотая Роза», а первую свечу на ней зажег член президиума попечительского совета днепропетровской еврейской общины Ури Лейбер. Каждый день сотни людей присутствовали на зажжении свечей на главной ханукии. Но и в каждой еврейской организации, в каждом еврейском доме в эти дни зажигались свечки, пусть и небольшие.

Самое пристальное внимание в дни праздника было уделено, конечно, детям и молодежи, тем, кто будет определять жизнь нашей общины еще много-много лет. Красочные,

веселые праздники прошли в детских садиках «Илана» и «Хедер». Самые маленькие члены общины показывали сценки, посвященные празднику, пели песни и читали стихи, и веселье быстро захватило всех, кто присутствовал в зале, прежде всего – родителей маленьких артистов, которые тут же присоединились к представлению, чем доставили невыразимую радость своим малышам.

А в еврейской школе «Ор Авнер Хабад-Любавич» (между прочим, самой большой в Восточной Европе) Хануку каждый день отмечали по-разному. Каждый класс поставил свой спектакль, посвященный Хануке, прошел творческий конкурс на лучшую ханукию, сделанную собственными руками, был даже рок-концерт, на котором школьный рок-ансамбль исполнил композицию «Ханука», специально написанную к празднику. Но самое главное, каждый день после уроков никто не спешил домой, и вся школа, все 700 учащихся вместе с учителями зажигали свечи на ханукии во дворе школы.

А что же молодежный клуб еврейского общинного центра? В помещении крупнейшего в Днепропетровске развлекательного центра «Панорама» прошел самый грандиозный в истории этого клуба праздник, на котором каждый нашел себе занятие по интересам и темпераменту.

Конечно, не забыли в эти праздничные дни и о тех, благодаря кому мы можем сегодня отмечать этот замечательный праздник, кто хранил традиции и обычаи еврейского народа в самые тяжелые годы, – о наших бабушках и дедушках. В дни праздника, благодаря усилиям Федерации еврейских общин Украины, еврейской общины Днепропетровска, «Джойнта» по всему городу ездили ханукальные автомобили, и каждый пожилой еврей нашего города получил к Хануке праздничный набор. А учащиеся женского еврейского педагогического училища «Бет-Хана», которые помогали развозить подарки, не только зажигали ханукии в домах подопечных и пели ханукальные песни, но и согревали душу людям теплыми беседами, выслушивали их, рассказывали о себе.

Специальные праздничные мероприятия прошли в благотворительном фонде «Хесед Менахем», в общинном центре, в детском клубе «Цивос Гашем» и даже в шахматно-шашечном клубе, где состоялась ханукальная маккабиада. Замечательное представление под названием «Ханука на все времена», проникнутое подлинным чувством любви к своему народу и к родной земле, подарили всем студентки «Бет-Ханы». Ну, а финалом и главным событием празднования Хануки в Днепропетровске стал эстрадный спектакль, поставленный силами всех основных еврейских организаций Днепропетровска – еврейской общиной, «Джойнтом», Израильским

культурным центром и Еврейским агентством в Украине. Все ведущие еврейские творческие коллективы не просто приняли участие в этом грандиозном спектакле, но проявили все свои многогранные таланты. Единая нить связывала эффектные массовые сцены с блестящими индивидуальными номерами. И что особенно хочется отметить, рядом с признанными коллективами и исполнителями появляются новые «звездочки», такие как певица Алина Самедова, ставшая настоящим открытием праздника. И зрители, до отказа заполнившие самый престижный зал Днепропетровска – Театр оперы и балета, восторженно принимали любимых исполнителей, становясь буквально соучастниками грандиозного действия. И в этом, как и во всем, что происходило в еврейской общине Днепропетровска в ханукальные дни, проявилось то главное, что делает отдельных людей общиной, семьей: желание и готовность быть вместе и в горе, и в веселье, всегда стараться быть опорой друг другу и дарить радость.

Рѣѣѣ ѢѢѢѢ

ХАНУКАЛЬНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК В РИГЕ

В окружении снежных сугробов в зимний морозный день возле Рижской Думы собралась огромная толпа. Для чего? Чтобы вместе отпраздновать начало ханукальных праздников. Раввин Мордехай Глазман огласил ханукальное послание, а затем вместе с послем Израиля в государствах Балтии Ави Бенъямином зажег свет на пятиметровой ханукии. Раввин Шнеур Кот, организатор праздника, был солистом, когда исполнялся ханукальный гимн «Маоз Цур». (Обязательно хочется отметить, что евреи Лиенаи и Вентспилса были чрезвычайно растроганы тем, что раввин Шнеур Кот с несколькими своими учениками проделал долгий путь, чтобы вместе с ними отметить праздник.

Когда завершилась торжественная часть, началось «народное гулянье» – танцы под «живую» музыку, воздушные шары для детворы, лотерея с призами, горячие свежие пончики... Апогеем праздничного веселья стал великолепный фейерверк, осветивший небо горящими словами: «Счастливой Хануки».

Теплую ханукальную встречу организовали для пожилых людей. Кто не смог выбраться к Думе из-за плохой погоды, порадовался празднику, пришедшему прямо в дом: каждому были доставлены пончики, латкес и ханукальные свечки с ханукией. А учащиеся дневной еврейской школы навестили пациентов больницы «Бикур Холим»: принесли традиционное угощение и зажгли ханукальные свечи. Какую радость доставили людям!

Конечно, как следует подготовилась к празднику и школа «Охел Менахем»: родители и педагоги увидели яркое представление с песнями, танцами и драматическими сценками.

Малыши из хабадского детского сада в возрасте от полутора до шести лет приняли участие в концерте: танцевали, читали ханукальные стихи, пели песни. Кстати, такой утренник послужил наглядным примером, как современные еврейские дети помогают родителям возвращаться к родным корням и традициям.

Министерство образования Израиля на ханукальной неделе организовало трехдневный семинар для директоров школ и преподавателей еврейского цикла из Литвы, Эстонии и Латвии.

Хабад с радостью принимал их на Субботнем ханукальном ужине. Совместное веселье и живая дискуссия многим помогли лучше усвоить смысл традиции праздника.

По всей Латвии было разослано 1500 буклетов, посвященных Хануке. Ни одна община не осталась без какой-то ханукальной радости. А проведение праздничной ханукальной программы в Латвии стало возможным благодаря поддержке благотворительного фонда «Джойнт» и многим другим спонсорам.

Nai ai I tait

ЭТОТ СВЕТ СОГРЕВАЛ СЕРДЦА

Ежедневно в дни праздника Ханука сотни евреев Алматы собирались во дворе главного офиса Ассоциации еврейских общин Казахстана, где зажигались огни главной ханукии республики. Особой торжественностью отличался пятый день праздника.

Утром в детском садике «Ган Хана» прошел утренник с веселыми конкурсами и традиционными пончиками. В гости к ребятам пришли Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в Республике Казахстан и Республике Кыргызстан Исраэль Мей Ами, глава представительства Еврейского агентства Яков Ротман, президент Ассоциации еврейских общин Казахстана Лев Цодикович Иоффе, председатель Ассоциации еврейских общин Казахстана раввин Иосиф Меир Шейнер.

Почетные гости приняли участие в ханукальных конкурсах и викторинах, посмотрели детский спектакль, посвященный традициям праздника.

Чтобы организовать такой утренник, весьма постарались воспитатели детского сада, методист Рахель Виноградова и, конечно, директор Марина Лапина, которую все называют «настоящей еврейской мамой». После представления гости прошли по детскому саду, познакомились со здешним бытом, увидели рисунки и поделки, посвященные Хануке и 10-летию независимости Казахстана.

А вечером все собрались во дворе Ассоциации еврейских общин Казахстана. С праздником Ханука евреев республики поздравили Лев Цодикович Иоффе, Яков Ротман, ветеран Великой Отечественной Войны Леонид Гирш.

По традиции тех, кто не смог прийти на праздник, община поздравила на дому.

Когда стемнело, алматинское небо озарил свет ханукии... Он согревал сердца в холодную зимнюю стужу.

В дни праздника сотрудники Ассоциации и ученики еврейского учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер – Хабад-Любавич, Гершуни» навестили ветеранов общины и принесли им гостинцы.

Р'дэе Ёаоддэре

«ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК, ВСЕГДА ГОТОВЫЙ ДАРИТЬ РАДОСТЬ...»

3 декабря казанская синагога была переполнена: через 30 дней, после прощания с Леонидом Давидовичем Сонцем мы собрались, чтобы отдать дань его памяти. Утром на его могиле близкие и друзья прочли поминальную молитву; р. Ицхак Горелик в память о Л. Сонце по традиции учил отрывок из Мишны. Один из основателей нашей общины и хранителей синагоги реб Михль Майданчик прочел Кадиш.

Почтить память председателя казанской иудейской религиозной общины, известного деятеля культуры, замечательного скрипача, клейзера, незаурядного, прекрасного человека приехали и председатель рязанской еврейской общины Леонид Резников, и руководитель нижегородской ешивы «Том Хей Тмимим» р. Мейер Фишер, и представитель еврейской общины Самары Калман Бейгель. От главного раввина России Берла Лазара на поминальной церемонии присутствовал главный раввин Самары и Самарской области Шломо Дайч.

Основное, что есть в человеке, заключено в его душе. Если тело покидает нас, то частица души остается, равно как остаются с нами и дела человека. Мы помним нашего друга, то, с какой заботой и душой он относился к общинным делам, помним и продолжаем его дело.

Выступая на поминальной церемонии, р. Шломо Дайч рассказал историю, связанную с Леонидом Сонцем, которая произошла два года назад на съезде ФЕОР в Москве. «Эту историю я люблю рассказывать как удивительный пример истинного величия человека, музыканта, – сказал он. – Уже за полночь я общался в отеле со своим знакомым и вдруг неожиданно встретил одного

из представителей швейцарской общины – достойного и состоятельного человека, большого ценителя еврейской музыки, и решил познакомить его с Леонидом Сонцем. Поскольку время было позднее, набирая номер телефона его комнаты, я готовился к тому, чтобы извиниться и вежливо объяснить ситуацию. Но когда Леонид поднял трубку, то тут же обескуражил меня фразой: “Куда идти?” Я удивился: “Вы же еще не знаете, зачем я вас беспокою”. А он ответил так: “Если мне звонят в два часа ночи, значит нужно, чтобы я сыграл и порадовал людей. Я готов”. Это был великий человек, всегда готовый дарить людям радость наслаждения еврейской музыкой».

Выступавший от имени евреев Центрального региона России председатель еврейской общины Рязани Леонид Резников сказал: «Для нас Леонид Давидович Сонц был настоящим Учителем. Он учил, как правильно строить общину, сохраняя и укрепляя ее единство и сплоченность. Его опыт уникален. В здании казанской синагоги под одной крышей объединены и раввин, и Хесед, и “Еврейское агентство”, и молодежный клуб, и все служат единой цели объединения и развития общины. Сонц жив и будет жить, как и его дела на благо общины, как и его музыка».

Практически всем, кто собрался на поминальной церемонии, было что сказать доброго о Леониде Сонце. В завершение и ансамбль «Симха» в память о своем художественном руководителе многоголосьем музыкальных инструментов выразил то, что хотела сказать душа – он исполнил композицию на основе молитвы «Адон Олам».

Ёеуу Ааеуааа

Р. БЕРЛ ЛАЗАР:

«ЭТО ЧУДО – СИНАГОГА, ГДЕ МОЛИЛСЯ РЕБЕ, СНОВА ОТКРЫТА»

28 ноября минувшего года в Костроме после завершившегося капитального ремонта открылась синагога. Этому зданию почти 100 лет, но по назначению оно использовалось только треть этого срока. Теперь вновь для евреев-костромичей открылись двери настоящего молельного дома. В торжественной церемонии по этому поводу приняли участие большие друзья общины, много сделавшие для ее становления: главный раввин России Берл Лазар, представители иерусалимского отдела «Джойнта» Йонатан Порат и Хаим Сокол, сотрудники нижегородского офиса этого фонда, представители попечительского совета общины, руководители еврейских общин Верхней Волги. В церемонии приняли участие представители местной власти: губернатор Костромской области Виктор Шершунов, вице-губернатор Сергей Галицкий, мэр Костромы Борис Коробов.

Выступавшие на церемонии поздравляли еврейскую общину Костромы со знаменательным событием, а главный раввин России Берл Лазар назвал происходящее «чудом». Он вспомнил, как еще будучи ребенком, живя в Милане, слышал об аресте шестого Любавичского Ребе, о том, что смертная казнь была ему заменена ссылкой в Кострому, и в 1927 году Ребе молился в здешней синагоге. Потом было чудесное освобождение... «Это чудо, что я нахожусь в синагоге, где почти 75 лет назад молился Ребе, – сказал он, – чудо, что после тяжелых времен синагога отреставрирована возрожденной костромской общиной и в ней снова будут звучать молитвы, будет кипеть еврейская жизнь».

В результате основательного ремонта здание обрело вторую жизнь, стало уютным, притягательным и внешне, и новой закипающей в ней жизнью. В отремонтированных помещениях теперь смогут развернуть работу религиозная община, общинный и благотворительный центры, воскресная школа. В церемонии открытия синагоги приняли участие более 100 человек, присутствовали представители практически всех местных средств массовой информации. Событие широко освещалось в прессе.

До революции в Костроме была довольно сильная в экономическом отношении община. Город не входил в черту оседлости, поэтому здесь селились только бывшие николаевские солдаты и ремесленники. Когда община особенно разрослась, встал вопрос о постройке молельного дома, и в 1903 году евреи обратились к губернатору, от которого вскоре из Санкт-Петербурга пришел ответ – синагоге быть! Участок выбрали в районе Сенной площади, строительство шло 4 года. Получился добротный двухэтажный деревянный дом, полностью удовлетворявший потребностям общины.

Когда в 1998 году нынешней костромской общине удалось получить это здание в собственность, оно было в ужасающем состоянии. Между тем все еврейские организации города собрались под одной крышей. Проведенный косметический ремонт, с которым очень помогли «Джойнт», вашингтонская община «Бейт-Эль» и местные спонсоры, как было очевидно, принципиально дело не решил. И поиск средств на восстановительные работы не прекращался: здание нуждалось в капитальном ремонте.

В 2000 году проектная организация, возглавляемая членом общины Леонидом Яковлевичем Росинским, составила план генеральной реконструкции здания синагоги, благоустройства прилегающей территории, об осуществлении которых можно было только мечтать! И снова осуществить мечту в первую очередь помог «Джойнт» (в частности, Михаэль Бейзер предоставил финансовую помощь на реконструкцию молельного зала), за ним ФЕОР и его исполнительный вице-президент ФЕОР Александр Борода, члены попечительского совета общины. Помощь оказали и местные бизнесмены Эдуард Михайлович Магергут, Михаил Александрович Веремьев, а также помощник мэра города Борис Хемеевич Боярский и другие. В результате завершить все ремонтные работы, оборудовать кошерную кухню удалось в короткий срок.

Все с нетерпением ждали открытия синагоги, однако за несколько дней до него произошел инцидент: разбив окно молельного зала, двое неизвестных проникли внутрь и вынесли телевизор. Кроме того, практически каждый день на входных дверях и фасаде здания появлялась свастика. Не случайно одной из главных проблем, обсуждавшихся на рабочей встрече перед началом торжественной церемонии при участии главного раввина России Берла Лазара, представителей «Джойнта», ФЕОР, попечительского совета, координаторов программ общины, а также мэра Костромы и вице-губернатора, стала охрана здания синагоги и безопасность членов общины.

Мэр города обещал ускорить передачу общине бывшего дома раввина, рядом с синагогой, помощь в благоустройстве прилегающей к зданиям территории и строительстве ограды. Обсуждались и другие важные вопросы, в частности, возможность приезда в Кострому на постоянную работу раввина. Участники совещания обещали поддержку всем начинаниям общины.

Открытие синагоги началось с церемонии прикрепления мезузы на косяк двери молельного зала. Это сделал р. Берл Лазар, и когда вместе с мэром города они перерезали символическую ленточку, гости вошли в светлый, просторный зал. Церемония завершилась выступлением лауреата первого фестиваля еврейской культуры в Казани ансамбля еврейской песни «Гораль Эхад».

После церемонии делегацию высокопоставленных гостей во главе с главным раввином России Берлом Лазаром приняли губернатор Костромской области Виктор Шершунов и мэр Костромы Борис Коробов. На встрече обсуждались проблемы дальнейшего развития еврейской национальной жизни в древнем волжском городе, пути сотрудничества администрации и общины. Раввин Берл Лазар пригласил губернатора и мэра в Москву с ответным визитом и обещал рассмотреть возможность своего участия в торжествах, посвященных 850-летию города.

Хотя первый, значительный этап развития костромской региональной еврейской общины завершен, впереди множество требующих решения вопросов и проблем. Во-первых, обеспечение безопасности и проведение охранных мероприятий. Когда будет получен в собственность и приведен в порядок бывший дом раввина, там разместится гуманитарно-образовательный центр. Конечно, община планирует открытие региональной средней еврейской общеобразовательной школы и детского сада, кошерной благотворительной столовой и даже кошерного ресторана! Таковы наши планы, и мы их обязательно осуществим!

אי אדם יאמר

י בארץ אשכנז וכו' עתה יתעורר כל אדם ויבנה ביתו ויטע כרםו ויבנה עיר וכו' ויבנה ביתו ויטע כרםו ויבנה עיר וכו'

НАГРАДЫ ЛИДЕРАМ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ

В 2001 году Днепрпетровск торжественно отметил 225-летие города. К этой торжественной дате были отчеканены памятные медали для награждения тех, кто внес значительный вклад в развитие Днепрпетровска и активно участвует в его общественной жизни.

26 декабря в Хоральной синагоге «Золотая Роза» состоялась торжественная церемония – памятными медалями награждали лидеров и активистов еврейской общины. Большой зал был заполнен до отказа. Мэр города Иван Иванович Куличенко обратился к собравшимся с речью: он подчеркнул значительный вклад еврейской общины в развитие города. Многие члены общины – строители, деятели культуры и искусства, бизнесмены и общественные деятели – уже удостоены этой награды. Но сегодня, подчеркнул мэр, памятная медаль вручается тем, кто проявил себя именно в еврейской общинной жизни – лидерам одного из самых крупных национальных объединений Днепрпетровска. И особенно символично, сказал он, что вручение этих наград происходит в Хоральной синагоге «Золотая Роза», после реконструкции ставшей украшением города.

Памятная медаль к 225-летию Днепропетровска была вручена: р. Элизеру Авцону, основателю и президенту Всемирной еврейской организации помощи и утешения, социальные проекты которой, в том числе строительство американского еврейского медицинского центра, дома для пожилых людей, масштабные проекты гуманитарной помощи, имеют чрезвычайное значение для всех жителей Днепропетровска; главному раввину Днепропетровска и Днепропетровской области Шмуэлю Каминецкому, духовному лидеру еврейской общины; Юрию Михайловичу Киперману, члену президиума попечительского совета днепропетровской еврейской общины, известному филантропу и меценату; Александру Абрамовичу Фридкису, управляющему делами еврейской религиозной общины, одному из немногих людей, благодаря усилиям которых еврейская жизнь не утратила в 70-е годы и сейчас все свои силы и опыт отдающих возрождению еврейской религиозной жизни; Аркадию Леонидовичу Шмисту, историку, исследователю, основавшему в 1988 году первую в новейшей истории еврейской общины города культурно-просветительскую организацию «Гарбут ве рахамим», автору монумента на месте массового расстрела евреев в 1941 году.

Еврейская общественность с большим воодушевлением восприняла награждение своих лидеров столь высокими знаками отличия. Это еще раз говорит о той уникальной атмосфере межэтнического и межнационального сотрудничества, которая сложилась в Днепропетровске за годы независимости Украины.

Приняв памятную награду, главный раввин Днепропетровска Шмуэль Каминецкий подчеркнул, что Днепропетровск – особенно благословенный город: здесь свои детские и юношеские годы провел Любавичский Ребе. Будучи посланником Ребе, он поручился, что вместе с общиной приложит все усилия, чтобы служить процветанию города. Торжественная церемония завершилась выступлением хора ветеранов еврейской общины «Бейт-Барух», исполнившего на русском языке и идише песню о Днепропетровске – признанный гимн города.

Àéàèñá äð Í èí ñéáð,

í ðáñ öáí òð ááðáèñéé íáñéí ú Áí áí ðíí àòðí áñéá

*Í íáññòè Óáááðáòèè ááðáèñééò íáñéí íí í àòáðéáèí èí òí ðí áòéí ííí-áíáèè òè-áñéíáñ
ááí àòðáí áí òà ÓÁÍ ðè ñáññò ááí í úò èí ððáññ'íí ááí ò íá «Èááèè à» í íáññ ò í áèéá Èðéí à ðéçáí áá*

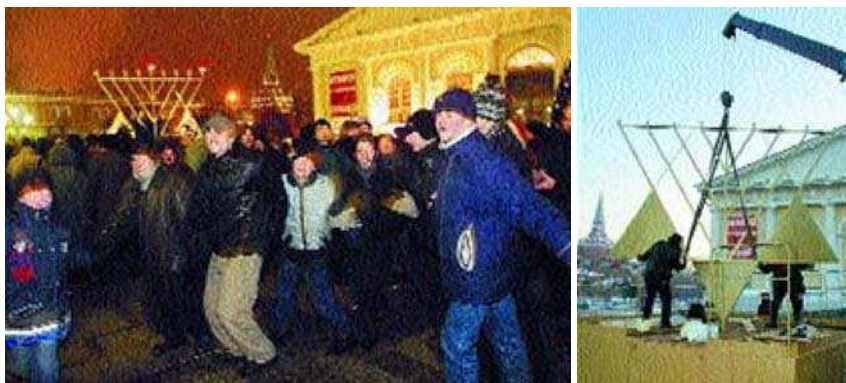
ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2002 ШВАТ 5762 – 2 (118)

Иосиф Слободской

НЕПРЕХОДЯЩАЯ РАДОСТЬ ХАНУКИ

Праздник Хануки 9 декабря 2001 года в Москве начался величественной церемонией зажигания ханукии, установленной в самом центре города, на Манежной площади, по соседству с площадью Красной, при участии мэра города Юрия Лужкова и главного раввина России Берла Лазара.

В самом сердце Москвы

В прошлом году участие в празднике принял президент России Владимир Путин – вместе с Берлом Лазаром он зажег ханукальную свечу.

В нынешнем году при огромном стечении народа главный раввин России сказал и такие слова: «Кто задумывался, почему еврейство России удостоилось тех чудес, какие мы видим сегодня? Потому что, как и во времена Маккавеев, были такие евреи, которые ради своей веры, ради жизни потомков шли на самопожертвование. И очень важно не забывать благодарить Б-га за все, что он совершает для нас».

Чудесный праздник в атмосфере праздника Чуда

Много интереснейших событий произошло в дни Хануки в МЕОЦе. Одно из них состоялось в «Амфитеатре», в одном из лучших залов марьиноорошинского еврейского общинного центра. На бас-мицве (условном совершеннолетию девочек, которое отмечается в 12 лет) к юным еврейкам, вступающим во взрослую жизнь, первым обратился главный раввин России Берл Лазар. Как известно, он сам отец девятерых детей, все знают его как постоянного гостя летнего лагере «Ган Исроэл», так что в общении с детьми у него всегда находится верная интонация. Поздравив девочек, он по-отечески их наставлял и, как всегда, хорошей шуткой задал праздничное настроение. Было много песен, веселья; ученики 6 – 8 классов еврейской школы показали спектакль о Юдифи, спасшей еврейский народ от неминуемой гибели. В еврейской истории было и такое чудо!

Пристань для «Ковчег»

На четвертый день Хануки в МЕОЦе собрались члены клуба «Ковчег». Уже в течение почти пяти лет этот клуб под руководством его основателя Феликса Дектора объединяет московскую творческую еврейскую интеллигенцию – можно сказать, отнюдь

не малую часть «золотого запаса» нашего народа – около ста пятидесяти человек. Конечно, в этот вечер собрались не все, но были и Владимир Глоцер, и Марианна Таврог, и Лев Аннинский, и Владимир Двинский, и Алла Гербер и многие другие яркие личности, знакомые нам как по литературе и публицистике, так и по документальному кино, даже по политике.

Приятно отметить, что членам клуба было определено по душе гостеприимство МЕОЦа, и в этом значительную роль сыграло участие директора общинного центра Моти Вайсберга и главного редактора «Лехаима» Боруха Горина. Нельзя не порадоваться, что общинный центр все больше притягивает на свою орбиту самых разных людей, все больше замечательных евреев приобщаются к полноценной жизни своего народа.

Тора, которая в нашем распоряжении

Последний день Хануки в синагоге в Марьиной роще был особенно праздничным. В 17.00 здесь собралось множество людей разного возраста. Большинство пришедших на праздник, не ожидали, что их ждет необычное событие. Перед собравшимися выступил главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин. Рассказывая о значении Торы в жизни еврейского народа в целом и каждого еврея в отдельности, он привел замечательные по мудрости слова Баал-Шем-Това: «Свою цель Тора усматривает в том, чтобы человек сам стал Торой». Б. Горин объяснил, что у евреев есть особенная заповедь – каждый должен создать свой собственный свиток Торы. Конечно, не всякому под силу написать этот свиток самому или купить исполненный сойфером. Зато есть возможность выполнить эту заповедь, написав правильно хотя бы одну букву в общем свитке, уже почти завершенном. Правда, если человек опасается, что не сможет как следует это выполнить, разрешается сделать надлежащую запись с помощью специалиста.

Надо сказать, даже далекие от традиции люди не выказали равнодушия к заповеди, о которой только что узнали. С каким волнением все пытались если не сами, то при помощи Михоела Мишуловина сделать запись в общем свитке Торы!

Вечер 17 декабря был особенно праздничным еще и потому, что именно тогда состоялась церемония перенесения свитка Торы из старой синагоги в Марьиной роще в новую синагогу МЕОЦа. Сквозь живой коридор людей, стоявших с зажженными факелами, пронесли драгоценный свиток. Возглавлял шествие главный раввин России Берл Лазар, за ним шли вице-президент ФЕОРа Александр Борода, видный общественный деятель Ян Ашкиназий и многие другие известные, уважаемые люди, в том числе постоянные прихожане синагоги, евреи из МЕОЦа...

Событие было незабываемым, и люди признавались, что испытывали такое чувство, которое необычайно точно выразил Маймонид: «Я верую с полным убеждением, что вся Тора, которая находится теперь в нашем распоряжении, есть та же, что дана была нашему учителю Моисею».

Галина Казимилова:

ЧТО СЕГОДНЯ ОБСУЖДАЕТ ЖЕНСКИЙ КЛУБ?

В ноябре в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще возобновил свою работу женский клуб «Рош Ходеш». Его хозяйка Симона Мишуловин со своей помощницей Малей Кернер принимала гостей — более 30 женщин от 20-ти до 70-ти лет. Так что были здесь и совсем юные, незамужние девушки и, как выразилась одна из дам, «бабушки со стажем».

Встреча клуба, как правило, начинается обсуждением актуальной темы. На этот раз была предложена тема весьма сложная и архиважная – «Антисемитизм и воспитание еврейских детей сегодня». Как известно, с проявлениями бытового антисемитизма всем нам приходится так или иначе сталкиваться по сей день. Как же мы должны воспитывать своих детей в новых условиях, тем не менее содержащих тяжелую примесь прежних лет, к чему их подготовить сегодня? На заседание клуба был приглашен раввин Александр Лакшин.

Симона Мишуловин вела дискуссию – женщины делились мнениями и опытом. Важно отметить, что главный акцент дискуссии заключался в том, как женщине, на которую, как водится, большей частью возложено воспитание детей и внуков, сделать так, чтобы ее воспитанники гордились своим еврейством, а не комплексовали. И как, опекая детей, не передать им своих проблем и ошибок в этом сложном и больном вопросе? Как взрастить свободный, полный достоинства народ?..

В процессе дискуссии аудитория разделилась на группы для изучения публицистических материалов. Были рассмотрены исторические периоды от расцвета Римской империи до 50-х годов XX столетия. Обсуждались не только проявления антисемитизма в разных странах, но и способы, как избежать антисемитских проявлений. Обсуждение было бурным – уж очень наболевшая тема!

Общий итог обсуждения оказался довольно парадоксальным, и подвел его раввин Александр Лакшин. Он заметил: «Универсального ответа для решения этой проблемы, конечно, нет. Вопрос лишь в том, готовы ли мы сознательно пойти на то, чтобы наши дети, внуки, правнуки не были евреями? Если готовы, то какое мы имеем

право решать за них? Надо отдавать себе отчет: нет приемлемого уровня ассимиляции, при котором еврей мог бы сохранить свое еврейство и одновременно избавиться от антисемитизма».

«Наши родители, бабушки, дедушки, – напомнил он, – прошли через все ужасы погромов и Холокоста, и все же немало таких, кто сохранил себя как еврей. А мы живем в относительно благополучное время: сейчас в России за то, что ты еврей, иудей, не угрожает увольнение с работы, суд, Сибирь, даже дискриминационная зарплата. Наше еврейство представляет персональную ценность для нас самих. Иначе мы бы здесь не сидели. И это такая ценность, которую мы хотели бы передать следующим поколениям. Объективно у еврейской культуры религиозные корни. Там и тогда, где евреи соблюдали обычаи, они оставались евреями в любых условиях.

Мы имеем возможность создать для наших детей такие условия, что еврейство будет ассоциироваться для них с Субботой, с мудрыми еврейскими праздниками, с философией позитивного восприятия действительности, и это только часть тех богатств, которыми мы можем их наделить. Но, конечно, о том, чтобы навязывать это, не может быть и речи. Наша задача – создать для детей позитивную атмосферу еврейства».

Теперь несколько слов о тех, кто собрался в клубе в этот день. На первом занятии сезона оказалось много новых лиц. Эти женщины не случайные гости, они уже занимаются в разных секциях МЕОЦа и, услышав о женском клубе, заинтересовались: что теперь являет собой русская еврейка, чему ее стараются сегодня научить, да и каким бесценным опытом она сама может поделиться – разве это неинтересно!

Что касается названия клуба, Симона Мишуловин рассказала гостям, что по сложившейся традиции женщины собираются в начале каждого еврейского месяца в 17.00. Но «Рош Ходеш» – это не только начало месяца, это еще и праздник, в данном случае праздник женщины – столько в ее жизни измеряется месяцами, Луной!

Затем Симона Мишуловин рассказала об истории, традициях Хануки, и каждая гостя смогла изготовить к предстоящему празднику оригинальную ханукию на зеркальной подставке. Отражаясь в зеркале, свет свечей многократно усиливается, придавая особую праздничность...

Чему научит, чем порадует следующая встреча клуба? Пусть это пока будет сюрприз. Безусловно, приятный. Ведь наши женщины этого достойны!

Артем Варгафтик, обозреватель радио «Эхо Москвы»:

«ХАСИДУШКИ ИНТЕРНЕЙШНЛ»

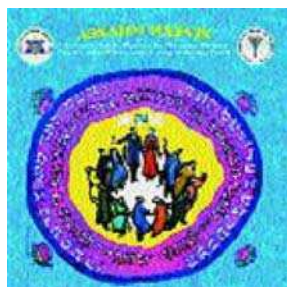
Московский мужской еврейский хор «Хасидская капелла» под управлением Александра Цалюка выпустил сразу два новых компакт-диска – один из них так и называется: «Chassidushki Internationa!». Другой имеет более привычное для еврейского уха название – «Лехаим, йиделех», по популярной песне на идише.

Для начала – две цифры. На лазерных звуковых носителях высшего качества в общей сложности 33 композиции, в репертуаре хора песни на восьми (!) языках. Не исключая итальянский, испанский, грузинский, английский, и – разумеется – два наиболее важных, «рабочих» языка «Хасидской капеллы» – идиш и иврит.

С одной стороны, традиции и опыту хорового пения в еврейской истории не менее трех тысяч лет. Еще в первом Иерусалимском Храме на 15 ступенях, отделявших место, где стоял во время Б-гослужения народ, от места, где находились священнослужители, стояли левиты и пели псалмы. Мы читаем их тексты по книге Теилим, составленной царем Давидом; причем, заметим, там даже указаны музыкальные инструменты, которые должны были сопровождать пение левитами того или иного псалма. Частично эти инструменты утрачены, частично существуют и поныне, но хоровое пение без сопровождения – чистые, живые и осмысленные человеческие голоса – это одна из очень важных примет еврейского песенного искусства, так сказать, один из ключей, которые можно (и нужно) подобрать практически к каждой еврейской душе.

Конечно, важно, чтобы каждый еврей, куда бы ни занесла его судьба, услышал еврейскую песню на понятном ему языке... Но важнее не то, на каком языке поют, а – что поют и как поют. Относительно искусства хора «Хасидская капелла» заметим, что ему удается озвучивать то сокровенное, что заложено не в самих песнях, а как бы между нотных строк. Можно предположить, не только в самих новых совершенных дисках, но и в том «подтексте», который сопровождает этот проект, и заключаются его величайший смысл и успех.

Кстати, есть такая притча, приводя которую еврейские знатоки всевозможных искусств выражают свое негативное отношение, скажем, к искусству петь хором или – как записано в энциклопедии: «хор» – собрание поющих под руководством дирижера. А притча в том, что у людей сгорел дом. Вот стоят они вокруг пепелища, глядят на дымящиеся развалины и плачут, причем громко, вполне давая волю своим чувствам. И тут приходит некий человек и говорит, что, на его слух, поют здесь как-то нестройно, даже не профессионально, поэтому давайте-ка, говорит он, я лучше буду дирижировать, а вы пойте хором, и чтоб стройно и чисто... Легко представить, что было потом...

Как заметил один мудрец, евреи имеют среди всех народов мира ту привилегию, которой надо еще научиться пользоваться: обращаться к Всевышнему без посредников, напрямую, зная, что их всегда услышат и поймут. Поэтому настоящая еврейская молитва никогда не производит на стороннего наблюдателя «парадного» впечатления, она в своем оригинальном виде начисто лишена «красивости» и лоска, хотя в синагоге при наличии миньяна (десяти человек, или кворума, если переводить на официальный новояз) молятся от имени общины.

Хоровое исполнение «Хасидской капеллы» — важное обстоятельство еще и потому, что она является хором московской синагоги в Марьиной роще, а в хасидских синагогах не принято молиться хором, потому что излишняя пышность и торжественность хорового звучания, как считается, может отвлекать внимание людей от слов и их прямого смысла. Б-г слышит голос каждого еврея, но коль скоро мы не можем в деталях восстановить музыкальную сторону храмовой службы в Иерусалиме три тысячи лет назад, то — что ж? Оставить эту затею совсем — или все же попробовать?..

Александр Цалюк решил попробовать — уже давно, еще когда делал в московской консерватории на кафедре хорового дирижирования диплом по еврейской Б-гослужебной музыке. И нашел огромный, почти никем не разработанный в современной еврейской культуре пласт — практически скрытую «золотую жилу»: богатейшие, красивейшие, глубокие и насыщенные истинно еврейским духом хоровые сочинения канторов синагог Германии и Восточной Европы времен романтизма. Это время неоднозначно воспринимают историки, оно принесло много иллюзий и разочарований еврейским общинам европейского континента, и расцвет еврейской музыки как самостоятельного, серьезного искусства шел на фоне эмансипации, размывания границ еврейской жизни и еврейских ценностей. Но тем, кто приходил с чистой душой и мыслями о Творце в синагоги больших городов Европы тех времен (а то была вторая половина XIX столетия — начало XX), хотелось слышать голос своей общины, своего народа как мощное, гармоничное, сложное и живое целое. Именно на ту эпоху пришелся пик развития канторского искусства, которое мастерски — конечно, большими усилиями незаурядных, одаренных людей — вобрало в себя и оперную риторику, и пафос виртуозного состязания одного солиста с целым оркестром, то есть романтического инструментального концерта (хотя инструменты в синагоге не нужны), и находки композиторов, писавших симфонические шедевры. Словом, из «подручных» средств создалось целое направление еврейской музыки.

Искусство тех канторов (многие из них, кстати, учились ремеслу композиторов у живых тогда классиков романтической музыки вроде Чайковского или Мендельсона) было погребено под развалинами культуры европейского еврейства в годы Холокоста, когда и общины, и хазаны, и хоры оказались перед угрозой полного уничтожения, и почти все закончили жизнь в печах лагерей. Но ведь еврейский вопрос так никто и не «решил окончательно», а значит, настало время и этой традиции возродиться и засиять по-новому. Что и произошло — именно эту работу и взяла на себя «Хасидская капелла» во главе с Александром Цалюком.

На двух новых дисках, записанных летом 2001 года в Москве, около десятка превосходных канторских обработок древнейших еврейских молитв, которые в этом исполнении как драгоценные камни в новой оправе. По сути, это ювелирно выполненные композиторские работы, в которых неприкосновенными оставлены и тексты Писания и молитв, и те народные истоки, которым столько лет, что никто даже не может их исчислить... «Из поколения в поколение», «В начале» (новогодний — Рош а-Шоנוвский — канторский дуэт), «Авдола» (самая таинственная и тихая часть еврейского субботнего

Б-гослужения, невидимой смысловой гранью отделяющая Святой день от шести остальных дней), «Даруй мир» — этих жемчужин никто больше не поет... На языке рубежа XXI века такое явление называется «стопроцентный эксклюзив».

Что до другого, не менее живого и яркого направления в работе хора и его лидера – песен народных, всегда немного грустных, но трогательных, смешных, обаятельных и наивных, то и тут есть сюрпризы. Кроме «Тум Балалайки», «Изюмчика с миндалем» и еще пары неперменных еврейских шлягеров, которые в хорошей компании просто узнают с любой ноты, «Хасидская капелла» записала несколько совсем, казалось бы, «не еврейских» песен. Причем в оригинальных, «штучных» аранжировках, специально сделанных современными композиторами как раз для хора – не просто хора, а еврейского мужского хора без сопровождения инструментов. Тут артисты показали своим будущим слушателям искусство быть евреями в любых обстоятельствах! Евреем быть вообще нелегко, даже когда кругом такие же, как ты, люди с грустными глазами и сложной судьбой. А остаться евреем, исполняя международные шлягеры, задача куда как более трудная – и что?

«Вы не перепутаете звучание этого хора ни с аргентинским, ни с казачьим, ни с негритянским, даже если завязать вам глаза и заставить слушать музыку вслепую!..» – так сказал один из коллег-критиков, сравнивая «Хасидскую капеллу» с ее «друзьями-соперниками».

Это и знойная испаноязычная песня «Беса ме мучо» с еврейской искренностью и целомудрием, и самая что ни на есть русская «Калинка» (но каков неподражаемый еврейский сарказм!), и грузинские песни, и американские шлягеры (особенно самый «еврейский» из них – негритянский спиричуэл Go down, Moses – об исходе из Египта)... Вот те пестрые нити, которые вплетены в венок еврейских молитв и народных песен на диске «Хасидушки Интернейшнл».

И в том еще одна причина, по которой обе эти лазерные пластинки уже очень скоро станут «дискографической редкостью»...

Марк Китайгородский:

ТРИУМФ «ЕВРЕЕВ МОЛЧАНИЯ»

Значимость события, о котором предстоит рассказать, сегодня оценить еще сложно. Но несомненно, на мой взгляд, спустя некоторое время его назовут историческим – это Международная конференция «Евреи молчания – евреи триумфа. Советское еврейство: вчера, сегодня, завтра».

Конференция, проходившая в МЕОЦе, была многолюдна, она собрала евреев из Израиля, США, Германии и ряда других стран. Большинство, разумеется, из Израиля, ибо узники Сиона, познавшие так много унижений за естественное желание приехать в Израиль, совершили алию.

Но почему название конференции начинается определением «Евреи молчания»? «Безмолвные евреи» – так назвал свою книгу Нобелевский лауреат Эли Визель, побывав в СССР в середине 1960-х годов. Он описал свои впечатления от поездки, о тяжелом положении советских евреев в этот период. Но есть в книге и проблески надежды: выдающийся ум XX века не мог пройти мимо того факта, что безмолвные дотоле евреи, правда, пока отдельные люди, вдруг осмелились заговорить о своих правах, а именно о праве на выезд в Израиль.

Спустя много лет, в 1989 году, Эли Визель вновь побывал в СССР. Он был приглашен на открытие культурного центра имени Соломона Михоэлса и в своем выступлении там сказал: «Теперь я вижу, что евреи не только перестали молчать, но они громко заговорили о своем праве на возрождение культуры в СССР, а более всего – о своем праве на выезд на историческую родину».

Значительный размах алия получила во второй половине 70-х – начале 80-х годов, а затем обрела второе дыхание и, как оказалось, очень свободное, только после освобождения из тюрем многих правозащитников, в особенности Натана Щаранского. Наряду с ним немало выдающихся людей – Владимир Слепак, Владимир Престлин, Анатолий Новиков и многие другие, которые по разным причинам не приехали на нынешнюю конференцию, но имена их не должны быть забыты.

Кто бы лет 20 назад мог подумать, что настанет время и в Москве в величественном Московском еврейском общинном центре, построенном на месте сгоревшей деревянной синагоги в Марьиной роще, соберутся те, кто много лет, даже десятилетий боролся за право выезда из СССР и сумел добиться своего! Они оказались предтечами той огромной алии 1990-х, которая сегодня в Израиле и во всем мире именуется «чудом Исхода». Многие имена основоположников этого движения сегодня стали живой легендой. Но, к счастью, живы не только имена.

Первым на съезде выступил профессор Тель-Авивского университета Биньямин Файн – организатор памятного симпозиума по еврейской культуре, проведенного в Москве в 1976 году. Выступление Михаила Членова, одного из основоположников еврейского правозащитного движения, первого и бессменного президента ВААДа сначала СССР, а потом России, логически продолжило доклад предыдущего оратора: «От симпозиума 1976 года – к русско-еврейским общинам XXI века». Особый интерес вызвало выступление Зеева Вагнера, возглавляющего редакцию Российской еврейской энциклопедии («Патриотизм и космополитизм русского еврейства»). Возникла идея о создании Всемирного конгресса евреев-выходцев из России. А после доклада исполнительного директора ФЕОР Валерия Энгеля «Основные объединительные идеи русско-еврейских общин в XXI веке» стало ясно, что создание такой организации не за горами. В. Энгель, а за ним и исполнительный президент ФЕОР Александр Борода, выступивший с докладом «Возможные направления совместной деятельности международного объединения евреев-выходцев из СССР», придали этой идее конкретную направленность.

Участие в работе конференции депутатов кнессета, видных политических деятелей «русской улицы» Израиля Юрия Штерна и Юлия Эдельштейна подчеркнули значимость, придаваемую этому движению в Израиле.

Среди выступивших на конференции был Юлий Кошаровский – один из первых преподавателей иврита во времена, когда на изучение этого языка было наложено не просто табу – за это грозили тюрьма и ссылка куда дальше и восточней, чем Биробиджан. Ю. Кошаровский рассказал об организации системы преподавания иврита в СССР в 70-е – 80-е годы.

О роли Израиля в поддержке движения советских евреев за реализацию своего права на алию рассказал Иосси Тавор, общественный деятель, ныне первый секретарь посольства Государства Израиль в России. Его доклад еще раз подтвердил: значимость политики Израиля в осуществлении мечты «отказников» 60-х – 80-х годов была не просто велика, но, в значительной степени, решающа. На пленарном заседании среди прочих выступил Джерри Гудман – исполнительный директор «Национальной конференции в поддержку советского еврейства» (80-е годы).

В рамках конференции состоялся «круглый стол» на тему «Всемирный конгресс русского еврейства как форма взаимодействия еврейских организаций выходцев из СССР. Основные цели и задачи».

В завершение конференции был избран оргкомитет первого Всемирного съезда евреев-выходцев из СССР, и в тот же день, 19 декабря вечером, состоялось его первое заседание.

Получат ли развитие идеи первого в еврейской истории Всемирного съезда евреев-выходцев из СССР, покажет время. Но сам факт, что он состоялся, весьма красноречив.

Матвей Гейзер:

МОСКВИЧИ – ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМУ

26 декабря 2001 года в Москве произошло событие, которое еще совсем недавно могло бы показаться невероятным: в 11.00 на стыке Малой и Большой Бронных улиц во дворе дома № 13 близ бывшего михоэлсовского театра и синагоги известного мецената (возведенного в потомственное дворянство) Лазаря Соломоновича Полякова (ныне синагога Еврейской религиозной общины «Агудас Хасидей Хабад») состоялась церемония торжественного открытия скульптурной композиции Юрия Львовича Чернова «Шолом-Алейхем и его герои».

Думается, и сегодня это событие — чудо. Во-первых, биография Шолом-Алейхема с Москвой, в отличие от Киева, почти никак не связана. Да, он был в давней дружбе, переписывался с русскими писателями – с Л. Толстым, к нему дружественно относился В. Короленко, с обожанием – М. Горький и другие, но с Москвой... А впрочем, русская столица никогда не была только политическим центром, постепенно она стала средоточием культуры отнюдь не только русской, а о признании Шолом-Алейхема как великого самобытного культурного явления нашей страны и сомнения нет. Не случайно все чаще к его творчеству обращаются и театр, и кино. И все же возникают вопросы, на которые хочется получить конкретные ответы.

Мне по жизни, слава Б-гу, везет на людей. Свела судьба когда-то и с Юрием Львовичем Черновым. Само собой, после открытия памятника я его спросил, у кого и как возникла идея создать такой памятник и установить в Москве? Вот что он рассказал.

– История этого памятника начинается в 1994 году. Тогда оказавшийся у меня в мастерской друг детства и юности сказал, не помню уже в связи с какой темой: «Твой памятник Пушкину стоит в Дюссельдорфе, памятники Льву Толстому – в Канаде, Коста-Рике, в Индии, Японии, да и в самом родовом имении Толстых – Никольско-Вяземском. Почему бы тебе не создать памятник Шолом-Алейхему, и не где-нибудь, а в России?» Он точно угадал мою мечту: я давно уже в воображении создал этот памятник. И уже через несколько дней он был готов в бронзе.

Дальше так: вскоре мне предложили участвовать в выставке, организованной в галерее Московского международного университета, ректор которого Гавриил Попов, бывший мэр Москвы. Я согласился и выставил Шолом-Алейхема. На выставке побывал и нынешний мэр столицы Юрий Михайлович Лужков. Увидев мою работу, он сразу сказал : «А почему такой памятник не установить у нас в Москве?» – и написал резолюцию, в которой, кроме разрешения, была рекомендация искать спонсоров. Вот этого-то я делать не умею. Но – загорелся! По чьему-то совету, помню, обратился к исполнительному директору Российского еврейского конгресса г-ну Осовцову. По логике вещей — к кому же еще, ведь памятник Шолом-Алейхему! А он, почти главный еврей России, мне в ответ: «А зачем в Москве памятник Шолом-Алейхему? Я его не люблю». Я попытался

обосновать такую целесообразность, вспомнил и Толстого... Но профессор Осовцов сказал: «А я и Толстого не люблю».

От этого разговора внутри что-то рухнуло – так близко я его воспринял. И вскоре постиг меня инсульт. Но, поднявшись на ноги, все же рискнул поделиться своими муками с Иосифом Кобзоном и Зурабом Церетели. В результате Церетели написал обращение к Лужкову с просьбой установить памятник Шолом-Алейхему в Москве, а Кобзон это ходатайство поддержал. Но с мертвой точки дело сдвинулось только 28 октября 2001 года. В этот день Лужков, наконец, подписал распоряжение: памятник в Москве установить. Правда, и потом хлопот было немало: понадобились еще десятки разрешений, одобрений, резолюций. И все же в течение года установили памятник.

Наверное, это парадокс, но в его создании не только РЕК – ни одна еврейская организация участия не приняла (не хочу их обидеть: больше ни в какую из них я не обращался), а сооружен он на средства Александра Петровича Таранцева, президента группы компаний «Русское золото», и передан в дар Москве. Художественные, архитектурно-строительные, скульптурно-технические работы, монтаж и установка памятника выполнены коллективом творческого экспериментально-художественного предприятия «Набат».

– Прошу прощения за этот вопрос, но, может, и была своя доля правды в ответе г-на Осовцова, усомнившегося в необходимости памятника Шолом-Алейхему в Москве? Он этого писателя не любит, а сколько таких нелюбящих еще?! Например, по установлении памятника сразу появилась об этом информация в газете «Коммерсантъ» под заголовком «Памятник Рабиновичу в Москве» — что к этому добавить?

– Ясно, двойная игра: с одной стороны, это настоящая фамилия Шолом-Алейхема, с другой – Рабинович суть синоним еврея, что и хотели в данном случае подчеркнуть. Но зря старались: псевдоним «Шолом-Алейхем» – тоже национально однозначен. Прямо скажу, такого рода публику я не брал в расчет. Количество их оппонентов куда внушительней.

А что касается самого писателя, по моему мнению, Шолом-Алейхем – не еврейский писатель, а писатель-еврей, который жил и творил в России. Его творчество проникнуто любовью не только к евреям, но и к людям других национальностей, среди которых он жил. Он глубоко национален и наднационален одновременно. Не случайно настоящим русским актерам хорошо даются роли его героев. И, как сказал на открытии памятника генеральный директор компании «Русское золото» А.В. Сумынин, «талант не имеет национальности». Мы же не называем Гоголя украинским писателем, хотя он украинец по происхождению и в большинстве своих произведений создал образы украинцев. Но, тем не менее, он – общепризнанный русский писатель. Вообще я вижу гораздо большую связь творчества Шолом-Алейхема, к примеру, с Гоголем и Чеховым, чем с писателями еврейскими. С этой, да и многих других точек зрения открытие ему памятника в Москве – закономерное явление общероссийской культуры...

Мы коснулись с Юрием Черновым уже многих вещей, а я не сказал еще о нем того, с чего, как правило, начинают. Он народный художник РСФСР, действительный член Российской и Киргизской Академий художеств, родился в Москве в еврейской семье в 1935 году.

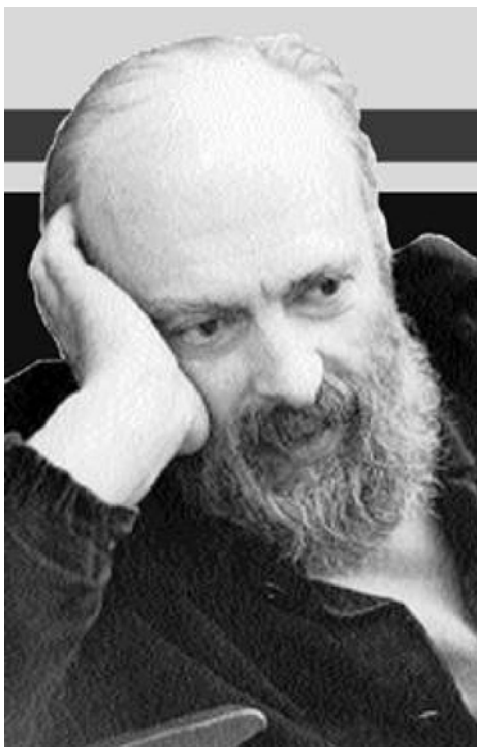
Опять предчувствуя реакцию национально пристрастных из «Ъ» и иже подобных, скажу: да, скульптурная композиция «Шолом-Алейхем и его герои»

установлена в московском центре, как и памятники А. Пушкину и А. Блоку, С. Есенину и Н. Гоголю... И те, кто давал разрешение на его установку именно в этом районе, наверняка сознавали значимость творчества Шолом-Алейхема для российской и мировой культуры.

В подтверждение этих слов классиков литературы, высоко ценивших творчество Шолом-Алейхема, цитировать не буду: ленивый с нелюбопытным и от этого отвернется с гримасой, а кто не поленится, полюбопытствует, сам найдет, где прочесть. Что до современников, то выступавшие на церемонии открытия памятника единодушно сходились на том, что это справедливый, хоть и запоздалый акт воздания памяти не только выдающемуся писателю, но и великой еврейской (идишистской) культуре, возникшей в России и получившей мировое признание. Присутствовали на церемонии, что естественно, главный раввин России Берл Лазар, посол Государства Израиль в Москве Натан Мерон, а также первый заместитель Московского комитета по делам культуры Александр Лазарев, вице-президент Академии художеств России Анатолий Бичугов и многие другие. На пьедестале памятника начертаны слова, одобренные Юрием Лужковым: «Шолом-Алейхему – москвичи».

Думаю и даже уверен: немало жителей и других городов поставили бы под этими словами свои подписи. Ибо больше всего творчество Шолом-Алейхема проникнуто любовью. Чувство это от Б-га, оно магнитично и притягивает всех, кто способен на любовь.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА КОРНИЛОВА

Последний год редакцию «Лехаима» с Владимиром Корниловым связывала добрая дружба. Невзирая на тяжелый недуг он написал глубокие, яркие очерки об Александре Межирове, Константине Левине, Льве Копелеве, и планов было не счесть. До дня смерти он жил мощной творческой жизнью...

Мы приносим глубочайшие соболезнования его близким, вдове Ларисе Георгиевне Беспаловой, тоже нашему автору, сильному, талантливому переводчику, не менее сильному и не менее талантливому человеку.

Есть люди, жизнь которых смерть не способна оборвать. Надеемся, неопубликованные еще работы Владимира Корнилова появятся на страницах нашего журнала, а издательства страны соберут и опубликуют его наследие. Словом, последняя точка не поставлена. Жизнь продолжается...

«Eloheï»

Смерть близкого человека – дело интимное. А некролог – дело общественное. Как это совместить?

Полвека очень близких и очень непростых отношений связывают меня с Володей Корниловым, скончавшимся после долгой и мучительной болезни 8 января этого года.

Об отношениях этих скажу только одно: на всем протяжении тех пятидесяти лет всякий раз, когда мне бывало плохо, Володя оказывался рядом. Его не надо было звать: он появлялся сам.

А теперь – о главном. О поэте. Утрата, которую понесла со смертью Владимира Корнилова российская поэзия, для меня сопоставима только с двумя смертями: Бориса Слуцкого и Давида Самойлова.

Но не о месте Корнилова в официальной или неофициальной табели о рангах хочу я сейчас сказать, а о том особенном, своем, неповторимом, что внес он в сегодняшний русский стих.

Стихи Корнилова захватывают своей энергией, страстью. Обнаженным и резко выраженным чувством, мощью эмоционального и звукового напора.

*Í à èàí àèá ø èäí í óèè ö àðÿ -
Áàéñò áí, ñíí ðí ò è áí í á í ðè ðí áá
Ðàí ù ó á óáè ààèè à ò è ö àðÿ,
À ò áí áðí í ðè áííí ÷ áíò í ñí í áðí áá..
Ñáí è - í ááí è.. È ðí áí ð ñí áá í ááóó..
Í ðèñò ÿ è í áÿ á è è àñíí, è à è á í ð è í áá è á..
È è í í ÷ à è ñíÿ à ááííò á è ø è è á í ó è
Í à è à í à è á è ì á í è í ð à á á á è è.
Ý ó í ò í à ð ò á á ð á á á ó á í è í í á è.
È õ í ò ÿ í á ð í á í á í è è á á á í í è
È í è à ò í è ñ è ñ à è ù ù é, è è à í à è
× á ð á ç ì á ñÿ ò í á á ð í ó è ñÿ í à ò è á é,
Í í ó è á á í í í ð ð à è ñ á í í
Á ó í ò í í è è ñí ó á í ç à á ù ó à è è
Á Í à ò á ð á ó ð á è í á áííí ç à í í í
Ñí è ð ñí ó ò í í í ò í á ð á á ð ó ç í è ø á ð á
È í í ò í í, ÷ à ì á à è ù ó á, ò à ì á á ð í á é,
Á ñ è á ñÿ ñí ó è áÿ ç à á á ñ á í í è,
Í ð á ç è á á í ò í á ñ ò à è è, è á è ö à ð á é,
È ñ ò ð á á è ÿ ò ú á «í á è è á á ð á á ò» è ó ñ ò á í í è.*

Вот с чего все началось! Вот «откуда есть пошла» наша эпоха неостановимого вселенского террора. «Больше ничего не выжмешь из рассказа моего» – мог бы вслед за Пушкиным повторить автор этого стихотворения. Но мы и не хотим ничего больше из него выжимать. И не только потому, что сказанное в нем сегодня касается нас уже напрямую (сейчас ведь взрывают уже не только президентов, но и нас с вами), но прежде всего потому, что стихотворение завораживает нас своим, только ему, Корнилову, присущим звуком.

Индивидуальный, ни на кого не похожий голос автора покоряет сразу, самой первой строкой стихотворения: «На канале шлепнули царя...» И даже не строкой, а вот этим, одним единственным, казалось бы, столь мало подходящим к описываемой кровавой драме и в то же время таким необходимым здесь словечком: «шлепнули».

Тут, наверно, можно было бы поговорить о словесной одаренности поэта, о его мастерстве. («Слова стоят хорошо» – любимое присловье Корнилова, высшая в его устах похвала поэту.) Но стихи (настоящие стихи) состоят не только из слов. «Материя песни, ее вещество» рождается из нервов поэта, из самых глубоких, тайных его душевных травм и царапин. Подлинность лирического стихотворения ощущается мгновенно – именно по этому, сразу узнаваемому признаку:

×òí çà áðáá? Í áææè ìîì íþ ÷àòéí

Ñíðé èàò ÿòîò ãéíñè ÷á:àòéó?

Ì í÷è íáò. Ñííáà ñò ðàòó ííèçàò á ñáðáæó

В íò ñò ðàòá ñò áðíá ì ðíáðíá

Áí òîñèè, áí íò÷áýíúý, áí èðèèà

Í áææèþ íàçàà è íà ííèè èñì,

Í áíèýøè, íáíðè, ì íè÷è, Í àðèèà,

Í óíðíó, çàòéíèñì, Í àðèèà ðíèè...

Жесткой структурой, строфикой, рефреном, замыкающим хоть и не каждую, а только каждую вторую строфу, это корниловское стихотворение приближается к одной из старейших стихотворных форм – балладе.

Маяковский, всю жизнь рушивший старые, как ему казалось, полностью исчерпавшие себя художественные формы, однажды признал, что кое-что из всего этого, как он выражался, «старья» все-таки имеет шанс уцелеть. Но при одном обязательном условии – если слова болят («... если слова болят, молодеет и лад баллад»).

В стихотворении Корнилова, начало которого я процитировал, слова не просто болят. Эта его «баллада» – сплошной крик боли. Я бы даже сказал – сгусток боли. Старой, забытой, оттесненной в подсознание, но – не исчезающей, не проходящей, постоянно о себе напоминающей.

«Мы не врачи, мы – боль», – сказал некогда Герцен. Эта чеканная формула может быть распространена не только на сверстников Герцена, людей одного с ним

поколения и сходной судьбы. Ее, наверно, – с большим или меньшим основанием – мог бы обратиться на себя каждый истинный поэт, каждый настоящий художник.

К стихам Владимира Корнилова эта старая герценовская формула приложима в большей мере, чем к каким-либо другим.

Земной путь поэта завершен. Но лучшие его стихи (душа в заветной лире) будут жить долго.

ΕΠΕΛΑΒ

Άτ ηεααί υγ! Άτ εό:οεδ άδαί αί -

Ίά ηεαεά εαί εό:οά ίά άάάδ,

Έ ίτεεγπδ υγ ί ίά, οί άάάί,

Άάάδ εό:οεά - ίά η ίαάάάδ.

Αεεί υ άεγ άάάάά - άάί άά,

Έ άεγ ί ύ ίά ίά ά - ίά ηάάδ.

Ί ίοί ί οί άά ίεεί άά

Β ίά εαί δάε ίά ίεί ε ίά άάε.

Ίά θεδδεε, ίά θεί ε:εε, ηάγ

Ί θυί ί ηείεε ίδ άεάά ίδ άάάγ,

Έ ί άγ, άά άά ί εε ηάάά,

Άγ έεε άα άά άεά εδ άάγ.

2001

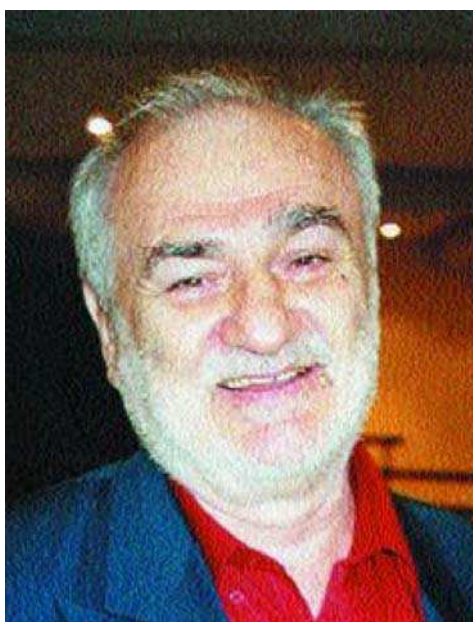
Άάί άεεδ Νάδί ίά

НАЙТИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ – ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

Феликса Дектора представлять не надо, он человек известный. И все же сделать это хочется, ибо он являет весьма незаурядный пример отношения к своему народу и ко всем делам, так или иначе связанным с ним. Еврейской жизни он решил изведать, будучи уже довольно зрелым человеком – в

70-х годах. И что замечательно, к проблемам, связанным с ней, подошел вполне конструктивно и альтруистически: то, чего не хватало самому, старался добыть и наделить этим всех, кто только того желал. Имея за плечами опыт редакционно-издательской работы, он создал «самиздатовский» журнал «Тарбут» («Культура») – то были первые реальные шаги по ликвидации национальной безграмотности российского еврейства. Это многостраничное машинописное издание на «папиросной» бумаге в сотнях экземпляров ходило по стране... А Феликс Дектор за это был исключен из Союза советских писателей, прошел обыски, допросы, слежку и прочие прелести советской действительности. Его буквально вынудили подать заявление о выезде в Израиль и в течение восьми дней предписали убраться из СССР.

Иерусалиме он осуществил свою мечту: учредил собственное издательство «Тарбут», чтобы выпускать книги по еврейской истории, культуре, традиции, искусству и литературе. Так, благодаря ему увидели свет считавшаяся ранее бесследно пропавшей «Черная книга» Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана и многие другие издания. В конце 70-х он стал выпускать знаменитый в те годы журнал «Израиль сегодня», который тайно доставлялся в Союз. За ним последовали замечательный альманах еврейской культуры «Народ и Земля», молодежный журнал «Сабра». А начиная с 1990 года, Феликс Дектор уже вполне легально выпускал в Москве альманах еврейской культуры «Ковчег» и другие еврейские издания для детей и взрослых, в частности «Вестник Еврейского агентства».

– Недавно в МЕОЦе в Марьиной роще состоялась презентация детской книги «Еврейские праздники», которая впервые была выпущена вами в 80-х годах.

Тогда она была раритетом, маленького формата в черной обложке, чтоб, не дай Б-г, не бросалась в глаза, а теперь в издательстве «Лехаим» она вышла под вашей редакцией десятитысячным тиражом. Что ж, это событие еще раз свидетельствует о свободе еврейского книгопечатания в России, но и не только: по-моему, таким образом обозначен какой-то новый виток в вашей творческой, профессиональной жизни?..

– Почему бы и нет? В корне изменилась ситуация в стране, изменился наш читатель, да и я другой. Мой дом – Израиль, но я живу и работаю в России. Думаю, что именно здесь могу сегодня наилучшим образом служить своему народу. Если когда-то «Еврейские праздники» выходили карманным форматом в мягкой черной обложке, то сегодня читатель получил крупноформатное издание в твердом переплете, на отличной бумаге, в новом прекрасном оформлении Александры Лупаца и Эдуарда Зарянского. К этой книжке так и тянется рука, ее хочется не только подарить ребенку, но и прочесть самому.

Вопрос о литературе для еврейских детей на русском языке чрезвычайно актуален. Пока что у наших ребят очень мало «своих» книжек, а ведь культура здесь во многом книжная. Лет пятнадцать-двадцать назад талантливая писательница Светлана Шенбрунн не просто переписала, а пересказала по-русски книгу Рут Козодой «Еврейские праздники», чтобы познакомить с основами иудаизма советских детей, которые – в отличие от американских сверстников – не имели никакого представления о еврействе. Как издатель и редактор при работе над этой книгой я консультировался со своими друзьями-хасидами: с литературно одаренным Йешаягу (Саней) Авербухом и с ныне хорошо известным в русско-еврейском мире, а тогда еще молодым, глубоко верующим Зеевом (Володей) Вагнером. (Кстати сказать, именно с Зеевом связана большая часть моих еврейских начинаний еще с самиздатовских времен: четверть века назад мы улетали из Москвы на одном самолете, 15 лет занимались еврейскими изданиями в Израиле и вот уже десять с лишним лет продолжаем то же и здесь.)

Эта книга – не просто дежурное напоминание о праздниках и памятных датах нашего народа, а теплый, живой рассказ о повседневной практике иудаизма в самой доступной форме. Ничего не навязывая, не поучая, она подробно объясняет, что с чем связано, откуда идет, что означает... И читатель, не знакомый с основами еврейской традиции, но искренне желающий приобщиться к этому богатейшему духовному наследию, постепенно и очень естественно делает это.

Еще одна особенность книги – превосходный русский язык.

Ее с удовольствием читают не только дети. Наши взрослые, как правило, тоже ведь почти ничего не знают о еврействе и, читая книгу, проходят тот же путь познания.

– **Начало вашего творческого пути было ознаменовано переводом потрясающих книг литовского писателя Ицхокаса Мераса, который в свое время также уехал в Израиль. А в последние годы вы руководили отделом культурных и общинных связей Еврейского агентства в России, где создали популярный «Вестник ЕАР». Как к этому пришли? Вообще, насколько я знаю, чем только вам ни приходилось заниматься, где только ни пролегали дороги вашей судьбы...**

– Да, где я только не жил! Родился в Минске, в семье политэмигрантов из Литвы, которые, как и многие литовские коммунисты, осели в Белоруссии. Была такая грустная шутка, что половину литовской компартии составляли евреи, а половину –

еврейки. В 30-х годах они все поголовно оказались в тюрьмах и лагерях, большинство было уничтожено. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. Моим повезло: отца арестовали в 36-м, мать – в 38-м: они проскочили пик «ежовщины». Папе дали «всего» пять лет, а мама оказалась под следствием, когда поставили к стенке и самого палача Ежова. Потом она с трудом отыскала меня в детдоме на украинском хуторе под названием Черешенки. Перед самой войной мы с мамой приехали в Литву, а эвакуировались сначала в Мордовию, оттуда в Сибирь, на станцию Зима, прославленную Евгением Евтушенко. После войны приехали в Вильнюс. Там учился в гимназии, университете, потом поступил в Литературный институт им. Горького, 20 лет прожил в Москве, потом еще двадцать в Иерусалиме. Как только появилась возможность, начал ездить в Москву по своим издательским делам.

За эти годы я стал «профессиональным евреем». Мне постоянно приходилось и сейчас приходится обивать пороги различных организаций, обращаться к их руководству. И это естественно, потому что для реализации любых планов, проектов, начинаний требуется найти людей, которые будут содействовать их осуществлению. К сожалению, большинство наших организаций сильно бюрократилось. Там сидят обычные чиновники, точнее – еврейские чиновники по еврейским делам.

– И как у всякого чиновника, их первая реакция – отфутболить любое начинание, любой проект, если он не исходит от начальства.

– Да, найти удобную отговорку, чтобы забраковать, как говорится, инициативу снизу...

Впрочем, минувшим летом в этой закономерности вдруг обнаружилось замечательное исключение. Нашлась организация, к которой не столько я пришел, сколько она меня позвала. Мой давний знакомый Валерий Энгель стал исполнительным директором Федерации еврейских общин России (ФЕОР) и заинтересовался деятельностью «Ковчега» – клуба русско-еврейской творческой интеллигенции, который я имею честь возглавлять уже около пяти лет. А спустя несколько дней со мной пожелал встретиться главный раввин России Берл Лазар. Я рассказал ему о наших проектах. И некоторые из них тут же получили положительную оценку и даже конкретное решение. Это касается, прежде всего, еженедельной телепередачи, которая с нового года пойдет на канале «Культура». И тут надо сказать спасибо Александру Бороде, вице-президенту ФЕОР, который активно способствовал осуществлению этой идеи.

Почти два года я уговаривал Еврейское агентство («Сохнут»), прежде чем оно решило выделить средства для этого проекта. «Джойнт» просто отказался в нем участвовать. А в Марьиной роще мне сразу сказали: «Мы вас поддержим». И все, с кем я там общался – Борух Горин, Мордехай Вайсберг или Миша Мельман, – без обиняков говорят, чем и как могут помочь делу.

Это особенно радует и воодушевляет, ведь сегодня многие зарубежные еврейские учреждения уже не так охотно, как до падения «железного занавеса», поддерживают новые проекты в России и странах СНГ. Скажем, как удалось переиздать те же «Еврейские праздники»? Ведь и раньше всем было известно, что это лучшая книга об иудаизме для юношества. А главный редактор «Лехаима» прочел и тут же нашел отечественного спонсора. Он сам прекрасно разбирается в теме и готов принимать ответственные решения.

Он же рекомендовал меня и Лее Беркович из благотворительного фонда «Ор Авнер». Этой удивительной женщине всего 22 года, она родилась в Израиле, хотя мама ее из Харькова. Лея не по годам умна. Она знает, чего хочет, и умеет добиваться этого, отделяя главное от второстепенного, готова работать, работать и работать. А у нее двое дочурок, младшей из которых... два месяца! В последние дни беременности Лея сумела составить и сдать в производство «Дневник школьника» – наподобие ежедневника. Получилось весьма солидное издание. В нем самые разнообразные сведения: религиозные праздники, соответствующие благословения, краткое содержание недельных глав Торы, многочисленные высказывания наших мудрецов, образцы народной мудрости, шутки, прелестные миниатюры чуть ли не на каждой страничке, и, наконец, исчерпывающий перечень еврейских имен для мальчиков и девочек, кулинарные рецепты, диетические советы и даже начатки гематрии... И все это придумала Лея! Мне оставалось только технически помочь ей. Было срочно отпечатано 5000 экземпляров этого замечательного ежедневника, который «Ор Авнер» распространяет по всем своим школам в странах СНГ и Балтии. Теперь Лея Беркович завершает работу над телефонным справочником хабадских общин, готовит к изданию новые учебные пособия для школ, планирует регулярный выпуск ежемесячного бюллетеня для школьников.

– Судя по тому, что у вас нашлись единомышленники, с которыми менее чем за полгода удалось выпустить в свет сразу два издания, планов у вас множество. Какие ближайшие?

– Один из них я вынашиваю целых 20 лет и, смею надеяться, наконец-то удастся его реализовать. Речь идет о создании еврейской энциклопедии для юношества.

– Слышу голос заботливого еврейского отца и дедушки.

– К сожалению, мои дети росли без такого издания, а внуки владеют ивритом и английским лучше, чем русским. Но, думаю, многие родители захотят иметь в семье такую энциклопедию. Я вижу ее в трех томах, один из которых посвящен фундаментальным знаниям – Танаху, иудаизму, священному языку ивриту и разговорным еврейским языкам. Второй том – жизнеописания выдающихся представителей мирового еврейства и в первую очередь таких, кто так или иначе связан с Россией. Третий – диаспора, рассказ о евреях, живущих во всех странах, об особенностях их общин, опять-таки отдавая приоритет русской диаспоре. Я делился своими мыслями с Зеевом Вагнером, который уже издал первые четыре тома Российской Еврейской энциклопедии. И если удастся найти финансирование, то буду рад делать юношескую энциклопедическую серию в самом тесном контакте с ним и его коллективом.

Кроме этого, я хотел бы собрать под одной обложкой 12 детских книжек, каждая из которых посвящена определенному месяцу еврейского года с его праздниками, с известными людьми, родившимися в эту пору, рассказами об Израиле, о его животном и растительном мире. Эти книжки я лет десять-пятнадцать назад издал в Израиле. В них есть стишки, замечательные иллюстрации, самоделки – все, что может быть интересно и ребенку, и даже взрослому, который, возможно, возьмется прочитать эту книгу детям, внукам.

– Я знаю эти книжки, моя дочь на них растет, и когда периодически принимается их читать-перечитывать, тут же в ее руках начинает оживать еврейская история – такие замечательные самоделки, есть даже пуримский кукольный театр! Надо заметить, все тексты безукоризненно отредактированы, так что это еще и урок хорошего русского языка. На прощание хочу пожелать вам новых

успехов и поздравить ваших единомышленников, которым, я убеждена, с вами несказанно повезло. Счастье, когда прекрасные люди находят друг друга – сколько света рождают их дела!

– Спасибо на добром слове. А я, в свою очередь, рад поздравить редакцию и читателей старейшего еврейского журнала «Лехаим» с замечательным юбилеем. Подобного ему по тому, что удалось сделать для возрождения еврейской жизни в бывшем СССР, нет. Так держать!

Ááííááó ááééà

Ðàõãëü Í áí èðà

ОГОРОДЕ СЕЛЬДЕРЕЙ

Èã ðü Áóóáðì áí

Из «Книги странствий»

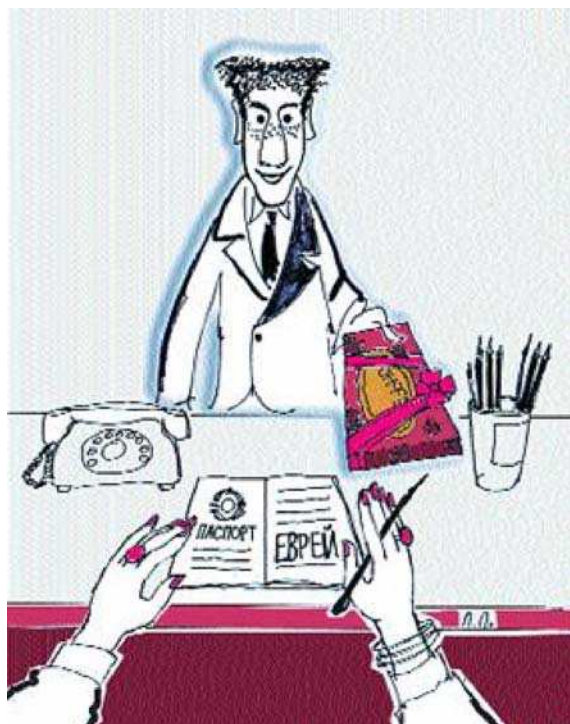
Недавно мы с женой, гостей не созывая, тихо выпили за тридцать пять лет нашего супружества де-юре, помянув тем самым день, когда ходили в загс.

Так вот, за несколько дней до этого праздника я ездил в Киев, а когда в доме приятеля кончилась водка, вызвался сбегать, и в очереди этой у меня украли паспорт. Я вернулся без него, и что подумала об этом моя теща, она призналась много позже.

Поменять в те годы паспорт можно было месяца за два, а в загсе нам было назначено уже через три дня, и гости позваны. Я пошел к начальнику паспортного отдела нашей районной милиции и для начала разговора подарил ему свою книжку, где уже были написаны слова благодарности. Эффект превзошел все ожидания. Начальник лично отнес мое заявление паспортистке, клятвенно меня заверил, что через три дня утром (загс был днем) получу я новый паспорт, и спросил, не может ли он быть полезен чем-нибудь еще. Спасибо, нет, вы чистый благодетель, заверил я его, в ответ на что он доверительно спросил, не с умыслом ли я потерял паспорт, потому что в этом случае он с легкостью растянет мое дело на полгода. Нет, ответил я, и мы с ним посмеялись зрелым мужским смехом. Только принесите паспортистке коробку конфет, предупредил он меня прощаясь, она у меня баба с норовом, а все теперь зависит от нее.

Надо ли говорить, что в этот день я с самого утра уже торчал в милиции? Паспортистка с лицом тюремной надзирательницы (через пятнадцать лет я видел много таких лиц) сказала сухо, что еще не все подписано, как должное взяла коробку конфет, спокойно вытащив ее из газеты, куда я трусливо спрятал свою мелочную взятку, но пообещала к часу дня успеть. Ну, словом, опоздал я в загс всего минут на сорок, и жена мне это помнит до сих пор.

Но главное я обнаружил только в загсе: видимо, коробка показалась этой бабе несколько мала на фоне сделанного мне благодеяния, поэтому все пункты в паспорте были заполнены нормально маленькими буквами, а в графе о национальности слово «еврей» – огромными и прописными. Очень я любил тот паспорт и жалею об утрате до сих пор.

О ЕВРЕЯХ И ДРУГИХ АНОМАЛИЯХ

Честно сказать, мне связываться с этой темой вовсе не хотелось. Все, что я думаю о нас, я изложил (и продолжаю, слава Б-гу) в своих стихах. К тому же мы обидчиво чутки к любой попытке нас затронуть даже словом – это более всего похоже на чувствительность дворовых кошек: чуть напрягшись, они следят за вашим малейшим жестом, но с места не уходят. Да к тому же столько понаписано про нас – и за, и против, и негодующее против против, только ситуация по-прежнему та же, что была многие века до нас. Цивилизация то сглаживает ее, то дикий смерч опять вздымается до неба, явно Б-га не тревожа, ибо Он давно уже пустил наши дела на самотек. Ну, словом, не хотел.

Но как-то раз попались мне заметки (пышно именованные «эссе») одного российского прозаика. Что он еврей, я догадался бы легко, даже его не зная: только еврей может копаться так самозабвенно в темной русской истории отошедших веков. А в заметках (прошу прощения – в эссе) затронул автор забавную для него (не более того) тему своего еврейства. Простодушно написав, что в нем шевелится какая-то смутная нежность, когда, идя случайно мимо синагоги (из Исторической, он подчеркнул, библиотеки, где споднизу копал историю России), видит он замшелых стариков при бородах и часто даже пейзах. Это легкое чувство, овевающее вдруг его светлую душу, совершенно сродни той нежности, сообщил нам автор, что ощущает он к соболельщикам своей любимой футбольной команды. Тут я что-то разозлился, хоть, конечно, был неправ, ибо любой человек имеет право на любое чувство, честь и хвала прозаику, который их описывает честно и открыто. Хотя есть еще прекрасная возможность промолчать, но мы ею пользуемся редко. Я даже вспыхнул, чтобы написать ему что-нибудь язвительное, но быстро передумал. С какой бы стати мне ему писать? Он – известный русский прозаик, а я простой еврейский никто. Его Россия полностью впитала и переварила (ассимилировала – мечта множества евреев), а меня исторгла, как кит – Иону, и правильно сделала, поскольку переваривался я довольно плохо (хотя, видит Б-г – хотел по молодости лет). Я все это чуть позже вспомнил, когда в Москве поехал навестить родителей на еврейское кладбище в Вострякове. Хрестоматийно русские березы и осины тихо шелестели листьями на ветру, и евреи, привозимые сюда, достигли уже полной ассимиляции, словно некие подберезовики и подосиновики. Именно здесь я вдруг отчетливо сообразил, что

двигали моей воздержанностью не лень и не гордыня застенчивости, а памятное мне событие (употребленное слово – не преувеличение), некая давнишняя история...

Не написал я свой заведомо бессмысленный укор, поскольку много лет назад оказался в числе первых слушателей того известного письма, что написал некогда историк Натан Эйдельман известному русскому прозаику Виктору Астафьеву. Я к Тонику Эйдельману всегда испытывал невероятное (и редкостное для меня) почтение, что дружеским отношениям изрядно мешало, но ничего с собой поделаться я не мог. А тут – решительно, хотя несвязно и неубедительно, – стал возражать. Многие помнят, наверно, что письмо это упрекало Астафьева в некорректности к национальным чувствам грузин – да еще тех, чьим гостеприимством Астафьев пользовался, будучи в их краях. Я сказал Тонику, что письмо это (еще покуда не отправленное в Красноярск) неловко выглядит – как некое нравоучение провинциального зануды большому столичному лицу со смиренной просьбой быть повежливей в выражении своих мыслей. Я говорил и чувствовал, что говорю что-то не то, и был я справедливо не услышан. А через короткое время (уже и свой ответ Астафьев написал, уже известны стали эти письма и повсюду обсуждались) ехал я из города Пярну, возвращаясь домой в Москву, а так как приютивший меня в Пярну (прописавший у себя, чем жизненно помог) Давид Самойлов собирался в Таллин, то и я с ним увязался на автобус. Поэта Самойлова радостно и любовно встречали местные журналисты; мы очень быстро оказались на какой-то кухне, где был уже накрыт стол для утреннего чаепития, но Давид Самойлович сказал свои коронные слова, что счастлив чаю, ибо не пил его со школьного времени, и на столе явились разные напитки. Хозяев очень волновала упомянутая переписка, они сразу же о ней спросили, я было встрял с рассказом (Давид Самойлович был сильно пьян, в тот день мы начали очень рано), но старик царственно осадил меня, заявив, что он все передаст идеально кратко. И сказал:

– В этом письме Тоник просил Астафьева, чтоб тот под видом оскорбления грузин не обижал евреев.

И я сомлел от восхищенного согласия. Именно это я пытался сказать Тонику тогда, но все никак не мог сообразить, что именно хотел я высказать.

Ответ на то письмо тогда последовал отменный, до сих пор со смутным удовольствием я перечитываю послание Астафьева, когда оно мне снова попадается. Это была высокая наотмашь отповедь коренного россиянина – случайному и лишнему в этой стране еврею. И самый размах обильно выплеснувшейся державно-почвенной злобы, и детали – все в нем было замечательно. А строки, напоенные сарказмом, непременно приведу, их надо нам читать и перечитывать:

«Возрождаясь, мы можем прийти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам “эсперанто”, тонко названном “литературным языком”. В своих шовинистических устремлениях мы можем прийти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, – собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже приберем к рукам, и о, ужас! О, кошмар! Сами прокомментируем “Дневники” Достоевского».

Поеживаюсь и сейчас, перепечатывая это. Кто мешает ущемленным местным людям писать свои песни? А разве, чтобы стать пушкиноведом, нужно что-нибудь еще, кроме способностей и готовности к нищенской зарплате где-нибудь в музее? Раздражает бедного прозаика сам факт еврейского участия в перечисленном. И что-то это мне

напоминало. Спыхватился, осознав, что это я читаю перепев того письма, что на заре века, за восемьдесят лет до Астафьева, написал прозаик Куприн своему другу Батюшкову. Он тоже гневно сетовал на вторжение евреев в область языка и литературы. Комментируя активность этого вторжения, Куприн цитирует самого себя: «ибо, как сказал один очень недурной беллетрист, Куприн, каждый еврей родится на свет с предначертанной миссией быть русским писателем». Далее – подробный состав преступления:

«Ведь никто, как они, внесли в прелестный русский язык сотни немецких, французских, торгово-условных, телеграфно сокращенных, нелепых и противных слов... Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию...»

Как одинакова мелодия, заметили? И столь же ярко выдохнул Куприн свою заветную мечту:

«Эх! Писали бы вы, паразиты, на своем говенном жаргоне и читали бы сами себе вслух свои вопли. И оставили бы совсем-совсем русскую литературу».

Больше не могу цитировать, до слез становится мне жалко двух замечательных писателей, обравивших начало и конец века своими справедливыми печалью. И сокрушенно бьется мое сердце, влага виноватости готова застелить глаза, но я ничем помочь им не могу. А как за время между этими двумя посланиями-близнецами вторглись наглые евреи в, например, поэзию российскую! Втесались и втемяшились настолько, что стали гордостью и чуть не символами ее величия. Ничего я не могу поделать ни для светлой тени Куприна, ни для Астафьева. Я как бы чуть помог, ведь лично я уехал, только продолжаю компрометировать великий и могучий своим участием. И тут, подобно Блоку, некогда исторгшему из тонкой своей лиры зверский рык («Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами!»), я хочу сказать, ничуть не виноватся, как бы о стихии говоря, – о талантливости народа моего в письменности любого коренного населения. А что, кстати, поделать с фактом, что и упомянутый великий Блок – еврей по папе? А куда мы Фета денем?

Горе той литературе, где мечтают об отделе кадров. Тем более что мечтают попусту и зря, поскольку все равно ведь продолжается и длится обсуждаемая горькая беда. Евреи сочиняют песни, и они становятся народными, высказывают пронизательные и тонкие суждения о Пушкине и Достоевском, пишут для театра, и в театрах совершаются аншлаги, над статьями в энциклопедиях корпят – и чувствуют себя при этом совершенно русскими людьми. Как некогда в Испании, Германии – везде было одно и то же. И смотреть на это – мерзко и противно лучшим представителям народа коренного. Ибо ясно им, что не будь этих пронырливых инородцев, сами стали бы писаться песни, составляться словари, исследоваться Лермонтов и они сами. Как же я их, бедных, понимаю! С подлой целью растворились эти пакостные юркие приспособленцы в русском народе – делать некую работу, почему-то никому не нужную, пока они не взяли за нее. И как им хорошо, заразам, несмотря на нищенскую плату! Все ради того, чтоб слиться с благородным местным населением. И ничего тут больше не добавишь – от душевного бессилия и легкой тошноты. И лучше поплетусь я снова по наклонному пути моей гордыни.

Забавно, что жажда раствориться и слиться с коренным населением тесно и как ни в чем не бывало соседствует с тайно-сладким ощущением своей причастности к великому народу. Более того, две эти полярные страсти взаимно разжигают друг друга. Был некогда такой писатель – Александр Поповский. То, что я о нем думаю, вслух я никогда не скажу, ибо дружу с его сыном, да и судить – не мое право, судит время, и

полная мгновенная забытость – лучший суд. Однако пояснить – необходимо. Этот писатель посвятил свою жизнь русской науке – не было, пожалуй, в ней за весь советский период ни одного крупного прохиндея, о котором Александр Поповский не написал бы восторженного романа. Так что в этом смысле он высоким был державным патриотом современной ему земли русской. Слава Б-гу, такие люди обычно бездарны – кажется порой, что некто сверху все-таки следит за справедливостью. И, разумеется, он процветал настолько, что даже оставалось у него свободное время для просто чтения. Ибо где-то в конце пятидесятых, встретив в писательском поселке знакомую пару, он им не без удивления сказал (уже за шестьдесят ему было крепко):

– Слушайте, на днях прочел я, наконец, «Войну и мир» – и вправду хорошо писал Толстой!

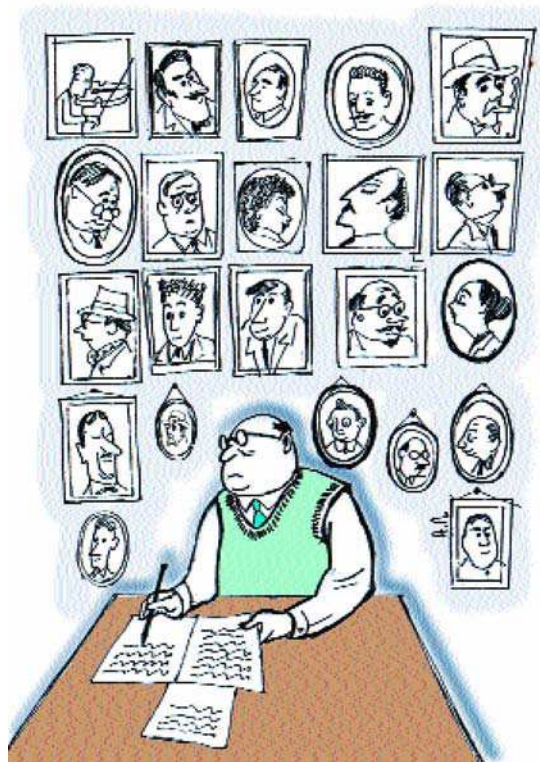
А я как-то к нему зашел по чьему-то поручению и ушел, восторженное изумление переживая. Старик, оказывается, много лет собирал фотографии знаменитых евреев – густо усеивали они стены его дома. Их рассматривая, неожиданные узнавал я лица, слыша от хозяина авторитетные подтверждения, ибо наводил он справки, не жалея времени и сил. Впервые я узнал, что мной читавшийся тогда взхлеб великий итальянский психиатр Чезаре Ломброзо – еврей, и что еврей – король шпионов англичанин Сидней Рейли. Оживившись от восторга моего, старик мне рассказал историю, которая теперь всю жизнь со мной как некий праздник поучительного лаконизма. Когда канадский физиолог Ганс Селье (который ввел понятие о стрессе – нынче этим словом не пользуются только немые младенцы) получил за свои работы Нобелевскую премию, то первое письмо, пришедшее к нему, было из Советского Союза. Некий заведомо ему неизвестный Александр Поповский посылал запрос. Цитирую дословно, ибо помню и буду помнить всегда:

«Глубокоуважаемый господин Ганс Селье! До меня дошли сведения, что вы – еврей из Венгрии по материнской линии. В случае, если это так, прошу прислать мне вашу фотографию размером девять на двенадцать и биографию в пол тетрадного листа. В случае, если это не так, сердечно поздравляю вас с получением высокой награды».

Ах, чтоб я так писал, давно уже подумал я. И снова, как тогда впервые, так я помягчел сейчас душой от этого неприхотливого письма, что вот уже мне стыдно стало: что я привязался, старый идиот, к этому известному прозаику русскому, к замечательному русскому писателю Астафьеву, к несчастному Поповскому, прекрасно прожившему свою несчастную жизнь (поскольку знал несправедность ее, но в те поры подобное писали все или почти), зачем я вообще заочно нарядился в прокурора. На этом – точка. Я вычеркивать не буду, пусть мне будет стыдно и противно.

Ощущение причастности к народу возникает часто вдруг и неожиданно для дремлющей души. Порою принимая формы поразительные, и в одном подобном случае я оказался участником. Мне позвонила давняя приятельница и, чуть запинаясь, попросила, чтобы я помог ей захоронить прах отца, недавно умершего в Питере. А разговор наш – в Иерусалиме. Я потому и попросила именно тебя, сказала дочь, ты не будешь смеяться, узнав, в чем дело. Ибо речь шла не о захоронении, а о распылении праха в Иудейской пустыне – такова была предсмертная просьба. И была всего лишь половина праха – вторую он просил оставить в Питере, в котором прожил свою жизнь и обожал который. А был он физиком, талантлив был необычайно, много сделал для науки и империи, а кто он – осознал на старости, отсюда и такое ярое желание присоединиться к своему народу хотя бы частью праха. Было нечто символическое в нашем необычном действе, и сидели мы в машине молча, пока искали место, чтобы виден был оттуда Иерусалим – входило это тоже

в просьбу к дочери. На склоне возле могилы пророка Самуила такое место отыскалось. Дочь вынула из сумочки старый школьный пенал, мы вытрясли из него горсть серого праха, ветер аккуратно унес его, развеивая по пустыне. Мы курили и молчали. Так советский физик разделил себя посмертно в две страны, чтоб обозначить свою любовь и причастность.

Об этой поразительной раздвоенности нашей некогда рассказывал Зиновий Ефимович Гердт. У них в театре был секретарь партийной организации некто Левин (за точность фамилии я нарочито не ручаюсь) – тихий, но активный человек, оголтелый, но незлобивый коммунист, усердный сеятель правоверного партийного мировоззрения. Но раз они поехали на гастроли в Лондон, и бедный Левин прямо на глазах сошел с ума. Во всех прохожих он видел евреев, и не просто опознавал их, а радостно сообщал окружающим. Он вообще сильно загрузил от впервые им увиденной западной жизни, и легко себе представить, что творилось в его преданном и недалеком сознании. А на какой-то улице сидел на стуле краснокожий индеец в головном уборе с перьями и столь же экзотически одетый, а при нем еще была какая-то нездешняя птица из породы попугаев – она тащила клювом из ящичка билеты с предсказаниями счастья. «Это еврей!» – закричал Левин, бесцеремонно тыча пальцем в направлении индейца. Тут его, естественно, подняли насмех, он обиженно замолчал и только долго оглядывался, когда они уходили. «Это еврей», – грустно и убежденно шепнул он Гердту. А в конце дня их всех – по просьбе того же Левина – повели обедать в известный еврейский ресторан, где Левин от обилия легко опознаваемых лиц совсем увял и только сладостно водил глазами. А в конце обеда в ресторан легкой походкой вошел тот краснокожий индеец, с панибратством завсегда громко сказал «шалом, хеврэ» (то есть «привет компании») и принялся за сразу же принесенную ему фаршированную рыбу. Легко себе представить восхищенную гордость Левина и посрамление не веривших ему. Но это – лишь начало той истории, что записал я, убежав как бы в сортир. После исхода Шестидневной войны у Левина возникло чисто клиническое раздвоение личности. Он обожал рассказывать об этой войне и начинал, прекрасно помня, что является секретарем партийной организации.

– Легко понять этих трудящихся арабов, – говорил он для начала, – они себе обрабатывают свои поля и посевы, и вдруг евреи начинают по ним стрелять из винтовок...

Он возбуждался прямо на глазах.

– И тогда они берут автоматы и тоже начинают стрелять. И тогда эти...

– Кто эти? – спрашивал подвернувшийся Гердт.

– Евреи, – воспаленно отвечал Левин, – начинают стрелять из пулеметов! И тогда эти...

– Кто эти? – непонятливо спрашивал Гердт.

– Арабы! – огрызнулся Левин. – Они подкатывают артиллерию! И тогда эти...

– Кто эти? – невозмутимо спрашивал Гердт.

– Евреи! Тогда евреи садятся в танки и начинают наступать, и тогда они...

– Кто эти они? – спрашивал Гердт.

– Эти чертовы арабы, – Левин уже терял сознательность, – они стреляют из противотанковых ракет!

И тогда эти...

– Эти кто? – переспрашивал Зиновий Ефимович.

– Наши евреи! – кричал Левин с торжеством. – Они садятся в самолеты и разбомбливают все это к е... матери!

После чего он остывал, приходил в себя, посматривал сконфуженно и вопросительно – с опаской, что сболтнул лишнего, пока опять не подворачивался слушатель с вопросом о течении войны. Гердт неизменно оказывался рядом.

Теперь, насколько я сумею, – о чувстве избранности, то бишь о пресловутой национальной гордыне...

Вообще говоря, чувство избранности (даже отчетливого превосходства) свойственно множеству народов. Более того – чем хуже у народа настоящее, тем светлее и величественней мифы и легенды о высоком прошлом и больших путях в истории. Мне как-то довелось об этом говорить с татарским националистом. Когда лопнул пузырь дружбы народов, ярким пламенем вспыхнули национальные амбиции почти везде, а так как всем жилось одинаково плохо и неприкаянно, то гордыня расцвела повсюду несусветная. А я в Казани приглашен был выступить перед почтенными людьми большого бизнеса. И приплелись, конечно же, евреи. Впрочем, многие из них были женаты на татарках. Я работал вместе с певцом и оркестром, так что, минут десять почитав стишки, я уступил им место, сел за столик, но не пил, а лишь прихлебывал, ожидая своей новой очереди лицедейства. Но оркестр все играл и играл, певец все пел и пел, уже пошли танцы, а я сидел трезвый, как дурак на свадьбе, и недоумевал, когда же меня свистнут

снова. А после ухватил я за штанину пробежавшего мимо устроителя, и он сказал мне внятно и коллегиально:

– Ради Б-га, извини меня, забыл предупредить, ты можешь пить спокойно, им надо всего-навсего завтра сказать в своих конторах, что слышали Губермана, а стихи им не нужны, послушали и все, на гонораре это никак не отразится. Гуляй, старик, с тобой закончено.

И начал я наверстывать упущенное. Ко мне подсел немолодой интеллигентный татарин (ох, немного их там было!) и беседу начал с полуслова – будто мы ее прервали только что. Он сообщил мне, что по его глубокому убеждению, татары – великий народ, чисто случайно не вошедший в исторический канал, по которому пошли другие великие народы. Я не возражал, я наливал и опрокидывал. А главная тому причина, грустно и увлеченно повествовал непьющий собеседник, – она в том, что век за веком татары отдавали россиянам своих самых выдающихся людей. Они утекали в империю, печально и красиво сказал он. Историк Карамзин, поэт Державин, композитор Рахманинов, полководец Кутузов, писатели Аксаков и Тургенев – самые поверхностные, хоть и яркие примеры. Я сочувственно кивал. Тут на меня посыпались фамилии, о большинстве которых я и слыхом не слыхивал, потом он помянул, что татары на первом или втором месте по числу Героев Советского Союза (это в пропорции с количеством народа, то есть весьма значимо), но тут не удержался я и буркнул, что евреи – на третьем. Мельком я успел подумать, что надо следить за собой, ибо выпивка уже делала свое благое дело, а разговор со мной затеяли всерьез. Но было уже поздно. И когда меня спросили, бывал ли я в музее Льва Толстого, и кивнул я снова головой, и собеседник торжествующе спросил, а видел ли я слева в самом основании генеалогического дерева фамилию Баскакова, а он – татарин, я спросил вместо ответа, почему не посмотреть было направо, где еврей Шафиров обозначен. И собеседник мой исчез куда-то. Я решил, что он обиделся, и сокрушенно принял еще пару рюмок. Но тут он появился, весь сияя – подкопил, наверно, аргументы – жалко, я по пьяни все испортил сразу. Он еще и сесть не успел, как я ему сказал приветливо:

– Я тут подумал, знаете, и если все, что вы мне излагали, достоверно, то татары – просто-напросто одно из наших утерянных колен.

Он повернулся, мне ни слова не сказав, и не услышал я вследствие этого множества новых фактов. Но зато запомнил главное: еще один избранный Б-гом народ свято помнит о своем великом прошлом.

Множество таких же точно аргументов каждый, кто желает, с легкостью отыщет на страницах всех сегодняшних республиканских газет всех республик бывшего нерушимого Союза. Тут же рядом будет находиться такое поношение бывших братьев и соседей по империи, что душа будет болеть и одновременно играть от виртуозности раскрепостившихся мыслителей. А с каждой оскорбленной стороны течет такое, что словарь дружбы народов уже время составлять. И я уверен, что вот-вот появится еврей, который это сделает. От одного шедевра я не в силах удержаться – вот как говорят чеченцы, например (задолго до войны, что важно):

«Чечены и русские – братья, а осетины – дикие собаки, еще хуже русских».

Но вернусь к своим. Гордыня – это, прежде всего, чуткость к ущемлению. Чувствительность к обиде по национальной принадлежности, еще фантомной и предполагаемой обиде, и к выдуманной в том числе – присуща нам вне всякой

зависимости от характера и интеллекта. Как-то раз моя приятельница Фира ездила в Америку погостевать у друзей. Но быть в Нью-Йорке и на Брайтон не сходить – впустую съездить, и вот уже сидит Фира на Брайтоне возле моря, а рядом – скопище жовиальных евреек советского разлива, снисходительно ругающих Америку за сухость душ и полное отсутствие культуры. Сама их речь – высокое свидетельство незаурядного культурного развития всех этих далеко не молодых, отменно корпулентных (если я правильно толкую это слово) дам. В прошлой жизни занимались они всяким – в том числе и торговали культтоварами или распространяли билеты в приехавшие на гастроли театры, так что им и карты в руки, я их вовсе не хочу обидеть. Я их много видел и беседовал не раз, я каждый раз, на Брайтоне бывая, что-нибудь хожу послушать, и обычно смех мой горек. Только я отвлекся. Услыхав, что Фира из Израйля («откуда сами будете, дама?»), стали все ей задавать вопросы, на которые немедленно сами же и отвечали, Фира только поражалась их категорической осведомленности. Образовалась крохотная пауза, и Фира вставила в нее известные слова, что там, где два еврея, – три несхожих мнения.

– Кто это сказал? – грозно спросила одна из женщин.

– Черчилль, – пояснила Фира. – Уинстон Черчилль.

– Черчилль? – с невыразимой гадливостью повторила собеседница. – И что вы ответили этому антисемиту?

Жаль, что пока что не сыскался Бабель, могущий описать это уходящее поколение еврейских пришельцев – но, быть может, он уже растет и уже впитывает этот дух и эти речи? Хочется мне думать, что они не пропадут. Я как-то там (в плохом был очень настроении, хотел развеяться) услышал возле продовольственного магазина (как там солят, маринуют и коптят!) слова одной такой дамы в разговоре с подругой – слова, от коих испытал я чистое высокое счастье:

– И ты себе представляешь, – пылко говорила она подруге, – он сказал мне: идите на х..! А я ему тогда сказала: молодой человек, а я была там больше, чем вы – на свежем воздухе!

Теперь начну я как бы снова и как бы по порядку. С интереса нашего, сугубого и острого, ко всему, что относится к евреям, где бы и когда они ни жили. С интереса, который начисто пренебрегает неким общепринятым, разумным и естественным (ха! – на все эти три слова) порядком изложения любых сведений. Это ярче всего видно на примере старой (десятые годы прошлого века) Еврейской энциклопедии. Очень любил я некогда в застолье излагать цитаты из нее – не надо было никаких собственных шуток. Помню наизусть о Лондоне, к примеру: «Лондон – столица Англии. Основан в 1066 году, когда Вильгельм Завоеватель привез туда несколько десятков еврейских семей». И так про все на свете. Меня и всех приятелей моих весьма это смешило. Прошли годы, уже в Израйле я жил, затеялся какой-то чахлый семинар, куда меня позвали по ошибке, и на коллективном завтраке в столовой я вдруг вспомнил эту и подобные ей фразы. Засмеялись, помню, все, только один спокойно и серьезно сказал мне, что ему нисколько не смешно. Уже давно, сказал он так же ровно и неторопливо, все на свете он воспринимает с точки зрения причастности к еврейскому народу. Я смолчал, поскольку сильно ошарашен был внезапным ощущением, что я ведь тоже с некоторых пор воспринимаю многое в таком же искаженном ракурсе. А осознав, уже я этому и удивляться перестал. Все как бы сохранилось прежним, только сильно сфокусировался взгляд. Что вряд ли хорошо, но это есть. Сквозь эту призму по-иному я на многое смотрю, и пакость, совершенная евреями (а

сколько же ее!), мерзее и больней мне, чем пакость, сделанная кем-то, кто вне этого сильно суженного взгляда.

Дина Рубина записала слова, однажды сказанные ей немолодым и невеликого образования человеком (уже здесь, в Израиле):

– Помни, деточка, – сказал он ей, – что самое хорошее и самое плохое на свете делается евреями.

Я не согласен с полнотой такого обобщения, но под словами о причастности нашей ко всему на свете, и к полярному по качествам притом, – я подписался бы обеими руками. Это мания величия и миф об избранном народе? Нет, я думаю, что это – отражение реальности. И потому так правы старики, перечисляющие со смешной гордыней фамилии знаменитых соплеменников, и потому так правы в очень многом люди, ненавидящие нас. И вновь я сбился, старый графоман, на ту высокую тональность, что никак мне не по чину, а важней, что не по нраву.

Искажена моя картина мира – всюду вижу я талантливых (пускай способных), с бешеной активностью евреев. Может быть, пойти в сотрудники в журнал «Наш современник»? Сколько бы я мог им рассказать!

Я в Лондоне гулял дней пять с женой, а после был с туристской группой столько же. И не запомнил ничего, кроме отменной фразы гида как-то утром. Он сказал:

– Вниманию женщин! Следующий туалет будет только в доме, где родился Шекспир!

А моему приятелю завидно повезло. Он где-то на проспекте на огромный магазин набрел, где на витрине краской масляной было написано по-немецки – «говорим на немецком», по-испански – «говорим на испанском», по-французски – «говорим на французском». А на иврите там было написано – «для евреев – скидка». Кому это понравится, узнавши?

О взаимовыручке еврейской сколько ни написано – все правда. Далеко неполная притом. Поскольку множество веков евреи скидывались специально в помощь соплеменникам, которые нуждались в ней, и это продолжается по сей час. И ничего величественней этого я как-то не упомяну. В лагере в Сибири с завистью и уважением смотрел я, как немедленно сплачиваются люди с Кавказа. Сбившаяся стайка их немедленно и радушно принимала своего новичка – а что творили с новичками и друг с другом люди коренной национальности! Вернусь к своим, поскольку миф о нашей выручке взаимной – справедлив почти вполне. Почти, поскольку в памяти стираются мгновенно грустные истории вчерашней жизни – как евреи старались не брать на работу других евреев, опасаясь, чтобы их не заподозрили в национальном потакательстве и вообще чего дурного не подумали. Таких испугов множество бывало – это характерно именно для растворенцев (не найду иного слова) – тех, кто жаждал слиться и прильнуть. Я еще слышал о тайно жидовствующих растворенцах – те, согласно мифам и легендам, резали безжалостно евреев на различнейших экзаменах, свою повадку мотивируя идеей, что еврей обязан знать предмет не на пятерку, а на шесть как минимум. Но это обсуждать мне неохота, я брезглив и забывчив.

Тут пора мне сделать отступление.

С некоторых пор есть у меня заочный собеседник, в глазах которого хотел бы я выглядеть, по крайней мере, хорошо. А как он появился в моей жизни – целая история, к этой главе никак не относящаяся. Ибо она – о торжестве той внутренней интеллигентности, которая порой бывает вознаграждена. То есть к моей сугубо назидательной тональности прямое отношение имеет. Я как-то выступать приехал в некий большой город (я все детали утаю, поскольку ни к чему они). И целый день я был свободен. Гулять по этому промышленному центру, доведенному годами советской власти до безликости из фантастических романов, не хотелось мне никак, и я проездил целый день в автомобиле своих местных импресарио, которые по разным поводам мотались по городу. По дороге я немножко выпивал, мне было хорошо и безразлично. А где-то на закате тормознули они возле двухэтажного складского вида помещения, пристроенного к жилому дому, и пошли туда, оставив меня в машине. Я выкурил, их ожидая, сигареты две и оглядел окрестности, поскольку писать очень захотел. По-маленькому было тут легко сходить, не вылезая из машины, пешеходов не было почти, а рядом были даже кустики. Но я (по пьянке, видимо, поскольку раньше и потом я писал всюду и везде) подумал вдруг возвышенно и страстно, что я ведь не животное какое – нет, я человек, и я звучу гордо, и ничто человеческое мне не чуждо, и не буду писать я в кустах, как кошка, мама не тому меня учила. И я побрел на этот склад, я полон был высокого сознания своей высокой правоты.

А дверь толкнув, я оказался в неожиданно большом и светлом зале, где по стенам аккуратнейше на стеллажах стояли книги в диком множестве, в уютных выгородках сидели люди за компьютерами – такая была смесь отменно сделанного магазина и издательства. Я закурил – никто не стал мне делать замечания, и потому я сигарету тут же потушил и тут увидел, что сидевшие меня узнали: двое зашушукались, на меня глядя и улыбаясь, к ним подошел третий, а с лестницы, ведущей на второй этаж, спускался торопливо человек, явно направлявшийся ко мне. А я – непроницаемо и вдохновенно смотрел на книги. И лучше я пописал бы в кустах, печально думал я.

– Вы Губерман? – спросил меня подошедший человек.

– Да, это я, – ответил я с достоинством, – а где у вас тут туалет?

Потом наш диалог мы обсуждали столько раз, что выходило – я спросил про туалет, когда он только подходил, то есть повел себя, как Державин с Дельвигом при посещении лица, эта версия так льстит моему тайному тщеславию, что я согласен с ней, хоть видит Б-г – я был взаимно вежлив.

– На втором этаже, – ответил человек, ничуть не удивившись. – А потом зайдите ко мне в кабинет.

И я зашел, и протрезвел довольно быстро. Человек этот оказался владельцем замечательного издательства, и через полчаса я выходил оттуда с договором на трехтомник, а всего там вышло уже шесть моих книг. Мы подружились (смею я надеяться) чуть позже, когда выпили в Москве, а после – в его городе, где я на кустики возле издательства еще раз специально глянул, чтобы лишний раз подумать все о судьбе. Издатель этот – Саша – оказался человеком поразительной (прозрачной, редкостной) душевной чистоты. Забавно, что в Москве в один и тот же день я кратко перекинулся словами, проверяя впечатление свое – с женой и Гришей Гориним. Жена моя, сторожко относящаяся к людям, и Гриша (был он скептик и мудрец) – со мной единодушно согласились. Потому я так серьезно и воспринял Сашины слова, когда мы виделись в последний раз недавно – вам, сказал он, Игорь Миронович, свойственна странная

гордыня, я уже несколько раз слышал от вас различные слова об избранности вашего народа – вы всерьез так полагаете? По-моему, народы все равны.

Не стал бы я ни с кем вступать в бессмысленные споры, только тут почувствовал я настоятельную необходимость объясниться – что и сделаю сейчас, поскольку времени тогда не отыскалось.

Да, конечно, Саша, несомненно правда, что народы все равны, однако есть неодинаковость, которую никак не утаить. И в этом смысле – полон я гордыни, Саша, ибо явно некими чертами так отмечен, что, похоже, – избран мой народ. И в том высоком, что давно и всем известно, и в том низком, что присутствует с такой же яркостью. Ведь любому глазу очевидно, что у человечества есть яркие носители полярных качеств – на обоих полюсах отчетливо заметен мой народ. А избран – отношением к нему других, историей своей кошмарной, так что не льготы эта избранность означила, а тягости и смерти. А вернуться если к полярности человеческих качеств, то и на том, и на другом полюсе умножены душевные черты на нашу дикую активность и энергию, уж не берусь я обсуждать ее происхождение.

Опять в патетику я впал, а собирался что-нибудь снижающее пафос повестнуть. Вот о гордыне личной, например, – весьма одной запиской я горжусь, не помню точно, в каком городе я получил ее:

«Игорь Миронович! Я пять лет прожила с евреем. Потом расстались, и я с той поры уверена была, что я с евреем на одном поле даже срать не сяду. А на вас посмотрела и подумала: сяду!»

Когда заведомое отношение есть к какому-то народу, то оно такие тонкие ходы в мышлении внезапно роет, что даешься только диву, сколько творческого скрыто в человеке. Тут для коллекции большой соблазн, и я его, конечно, не избегну.

Тому назад двенадцать лет все было, как сейчас, – кидали камни, жгли машины, взрывали автобусы с людьми, а винил тогда весь мир – конечно, нас самих. И вот один французский журналист, расспрашивая пожилого араба о бесчинствах оккупантов, сладострастно все записывал – и как гоняются еврейские солдаты за невинными подростками, кидающими камни, и как жестоко разрушаются дома тех террористов, что и без того уже сидят в тюрьме за убийства, и все прочее из обиходного набора той поры. Но был французом журналист, и потому спросил, естественно, – а не насилуют ли эти злобные еврейские захватчики арабских женщин. И ответил без раздумий собеседник, что кошмаров много, но вот этого ни разу не было – нет, не насилуют. И с омерзением, презрительно сказал тогда француз:

– Какая ж это армия?!

История вторая – из Баку недавних лет. На синагоге появилась за ночь надпись на стене – русскими буквами:

«Евреи, не уезжайте, вы наши братья! А будете ехать – перережем вас, как бешеных собак».

В главу о странностях любви хотел я эту надпись поместить, но здесь она на месте тоже.

На международной конференции советологов (или славистов) это было. Двое россиян в беседе кулуарной поливали евреев на чем свет стоит, а их безмолвно слушал советолог (или славист) из Германии. Слушал-слушал этот немец двух коллег согласный диалог, потом не выдержало сердце, и сказал – как выдохнул, так страстно:

– Как я вам завидую, друзья, что вы имеете возможность говорить все это вслух!

Всплыла история, которую люблю на выступлениях рассказывать – она как раз об отношении других народов. Мои приятели в Казани – много уже лет назад – оркестр уличных музыкантов сколотили (по содержанию того, что исполняют). И стал он одним из лучших в республике, мотаются они все время по гастролям. Оказались как-то в небольшом городке, сыграли утреннюю репетицию в местном театрике – и вдруг сообразили, что до вечернего концерта запросто успеют выпить и отоспаться. Быстро покидали они свои нехитрые инструменты прямо в скверике возле театра, закупили выпивку и загуляли с полным удовольствием. И тут из воздуха образовался некий местный гражданин.

– Ребята, – спросил он, – это вы у нас сегодня выступаете в театре?

– Мы, – признались музыканты и певец.

– А я смотрю, вы что-то все евреи, – поинтересовался гражданин.

– У нас оркестр еврейский, – пояснили оркестранты.

– А я евреев уважаю, – оживился гражданин. – Как ни возьми хороших музыкантов – все евреи. А ученые – там математики, к примеру, химики и физики – опять евреи. Как хорошие учителя – опять евреи...

А уже вовсю разливалась по стаканам водка. Хотите? – предложили гражданину. Разумеется, кивнул он головой. Взял полстакана водки и продолжил наскоро:

– А как хорошие врачи – опять евреи.

Выпил свою водку, заел ломтем колбасы, вздохнул и заключил свой монолог:

– Но хитрые, падлы!

Благодаря вековечно похожему отношению к нам других народов и еврейские праздники обрели постепенно некое общее звучание. Сын одного моего приятеля нашел точную общую формулу проведения всех еврейских праздников. Она проста. Ведущий говорит:

– В таком-то и таком-то веке такой-то и такой-то деятель решил известить еврейский народ до единого человека. У него ничего не вышло. А теперь давайте покушаем.

Как раздражает даже в мелочах наша активность, расскажу короткий эпизод с актером Леонидом Каневским (помните «Следствие ведут знатоки»? – это был пик его известности в Союзе). Он и сейчас еще подвижен и экспансивен – в молодости он был подвижен, как ртуть, говорил громко да еще жестикулировал. И в киевском автобусе он

как-то разговаривал с друзьями. Очевидно, ему было хорошо и увлекательно, сыпались слова и двигались, им помогая, руки. И не выдержал шофер автобуса. Он выключил галдящее радио и замечательные в микрофон сказал короткие слова:

– Развязно себя ведете, Соломон!

Порою удастся уловить совсем случайно те штрихи, нюансы, отблески, что сопутствуют образу еврея в так называемом коллективном сознании. Как-то в Берлине моего приятеля попросили поговорить с некой женщиной, настырно утверждавшей, что она еврейка и поэтому община ей должна помочь. Он согласился с ней поговорить и, прежде всего, спросил, естественно, почему она уверена, что мать ее была еврейка. Потому что мать моя на Пасху всегда пекла мацу, ответила женщина.

– И как же она ее пекла? – спросил приятель.

– По закону, как все, – ответила женщина, – замешивала тесто, клала дрожжи...

Мой приятель чуть подернулся неосторожно, и женщина с готовностью сказала:

– Добавляла чуточку крови...

Я из романа своего «Штрихи к портрету» вытащу сюда одну историю, рассказанную мне старым зэком. Было это в лагере на Северном Урале где-то в начале пятидесятых годов. В бараке вечером однажды завязался спор, какой национальности людей больше всего сидит по лагерям. Кто-то немедленно сказал, что русских, но его остановили, пояснив, что следует считать в пропорции к количеству этой нации во всей империи. Тогда кто-то сказал, что грузин – ибо кавказцев было много в лагере, но разные они собой народы представляли. Опытные зэки быстро согласились, что, в пропорции если считать, то более всего сидит евреев. Пожилой украинец, молча лежавший до сих пор на нарах, услышав это согласное мнение, с омерзением сказал:

– Какая нация: всюду пролезет и своих протащит!

Эти дивные слова мне ключевыми кажутся и для споров об активности в революции, и при обсуждении количества Героев Советского Союза в войну, и для многого, многого прочего. Забавно прочитать мне было как-то (в «Нашем современнике», естественно) о периоде борьбы с космополитами и дела врачей. Немыслимые выпали евреям унижения тогда: кто испугался, кто поверил, кто воспользовался. Вся та боль, нанесенная целому народу, рассосалась и растаяла вместе со временем. И вот уже мыслитель из почтенного публицистического дома пишет, об эпохе той вспоминая, что даже в те года, какой из списков ни возьми с лауреатами Сталинских премий – чуть не треть из них окажутся евреями – кто явный, кто не сразу угадаешь. Конечно! А куда же было деться от кошмарной этой нации, весь разум свой, все силы и усердие отдавшей этой дьявольской империи. Есть у меня одна угрюмая и еретическая убежденность: если б Гитлер свою ненависть к евреям придержал до некоей поры, то неисчислимое количество евреев так же озаренно и старательно работали бы на третий рейх.

Веский довод в пользу этой мрачной убежденности моей: нам свойственна беззаветная слиянность с духом той эпохи и того народа, где застали нас рождение и зрелость. Не случайно все века Арабского халифата, где евреи жили полноправно и спокойно, лучшие еврейские поэты и философы писали на отменном арабском языке, в

Германии они такими стали немцами – достаточно назвать хотя бы Гейне, а в России так они восприняли дух разрушения во имя справедливости и счастья сразу всех, что страшно вспомнить их кошмарную активность. А понимал ли кто-нибудь из них, что обречен? Наверяд ли. Так же, как они наверяд ли это понимали бы, трудись они на третий рейх.

А что касается нашей пресловутой житейской сметки (видеть наперед – ее естественное свойство) – я только напомним, как в тридцать девятом году Жаботинский распинался в голос, объясняя польским евреям, что из Германии идет к ним смерть и надо уезжать куда угодно. Был освистан, даже назван был фашистом сгоряча, сегодня вспоминать об этом дико и необходимо.

А теперь поговорим о нашей мрази – я бы с мелкой начал. В первые же дни приезда нашего в Израиль позвонил мне полужнакомый (виделись единожды) осведомленный доброжелатель и спросил, а были ли у меня за время литераторской жизни в России книги, почему-либо зарезанные.

– Ого-го, – сказал я радостно и горделиво. – Целых три, а если и статьи прибавить, то с лихвой четыре наберется.

– А за что их зарезали? – задал мне доброжелатель странный для меня вопрос.

– Как это за что? – спросил я ошарашенно. – Я ж тогда все умственные силы клал, чтобы сказать о советской власти все, что я о ней думаю. За навязчивые ассоциации, они тогда аллюзиями назывались, так что, в сущности, за попытку оклеветать наш дивный строй, они меня по делу резали, понять их можно.

– Вы забудьте это, – мягко посоветовал доброжелатель. – Напишите, что вас резали как еврея, что вы – жертва государственного антисемитизма, это очень вам поможет в получении различных льгот.

– Вы что, с ума сошли? – спросил я грубо. – Для чего же мне так низко лгать?

– Я вам добра желаю, – сказал доброжелатель с легкой обидой. – Я от всей души.

Еще потом он жаловался общим друзьям на мою хамскую неблагодарность. И был прав, конечно.

А мотив этот я вспомнил уже лет пять спустя в одном российском городе. Ко мне явился за кулисы местного театра некий средних лет еврей, знакомый моих знакомых, так что сразу доверительно попросил о помощи. Чем могу, ответил я с готовностью. Был у него посажен сын – по чистой уголовке – за растрату и за воровство, на коем схвачен был с поличным, – и ничем тут с очевидностью помочь было нельзя.

– Так чем же я могу быть вам полезен? – спросил я недоуменно.

– Вы сейчас такой заметный человек, – терпеливо объяснил мне горестный отец, – что вас может принять посол Израиля.

– И что? – не понял я.

– И можно возбудить скандал, что садят еврея, – человек даже понизил голос от уважения к идее.

Я уже все понял, но спросил на всякий случай с тупостью, простительной эстраднику:

– Но посадили ведь его за воровство, а не за еврейство?

Уже готов я был сказать различные слова, но человек на меня глянул и ушел. А привкус у меня от той беседы еще долго сохранялся.

Густ поток подобных спекуля

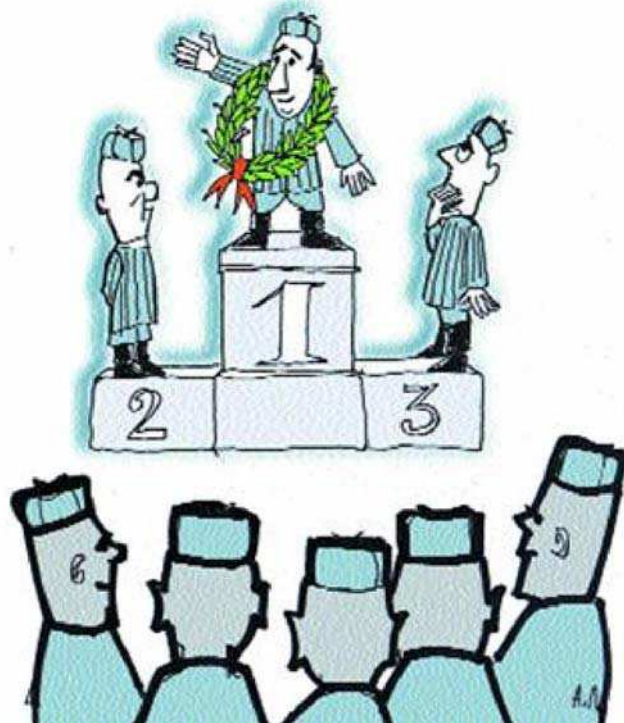
ций, и подробней говорить об этом – тошновато. Думаю, что меня уже поняли.

А что касается людей с размахом мерзости повыше, то у каждого народа есть своя такая мразь, и тут гордиться нашей избранностью мне никак не выйдет. Нет, я вру, и с радостью хватаю себя за руку. А про потоп сегодняшнего криминала что же ты забыл? И это правда. Я как бы должен осуждать неслыханный поток бандитов и воря, весь мир сегодня захлестнувший, выльясь с необъятных просторов первой в истории страны социализма, – что ж, если кто-нибудь настаивает, я их осуждаю. Хотя глупо осуждать естественные, как землетрясение, почти природные процессы. Снова среди этого потока – невероятное количество нашего брата, и я, о них читая, с несправедливой гордыней думаю порой: какие ж вы талантливые, падлы!

Я вообще хочу сказать, хотя греховность этой мысли сознаю, но я уверен, что обилие жулья с размахом – это веский признак живости народа в целом.

Нет, повторю я снова, мне ничуть не стыдно за слепых и воспаленных комиссаров тех далеких лет, не стыдно за людей, насквозь пропитанных тем губительным высоким духом разрушения, что поразил тогда насквозь Россию целиком. Но неужели из сегодняшних никто не вызывает во мне чувство омерзения, а следовательно – и стыда за соплеменность? Нет, есть один. О нем я расскажу немедленно.

Он, несомненно, умный человек, поскольку таковым не будучи, никак нельзя играть того шута и агрессивного придурка, какого он давно уже играет, с бесцеремонной оживленностью суясь во все дискуссии, проблемы и отверстия. Сейчас, по счастью, спала и затихла его бурная известность, а было время – в каждом зале города любого шли записки (штук по пять, по шесть) с одним вопросом – как я отношусь к Жириновскому и что я думаю о нем. Казалось бы, все очень просто: отношусь я к нему крайне плохо, а думаю и того хуже, потому что этот фюрер для бедных – натворить такого может, что Россия, ужаснувшись и опомнившись, немедля вспомнит о его еврействе. Но я, однако, иностранец, никаких советов я давать не вправе, а предупреждать и пророчествовать – вовсе глупо и бессмысленно. Я отделялся неким давним стишком, который по счастливой случайности подходил Жириновскому с полной определенностью:

Νόμιε αίειòíúòíóúδαέ,

íááòòúò áααì è á èáí èý,

áíááà í áòíáè òíí áάάέ -

άú áò αίειòííá òáíθάí èý.

И зал смеялся неизменно, а я тоскливо думал всякий раз: откуда же берутся миллионы, что голосуют за этого опасного шута?

Так повторялось много раз, и тут судьба решила поиграть со мной – подсунула мне встречу с Жириновским. Будучи в Москве однажды, пришел я в Дом литераторов на обсуждение последней книги одной замечательной негромкой писательницы. Забавно, что и книжка та была – о фашизме. Говорилось и о его перспективах в России. Будучи курильщиком отъявленным и злостным, больше часа я не утерпел и вышел покурить в фойе. Купил себе десяток книг в ларьке у двери (это существенная для дальнейшего деталь), положил их на стоявший там же столик и блаженно закурил, наблюдая краем глаза за книгами, дабы коллеги их не сперли. Кто-то подошел поговорить, и я услышал, что в соседнем (большом) зале происходит встреча российских писателей с Жириновским. Я, разумеется, остался его ждать, и сигареты через две он появился. Три телохранителя в комиссарских кожанках плотно окружали его. А он – с его лицом и в местечковом картузе – смотрелся среди них, как пожилой еврей, арестованный за сокрытие ценностей. Я подошел к нему и вежливо представился. Сказал, что я живу в Израиле, что литератор и мне жаль, но нету с собой книжки, чтобы подарить ему (а про себя подумал: и была бы – я бы тебе хер ее подарил), и что хотел бы увезти с собой его автограф. Эту речь я вовсе не готовил, мне хотелось только поглазеть, и для чего я вдруг к нему поперся – сам не понимал я, и с немалым удивлением слушал, что мелю. И для чего автограф?

Жириновский наклонился к невысокому плотному человеку средних лет – по виду явно литератору и устройтелю всей встречи, и тот быстро и жарко нашептал ему на

ухо что-то хвалебное в мой адрес. Ибо с обаятельной улыбкой мне Владимир Вольфович сказал:

– Конечно. Давайте мне любую книгу, я вам с удовольствием распишусь.

Таким он выглядел приветливым, наивным, кротким и простым, что я, за книжкой метнувшись, ощутить успел свое коварство, вероломство и творимую подлянку. Ибо я через секунду возвратился с только что вышедшей тогда в Москве книжкой – «Дневники Геббельса». Я даже распахнуть ее успел: на Жириновского смотрел пустой белый лист, на котором как раз и ставят автографы. Глаза мои лучились чистотой и интересом к государственному мужу.

Но Жириновский посмотрел, какую книгу я принес, мне протянул ее обратно и сказал слова, от которых душа моя облилась блаженством, ибо я мгновенно себе представил, как сегодня же на пьянке буду их рассказывать друзьям, а мне не будет верить.

Он сказал:

– Вы знаете, я тут никак вам не могу поставить подпись, меня и так о нем все время спрашивают.

Я молча метнулся за другой книгой, это оказался Розанов, и Жириновский, повертев ее в руках и сомневаясь, поставил подпись. Книгу я привез домой. А вся история стала цветком в букете моих эстрадных баек. Ибо я рассказываю только правду, а она – намного ярче вымысла.

Да, милый Саша, мы такой народ – даже способное отребье крупной масти мы поставляем яркое и энергичное.

В Израиле заметно снижен наш накал. Дух левантийской беззаботности, беспечности и всякого такого – сильно овекает нас, и кажется порой, что все-таки еврейю жизненно необходимо явное и тайное сопротивление среды. Нет, оно есть и тут, но тут оно совсем иное. Я довольно скоро по приезде эту ситуацию почувствовал, но сформулировать боялся, опасаясь, что незнание языка толкает меня к неверным обобщениям, на которые я права не имею. Но однажды натолкнулся на статью раввина Адина Штейнзальца, одного из мудрейших людей нашего времени, и там я просто прочитал слова, которые не смел произнести даже во время дружеского трепа. Я сейчас большую выпишу цитату, лучше все равно я не скажу. И то, что выше я писал, тут будет лаконично и весомо.

Сперва Адин Штейнзальц отмечает нашу сложившуюся за века «поразительную способность видоизменяться, приспособливаться, становиться похожими на тех людей, среди которых мы живем». Но, пишет он далее: «Наша адаптация – это внутреннее преобразование... Мы не просто обезьянничаем, а становимся частью этого народа... Это вызывает обиду и возмущение. У других народов складывается ощущение, что еврей... изошренно похищают у них душу и таким образом становятся их национальными поэтами, драматургами, художниками, а через некоторое время – устами и мозгом их народа. Мы становимся бо́льшими англичанами, чем сами англичане, бо́льшими немцами, чем сами немцы, бо́льшими русскими, чем сами русские...»

О, как я это знаю по собственным ощущениям! А в том числе – и по любви к России, которая незыблемо во мне живет и болями сегодняшней России мучает. Теперь я очень далеко и лишь поэтому могу себе позволить вслух в своей любви признаться, там это было стыдно, там позволяли себе вслух об этом говорить (в корыстных целях – и кричать) только рептилии различного пошиба. Но продолжу.

Зафиксировав это уже общее место, пишет далее раввин Штейнзальц: «Основатели Израиля мечтали создать здесь новый тип человека... Этот человек, унаследовав духовное величие прошлого, должен был приобрести черты, которых, по мнению евреев, ему прежде всего не хватало, – физическую силу, прямоту, умение сражаться и сражаться хорошо, способность жить оседлой жизнью в своей стране... И они преуспели. По правде говоря, даже чересчур преуспели... Появилось поколение, у которого есть масса превосходных качеств. Но до чего же оно странное! Черты, которые считались типично еврейскими, – гибкость ума, утонченность, обширные знания, самокритичность – качества, которые были частью нашей сути, исчезли».

Я разрывал пространный текст, чтоб обнажилась ярче горькая, пронзительная мысль статьи: израильский еврей – нечто иное, нежели тот образ, что сложился в нас за годы жизни в России. Удивительно емко и лаконично обо всем этом сказала дочь одной моей знакомой. Дочь сюда приехала пятнадцати лет, закончила тут школу, вольно и свободно чирикала и писала на иврите, полностью влилась в местную жизнь. И вдруг через шесть лет решительно собралась возвращаться в Питер. И на все разумные резоны матери отвечала полным с ней согласием.

– Но в чем же тогда дело? – обескураженно спросила мать.

И дочь, слегка подумав, ей ответила:

– Но, мама, где же я себе найду здесь князя Мышкина?

На мой взгляд, это сказано так точно, что любые комментарии только опошлили бы веский довод.

Из-за этого нам часто трудно здесь и часто ощутимо чужеродно. Даже несмотря на чувство дома, замечательно интимное чувство. Столь же мной владеющее до сих пор, когда я попадаю в Россию. Мне крепко повезло: душа моя, не разрываясь, ощущает родиной обе страны. Правда, российские квасные патриоты утверждают с давних пор, что евреи продали Россию, но так как я своей доли денег пока не получил, я числю эту родину своей.

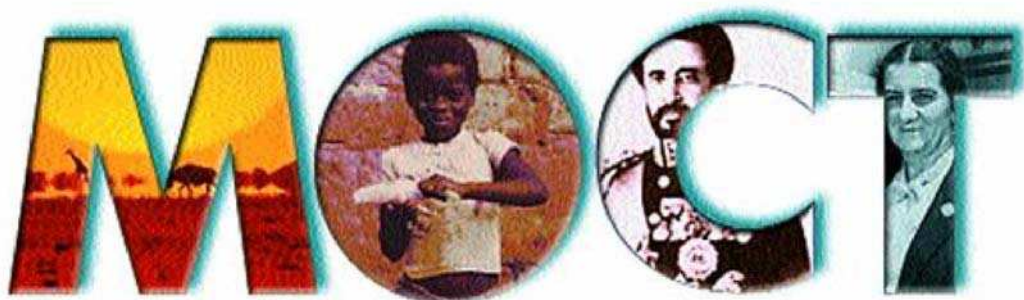
А как изменится в Израиле наш облик дальше – не берусь гадать или предсказывать. Сегодня всюду множество пророков и провидцев – им и карты в руки. Я же лучше приведу слова одного своего знакомого, который держит в Иерусалиме магазин со всякой вкусной пищей, и внутри там на стене висит плакат с отменным текстом:

«Евреи были, евреи есть, евреи будут есть!»

Уже идет к концу эта глава, и вспомнился мне бедный Лев Толстой. Всю силу гения своего отдал он нравственному улучшению – всеобщему и своему в том числе. И в процессе заведомо обреченных стараний этих будто бы (за достоверность не ручаюсь, лень было искать) он записал однажды где-то в дневнике слова печальные и твердые (я прослезился, их услыша, от умиления и сострадания к душе его великой): «Трудно любить еврея, но надо!»

Это, конечно, трогательно очень, только совершенно и категорически излишне. Лично вот меня любить не надо – я не доллар и не юная девица. Имею я огромное количество различных недостатков. Среди которых (не последний) – непомерная гордыня, что принадлежу к незаурядному и ярко одаренному народу.

Поэтому время от времени я закрываю глаза и с наслаждением слушаю безостановочное шуршание плавно текущего по свету всемирного еврейского заговора

МЕЖДУ ТРЕМЯ КОНТИНЕНТАМИ

История отношений между молодым еврейским государством со странами Африки и проблемы сегодняшнего дня

Béiâ Yòèiâ

В 1960 году известный американский общественный деятель Мартин Лютер Кинг, осуждая антиизраильскую, антисионистскую кампанию, развязанную в арабских странах, писал: «Ты заявляешь, мой друг, что ты ненавидишь не евреев, но сионизм. Но я скажу, и пусть правда прогремит с горных вершин: когда люди критикуют сионизм, они имеют в виду евреев. Сионизм – это не что иное, как путь и мечта еврейского народа о возвращении на свою собственную землю. И что же такое антисионизм? Это отказ предоставить еврею фундаментальное право, за которое борются сейчас народы Африки и которые имеют все народы на земном шаре. Антисионизм – это дискриминация евреев, потому что они – евреи. Короче – это антисемитизм».

Одна из первых задач, которую пришлось решать лидерам Государства Израиль сразу же после его создания – это преодоление политики дипломатической изоляции, которую проводили арабские страны. В этой связи особое внимание вызывал африканский континент, где в то время было всего три независимых государства – Эфиопия, Либерия и Южно-Африканский Союз. Но национально-освободительное движение в колониальных владениях западноевропейских держав уже нарастало. База для отношений между Израилем и африканскими народами существовала объективно. Евреев и африканцев сближали столетия угнетения, рабства, расовой дискриминации.

Основатель политического сионизма Теодор Герцль на титульном листе опубликованной в 1902 году своей книги «Старо-новая страна» написал: «Если вы захотите – это не будет сказкой». И не удивительно, что эти слова стали лозунгом сионистского движения. Он писал: «Есть один вопрос, возникший из национальных страданий и до сих пор неразрешенный, трагизм которого могут себе представить только евреи. Вспомните о страшных периодах работорговли, о людях, которых продавали, как скот, захватывали, заточали, продавали только потому, что они были черными... Я не побоюсь сказать, что когда я увидел начало освобождения моего народа – евреев, – я хотел бы увидеть и освобождение африканцев». И израильское руководство с первых дней существования еврейского государства

протянуло руку дружбы и помощи африканскому национально-освободительному движению.

Лев Иудейский, так называл себя Хайле Селассие I, можно сказать, был символом Эфиопии.

Голда Меир, с именем которой связано формирование израильской политики в Африке, напоминала в автобиографической книге «Моя жизнь», что мир состоит не только из европейцев и азиатов. «Существует Африка, — писала она, — страны которой вот-вот должны получить независимость, и молодым государствам Черной Африки Израиль мог и хотел дать очень многое. Как они, мы сбросили иностранное владычество, как им, нам пришлось поднимать непригодные для сельскохозяйственного производства земли, увеличивать урожайность, проводить мелиорацию, развивать производство, жить вместе и обороняться. Нам, как и им, не поднесли независимость на серебряном блюде, она была завоевана годами борьбы, и нам пришлось — иногда на собственных ошибках — узнать, как дорого обходится право на самоопределение. В мире, четко разделенном на имущих и неимущих, опыт Израиля казался единственным в своем роде, потому что мы были вынуждены решать такие проблемы, какие никогда не стояли перед большими, богатыми, мощными государствами... Мы не были запятнаны, как колониалисты-эксплуататоры, ибо единственное, чего мы хотели от Африки, была дружба... Главной причиной нашего африканского “предприятия” было то, что мы чувствовали — у нас есть что передать странам, которые еще моложе и неопытнее, чем мы... Мы пришли в Африку учить, и то, чему мы учили, было воспринято».

Многие видные сионистские деятели, оказавшиеся во главе Израиля, — не только Голда Меир, но и Давид Бен-Гурион, Моше Шарет и другие, принимали активное участие в установлении связей с африканскими деятелями, позднее ставшими государственными лидерами освободившихся африканских стран. Это были Кваме Нкрума, Джомо Кениата, Кеннет Каунда и другие.

Необходимо подчеркнуть, что в сионистских кругах еще в начале XX века с большим интересом следили за стремлениями значительной части афро-американцев возвратиться на их историческую родину в Африке. Именно такие цели преследовало так называемое гарвеистское движение, добивавшееся создания в Африке обширного «черного государства». Организатором этого движения был Маркус Гарвей, выходец с Ямайки, обосновавшийся в 1916 году в США, где он развернул политическую активность, чтобы объединить усилия выходцев из Африки во имя возвращения на родину предков. Естественно, люди жаждали избавиться от расовой дискриминации. Отражая эти их

стремления, он выдвинул лозунг: «Назад в Африку» и сплотил не только многих афроамериканцев, но также потомков негров в ряде стран Центральной и Южной Америки. С этой целью Гарвей создал специальную организацию – «Всеобщую ассоциацию борьбы за улучшение положения негров», особое внимание которой уделялось развитию национального самосознания людей. Были основаны университеты, академии и школы, в которых выходцы из Африки изучали свою историю, включая этапы закабаления ее европейскими колонизаторами. По некоторым оценкам число сторонников Гарвея превышало 5 миллионов человек. В 1920 году для реализации планов создания в Африке негритянского государства был основан политический центр «Утопия негра», а Гарвей стал его временным президентом.

Что далее предпринимает Гарвей? Он формирует африканский легион и начинает подготовку офицерских кадров. Чтобы переезд в Африку еще более стал реальностью, создается пароходная компания «Блэк стар лайн». Но идея возвращения в Африку нуждалась и в пропаганде: она должна была завладеть умами и сердцами всех, кто этого желал, но весьма мало верил в успех. Так, Гарвей стал издавать газету «Нигроу уорлд» («Негритянский мир»), которая, кроме английского, выходила также на французском и испанском языках.

В середине 90-х годов, находясь в США, я имел возможность в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне ознакомиться с подшивками этой газеты за несколько лет. Невозможно было не обратить внимания, что на ее страницах неоднократно появлялись статьи о сионистском движении — проводились параллели между стремлением афроамериканцев вернуться в Африку и борьбой сионистского движения за создание еврейского национального очага в Палестине.

Безусловно, активность гарвейистов вызывала самое серьезное беспокойство в столицах колониальных держав, опасавшихся, что это может в конечном итоге привести к волнениям в их африканских владениях.

Не склонно было поддержать Гарвея и правительство единственной независимой в тот период африканской республики Либерия, хотя само это государство, как известно, было образовано тоже выходцами из США. В 1822 году американское колонизационное общество купило у местных вождей мыс Месурадо и поселило на приобретенной земле освобожденных некоторыми рабовладельцами рабов. Первое поселение было названо Монровией – по имени президента США Джеймса Монро. Позже, по мере создания новых поселений, территория стала называться Либерией. И вот, 26 июля 1847 года Либерия была провозглашена независимой республикой.

Между правительством Либерии и Гарвеем в течение длительного времени велись переговоры. Он определенно рассчитывал, что эта страна станет своего рода плацдармом для деятельности гарвейистов в Африке и базой для создания там большого государства.

Однако трудности, с которыми столкнулся Гарвей, усугублялись не только финансовыми проблемами. Сопrotивление колониальных держав, позиция Либерии, правительство которой опасалось вступать в конфликт с ними по этому вопросу, умело развернутая против гарвейистов пропагандистская кампания, – все это, в конечном счете, привело к неудаче его дела. Однако деятельность Гарвея и его сторонников не прошла даром: она оказала немалое влияние на формирование мировоззрения первого поколения борцов против колониализма в Африке.

Теперь обратимся к зарубежной еврейской прессе 20-х годов XX века, где был опубликован ряд статей о гарвеизме. Авторы отмечали сходство проблем евреев и афроамериканцев. Так, одна из выходивших в Германии сионистских газет писала: «Может быть, стоит присмотреться к деятельности Маркуса Гарвея. Его опыт может пригодиться для решения основной задачи сионистского движения».

Руководители сионистских организаций в годы, предшествовавшие второй мировой войне, внимательно следили за событиями в Африке. В 30-х годах еврейские лидеры находившейся под британским мандатом Палестины решительно осуждали агрессию фашистской Италии против Эфиопии. Но захват итальянскими войсками столицы Эфиопии Аддис-Абебы произошел, и император Хайле Селассие I вынужден был бежать из страны. Не лишне отметить, что в течение года вместе со своей семьей он находился в Иерусалиме, окруженный вниманием и заботой местных евреев. В Палестине к нему относились с особой симпатией еще и потому, что согласно легенде эфиопские цари ведут свое происхождение от сына царя Соломона и царицы Савской и соответственно приходятся евреям дальними родственниками.

Лев Иудейский, так называл себя Хайле Селассие I, можно сказать, был символом Эфиопии. Кроме того, в Эфиопии на протяжении двух тысячелетий проживали около 50 тысяч «черных евреев» – фаллашей, покинувших Палестину после вторжения римлян. В 1994 году, будучи в Израиле, я познакомился в Иерусалиме с пожилым израильтянином, который рассказывал, что он жил по соседству с резиденцией Хайле Селассие и часто видел этого темнокожего бородатого человека прогуливавшимся по улице в сопровождении жены-императрицы...

В годы второй мировой войны многие евреи Франции и находившиеся там африканцы приняли активное участие в движении Сопротивления нацистским оккупантам. Одним из них был будущий президент африканской республики Сенегал, выдающийся поэт Леопольд Седар Сенгор. (Интересно, что в послевоенные годы его связывали дружеские отношения со знаменитым еврейским художником Марком Шагалом, который иллюстрировал одно из лучших стихотворных произведений Сенгора «Песни дождливого сезона».)

Работая в свое время в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, я регулярно просматривал иностранную прессу. И вот однажды мне на глаза попало интервью Леопольда Сенгора, опубликованное 4 мая 1971 года в журнале «Жён Африк». Президент Сенегала рассказывал такую историю: «Единственный раз, когда я действительно рисковал жизнью, – это было во время оккупации Франции, и я делал это ради одной женщины – моего друга. Она была еврейкой...» Африканец, спасающий еврейку, – это ли не пример высокой человеческой солидарности в борьбе с нацизмом и расизмом?! Прочитав это интервью, я через сенегальское посольство в Москве написал письмо Леопольду Сенгору, прося его более подробно рассказать об этом эпизоде. Вскоре мне позвонили из посольства и сообщили следующее: от президента Сенегала получено письмо, в котором он сообщал, что спасенная с его помощью женщина была родом из России. Это парижская учительница Елена Лурье, с которой он был давно хорошо знаком. Нацисты собирались отправить ее с большой группой французских евреев в лагерь смерти в Германию. Сенгору удалось подкупить одного из сотрудников французской жандармерии, который и помог вытащить Елену Лурье из уже готового к отправке в Освенцим железнодорожного эшелона. Вплоть до ее смерти в 1969 году Леопольд Сенгор поддерживал с ней тесную связь, переписывался. Получив такой ответ, я отправил ему благодарственное письмо, на

которое, в свою очередь, получил от него еще одно. Сенгор писал, что спасение Елены Лурье было «его долгом как человека» и он «гордится этим».

Надо ли говорить, что победа Израиля в войне за независимость в 1948 – 1949 годах произвела большое впечатление на многих лидеров африканского национально-освободительного движения, начинавших в то время борьбу за освобождение от колониального гнета. Французская «Монд» писала в сентябре 1960 года, что «если Израиль, только что родившееся государство, смогло выстоять и защитить свою свободу и независимость от арабских стран, то, безусловно, его опыт вдохновил африканских националистов в их усилиях создать на месте бывших колоний свои собственные независимые государства».

Активность Израиля на Африканском континенте стала заметной уже в начале 50-х годов. В ту пору предстояло провозглашение независимости английской колонии Золотой Берег (нынешняя Гана). И в конце 1956 года, будучи еще колонией, эта страна установила первые, пока еще неофициальные отношения с Израилем.

Голда Меир писала, что людям в Африке присуще быть радостными и сердечными.

«И в Африке я всегда чувствовала себя дома», – писала она.

6 марта 1957 года – Кваме Нкрума провозглашает независимость.

В самом начале 1957 года генеральный секретарь профсоюзов Золотого Берега Джон Теттега посетил Израиль. Во время переговоров с руководством израильского профсоюзного объединения – Гистадрута была достигнута договоренность, что израильские профсоюзные активисты помогут Теттеге перестроить работу местных профсоюзов с учетом опыта еврейского государства.

5 марта 1957 года Гана стала первой страной на Черном континенте, добившейся независимости. На празднование по этому случаю в столицу Ганы Аккру прибыла представительная израильская делегация во главе с министром промышленности и торговли Пинхасом Сапиром. В ходе переговоров с премьер-министром Ганы Кваме

Нкрума была достигнута договоренность об установлении официальных отношений между двумя государствами. Квали Нкрума обратился к израильской делегации с просьбой оказать широкую помощь молодому государству. И уже вскоре в Гану были направлены крупные специалисты в области экономики, профсоюзного движения, а также военные. Появилось несколько совместных компаний с участием израильских фирм, открылась совместная израильско-ганская морская линия «Блэк Стар Шиппинг лайн», была образована компания по строительству зданий общественного назначения и использованию водных ресурсов.

Накануне празднования первой годовщины независимости Ганы израильский посол в Гане Эхуд Авриэль предложил Голде Меир, тогда министру иностранных дел Израиля, посетить Гану, а также Либерию, Сенегал, Берег Слоновой Кости и Нигерию. Последние три страны в тот период еще не были независимыми государствами. Голда Меир согласилась и в сопровождении израильского посла во Франции Якова Цура совершила длительную поездку по Африке. Это была важная веха в развитии связей между Израилем и Африкой.

Премьер-министр Ганы Кваме Нкрума.

Вот что писала об этой поездке Голда Меир: «Я была гостьей президента Уильяма Табмена. Социальная и экономическая элита Либерии жила в невероятной, почти фантастической роскоши; остальное население – в скромной нищете. Но я ехала в Африку не за тем, чтобы проповедовать, вмешиваться во внутренние дела этой страны или обращать в свою веру. Я приехала, чтобы встретиться с африканцами. Я знала, что президент Табмен – преданный друг евреев, и потому еще, что помнила, что за весь долгий период его сложных отношений с США к нему дружески отнесся конгрессмен – еврей, прекрасный человек Эммануэл Селлер, пожалуй, единственный из всех знакомых Табмена в Вашингтоне, понявший одиночество этого африканского лидера, хотя считаться с чувствами черного лидера в те времена не было ни модно, ни необходимо».

Голда Меир отмечала, что «Либерия была первым черным государством на земном шаре; импульс, определивший его появление, был сродни импульсу, определившему рождение Израиля; любовь Табмена к Израилю была очевидна; убеждение, что у наших стран много общего – тоже; я не могла не отвечать на такие чувства. Но по-настоящему меня заинтересовала и очаровала... Африка, которую я там увидела».

В Либерии Голда Меир была посвящена в верховные вожди племени гала. «Признаться, когда я стояла под палящим солнцем, а вокруг плясали и пели все мужчины

племени, я не могла поверить, – неужели это мне, Голде Меир из Пинска, Милуоки, из Тель-Авива, оказывают такие высокие почести?»

По окончании танца двести женщин этого племени отвели Голду Меир в крошечную соломенную хижину, где облачили в яркие одежды верховного вождя и произвели над ней обряд тайного посвящения. Тогда она пережила, пожалуй, одно из самых красочных и непосредственных впечатлений своей жизни. Ее поражали и радовали яркость, естественность и искренность церемонии. Вероятно, памятуя именно те часы, Голда Меир писала, что людям в Африке присуще быть радостными и сердечными. «И в Африке я всегда чувствовала себя дома», – писала она.

Затем была Гана и встреча с премьер-министром Кваме Нкрума. За год с момента провозглашения независимости этой страны уже были реализованы десятки программ в области образования, и между обоими государствами сложились дружественные отношения.

Голда Меир с министром труда и индустрии Ганы.

Поездка в Гану оказалась чрезвычайно важной для всей последующей политики Израиля в Африке. Дело в том, что по случаю празднования годовщины независимости, в Гане состоялась первая конференция народов Африки, в которой участвовали представители 62 организаций национально-освободительного движения различных стран континента.

Большое значение имела встреча Голды Меир с Джорджем Пэдмором, крупнейшим идеологом панафриканизма, ставившим своей целью создание единого государства в Африке. Пэдмор был автором плана развития Африки при финансовой поддержке негритянской общины США, как он выражался, «по образу и подобию Еврейского Призыва». В беседе с израильским министром он проявил чрезвычайный интерес к истории создания еврейского государства, его функционированию, методам абсорбции евреев из разных стран, их взаимосвязям и сотрудничеству в Израиле. Тогда Пэдмор порекомендовал Голде Меир встретиться с африканскими лидерами, собравшимися в Гане. Во время этой встречи ей было задано множество вопросов о самых различных аспектах внутренней и внешней политики еврейского государства. Особый интерес африканские политики проявили к деятельности киббуцев, Гистадрута, к израильской армии. Столь плодотворный диалог заложил основы израильской программы международного сотрудничества с африканскими странами на долгие годы.

Первым израильянином, занявшимся изучением форм этого сотрудничества, был ближайший сотрудник Голды Меир Реувен Баркатт. Будучи главой политического отдела Гистадрута, он привез в Израиль группу африканцев: пусть они своими глазами увидят, как там решаются многие социально-экономические проблемы.

Нельзя сказать, чтобы зарубежная печать была единогласна в своих оценках, и все же по большей части она вынуждена была констатировать: Голда Меир «завоевала уважение и дружбу многих африканских лидеров». В израильско-африканских отношениях произошел подлинный прорыв.

В 1963 году Голда Меир посетила Камерун, Того, Гамбию, Сьерра-Леоне и Гвинею, а спустя четыре года – Кению, Таньганику, Уганду и Мадагаскар. Разумеется, и другие известные политики посетили африканские страны, но как писала в октябре 1964 года лондонская «Таймс», «не подлежит сомнению, что именно г-жа Меир “открыла” Африку для Израиля».

В это время Гистадрут создает в Израиле Афро-азиатский институт, который становится не только центром по изучению проблем развивающихся стран, но и приступает к подготовке из числа жителей этих стран специалистов в самых различных отраслях экономики, образования, культуры. Одновременно Израиль активно включается в работу многочисленных специализированных агентств ООН, которые занимаются оказанием помощи странам Африки, Азии и Латинской Америки.

Летом 1960 года в Реховоте под руководством Аббы Эбана, до этого уже несколько лет являвшегося послом Израиля в США и постоянным представителем при ООН, в помещении Института Вейцмана состоялась первая Международная конференция о роли науки в странах Африки и Азии. Половина участников конференции состояла из представителей развивающихся стран, другая половина – из ведущих европейских и американских ученых. Цели конференции были весьма конкретны – навести мосты между развитыми государствами и другими странами, выявив наиболее эффективные способы использования на местах достижений современной науки и техники. Эта конференция в Реховоте положила начало традиции проведения подобных встреч каждые два года.

Президент африканской республики Сенегал Леопольд Седар Сенгор.

Другим не менее крупным израильским проектом стало создание Международного центра подготовки женщин-работников коммунальных служб, где женщины из развивающихся стран проходили соответствующую подготовку. Уже в течение нескольких десятилетий и по сей день сотни представительниц стран Африки, Азии и Латинской Америки в этом единственном в мире такого рода центре учатся играть активную общественную роль в своих странах, – будь то руководительница из Мали, учительница из Лесото, медсестра из Малави, работница социального обеспечения из Кении... Для всех них Израиль стал своего рода лабораторией. Как замечательно выразила свои впечатления одна студентка из Кении Голде Меир, «если бы я поехала учиться в США, то выучила бы историю развития, а в Израиле я вижу, как это развитие происходит».

Со временем тысячи израильских инженеров, техников, врачей, агрономов, профсоюзных функционеров и организаторов молодежного движения стали оказывать помощь странам Африки. В 1970 году Израиль имел соглашения об оказании экономической и технической помощи более чем с 20 африканскими странами. Особый интерес в Африке по-прежнему вызывали киббуцы, в которых африканцы видели надежный путь развития сельского хозяйства.

Естественно, мощный процесс израильско-африканского взаимодействия отражался в печати. С огромным интересом и пониманием израильская пресса писала о сложных, унаследованных от колониального прошлого проблемах стран Африки. Неизменно подчеркивалось, что евреям лучше, чем каким бы то ни было другим народам, известно, что такое расизм и национальное угнетение, и поэтому всеми имеющимися у них средствами они намерены способствовать преодолению социально-экономической отсталости стран Африки.

За этническими конфликтами в Тропической Африке в Израиле следили с беспокойством. Когда к концу 60-х годов Восточная область Нигерии, населенная главным образом народностью ибо (христиане), поднялась на освободительную борьбу против поддерживаемого арабскими странами, а также СССР мусульманского Севера, израильская пресса горячо откликнулась, ратуя за свободу, провозглашенной в Восточной области Республики Биафры. У Израиля были особые основания симпатизировать этой борьбе ибо: за свое свободолюбие, исключительную работоспособность, деловую хватку эта народность получила в Нигерии, да и во всей Африке, прозвище «африканские евреи». Как и евреи, народность ибо давно стремилась создать собственное государство.

Опыт создания Израиля в конце 1948 года определенно сказался при образовании «Союза государства ибо». Началась подготовка к борьбе за национальное самоопределение. Вскоре после военного переворота в Нигерии в июле 1966 года 30 мая 1967 года Консультативная ассамблея Восточной области провозгласила создание независимого государства Республики Биафра. Ответ центрального правительства Нигерии не был ни гуманистичен, ни просто лоялен: на подавление ибо были брошены войска. Началась гражданская война. Кровавые репрессии на этнической почве вызвали глубокое беспокойство во всем мире. Осуществлялись они в значительной мере советским оружием. В результате за три года погибли свыше 2 миллионов человек. В период военных действий Израиль оказывал помощь лекарствами и продовольствием бедствующему населению. Гражданская война закончилась поражением ибо, Республика Биафра была ликвидирована.

В западной печати мелькали сообщения, что в армии Биафры находились израильские военные советники. Кстати, к началу 70-х годов Израиль имел своих советников в армиях почти 40 стран Африки, Азии и Латинской Америки и поставлял оружие более 20 из них.

Развитие политических и экономических связей с Израилем было поддержано многими лидерами движения афро-американцев за гражданские права. Израиль был для них примером борьбы за свое существование, примером отстаивания нацией своего места в сообществе народов.

И в этом контексте слова Мартина Лютера Кинга, сказанные в 1960 году в осуждение антиизраильской, антиссионистской кампании, развязанной в арабских странах, звучат как нельзя более актуально в наши дни. Под флагом борьбы с сионизмом ведется неистовая антисемитская пропаганда в разных странах, в том числе, к сожалению, и в России, где антисемитские заявления можно услышать в Государственной Думе и прочитать на страницах некоторых российских газет и журналов.

Арабские лидеры были очень встревожены развитием израильско-африканского сотрудничества и всеми силами пытались его подорвать. Американский исследователь Б. Эллис в своей книге «Дилемма Израиля» (1971) писал, что в Аддис-Абебе в 1963 году африканские лидеры предупредили Насера: он не должен настаивать на принятии антиизраильской резолюции на учредительной конференции Организации африканского единства. Они заявили: «Мы в дружественных отношениях с Израилем, вы – нет. Это ваше дело, однако не выносите этот вопрос на обсуждение – вы расколете Африку».

Многие руководители африканских государств активно добивались отказа арабских лидеров от их непримиримой позиции в отношении Израиля. Президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор заявил: «По отношению к Израилю наша политика ясна. Мы сожалеем о конфликте между Израилем и арабами. Я лично считаю, что между евреями, арабами и африканцами существуют глубокие связи. Ведь эти народы составляют триаду страдающих рас. Как видите, я верю в негро-семитскую диалектику... Я выступаю за мирное сосуществование между евреями и арабами. Но в то же время я поддерживаю дипломатические отношения с израильским государством против желания арабов».

Несмотря на все происки арабских лидеров в конце 60-х годов Израилю удалось прорвать дипломатическую блокаду, которую упорно создавали против него арабские и ряд других мусульманских государств. Из 78 стран, с которыми у Израиля в 1970 году были дипломатические отношения, 31 государство являлось африканским. Если в 1958 году экспорт африканских стран в Израиль составлял 8,3 миллиона долларов, то в 1969

году он достиг уже 37,2 миллионов. За это же время экспорт Израиля в Африку возрос с 2,7 миллионов долларов до 34,2 миллионов. За один только 1970 год объем торговли с африканскими странами увеличился на 20% по сравнению с 1969-м. Израильские фирмы активно действовали в 29 странах Африки.

К этому времени значительно увеличилось и число африканцев, прошедших подготовку в Израиле. Из более чем 13 тысяч стажеров из 90 стран, учившихся в еврейском государстве в период с 1958 по 1988 год, 6272 человека (почти половина) были африканцы.

Израильская дипломатия стремилась препятствовать созданию против своего государства единого фронта арабских и африканских государств. Во многих случаях Тель-Авиву удалось вбить клин в отношения между арабскими странами и Черной Африкой. Израильские дипломаты очень тонко напоминали африканским руководителям, что арабы на протяжении столетий жестоко эксплуатировали африканцев, принимали активное участие в работоторговле.

Большинство стран Африки не поддержали предложенного арабами проекта резолюции на Пятой чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в котором содержалось требование вывода израильских войск с «оккупированных ими территорий». Большая часть Африки не откликнулась и на предложение мусульманского Сомали от 19 июля 1967 года, предложившего созвать специальную сессию Организации африканского единства для обсуждения положения, сложившегося после Шестидневной войны, когда израильские войска наголову разгромили армии арабских государств, поддержанных Советским Союзом.

Роль Израиля в защите дела свободы и демократии на Ближнем Востоке высоко оценивалась на Западе. Еще в 1951 году в одном документе американского конгресса подчеркивалось: «Израиль занимает выгодное географическое положение. Он служит мостом между тремя континентами, примыкает к районам, богатым нефтью. Роль Израиля в качестве центра коммуникаций, базы снабжения и производственного арсенала должна быть принята теми, кто озадачен защитой свободы».

В начале 70-х годов под давлением арабских государств многие африканские страны стали менять свою позицию и часто оказывали поддержку требованиям о выводе израильских войск с территорий, оказавшихся под контролем Израиля в результате войны 1967 года. Зависимость многих африканских стран от финансовой помощи нефтедобывающих арабских государств, совместное участие арабских стран Северной Африки и нескольких преимущественно мусульманских государств Тропической Африки в Организации Африканского единства, политические и экономические связи Израиля с Южно-Африканским союзом, где существует влиятельная и значительная еврейская община, насчитывающая около 150 тысяч человек, – все это не могло не сказаться на позиции большинства стран Африки во время войны Судного дня в 1973 году, когда многие из них разорвали дипломатические отношения с Израилем.

Таким образом, отношения между еврейским государством и многими странами Африки развивались скачкообразно. За периодами тесного экономического и политического сотрудничества следовали времена охлаждения или, в ряде случаев, даже его свертывания.

Говоря о сегодняшнем дне, нельзя не сказать о той позиции, которую занимали многие африканские страны на состоявшейся в начале сентября 2001 в Дурбане (ЮАР)

международной конференции ООН против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости. Собравшись вместе, эти страны намерены были потребовать от США компенсации и извинений за то, что на протяжении нескольких веков из Африки в США вывозились миллионы африканцев для использования их в качестве рабов. Причем присутствовавшие на конференции представители арабских государств заявили о поддержке этого требования, имея в виду, что страны Африки со своей стороны поддержат их позиции в отношении палестино-израильского конфликта.

Арабские государства, прежде всего Сирия, собирались внести проект резолюции, в которой сионизм вновь приравнивался к расизму, и это несмотря на то что 16 декабря 1991 года ООН отменила собственную резолюцию от 10 ноября 1975 года, утверждающую, что сионизм является формой расизма.

Но из затеи арабских стран в Дурбане ничего не вышло. США и, разумеется, Израиль в знак протеста покинули конференцию.

Страны Европейского Союза, хотя и остались на конференции, но категорически заявили, что ни под каким видом не подпишут декларацию, в которой действия израильской армии против палестинских террористов определяются как «расизм». Премьер-министр Франции Лионель Жоспен, в частности заявил: «Если сравнение расизма с сионизмом останется, участие Франции и других европейских делегатов в дурбанском форуме будет поставлено под вопрос. Мы покинем конференцию».

В конечном счете был принят компромиссный вариант декларации: с одной стороны, в нем говорилось о «трагическом положении палестинского народа, находящегося под иностранной оккупацией», с другой – подчеркивалось, что «нельзя забывать Катастрофу европейского еврейства в годы второй мировой войны».

Были изъяты из декларации и упоминания об Израиле как о «расистском государстве». И это дало основания министру иностранных дел Израиля Шимону Пересу заявить, что принятый документ – «значительное достижение внешней политики Израиля».

Будущее покажет, как будут развиваться отношения между Израилем и африканскими странами. В любом случае, дружественная позиция еврейского государства в отношении Африки остается неизменной.

МОЯ ЕВРЕЙСКАЯ ЖЕСТОКОВЫЙНОСТЬ

Ááí ääèèò Nàdí îá

Один мой приятель, человек редкой доброкачественности, да к тому же еще и искренне ко мне расположенный, прочитав мою книжку про Мандельштама, сказал, что книга эта – очень еврейская. Никакого отрицательного смысла он в это определение не вкладывал. Просто констатировал факт.

Это было для меня совершеннейшей неожиданностью. Тщетно я расспрашивал его, пытаюсь доискаться: почему еврейская? В чем выразилась – проявилась – ее «еврейскость»? Толком ответить на эти мои вопросы он не мог. Но продолжал твердить свое: еврейская – и все тут.

Мне тогда припомнился вычитанный из чьих-то мемуаров (кажется, Наталии Крандиевской) рассказ про спор А.Н. Толстого с М.О. Гершензоном. Дело было в июле 1917 года. Гершензон доказывал, что спасти гибнущую Россию могут только большевики, потому что они за немедленный сепаратный мир. Страна устала, воевать больше не может, на фронтах идет братанье, надо немедленно замиряться с немцами: другого выхода нет.

Михаил Осипович Гершензон.

Алексей Николаевич не соглашался: он был за войну до победного конца.

Спорили долго, но так ни к чему и не пришли. Каждый остался при своем.

Гершензон ушел, а Алексей Николаевич долго еще не мог успокоиться, мрачно ходил взад и вперед по своему кабинету, что-то бормотал себе под нос, – мысленно деспоривал. Наконец остановился посреди комнаты, помотал головой и громко сказал:

– Нет!.. Не может быть, чтобы он был прав.

И как бы окончательно утверждаясь в этом своем мнении, заключил:

– Нерусский человек. Что ему Россия!

Не знаю, как там обстояло дело с Гершензоном. Не берусь судить. Может быть, его позиция в том долгом споре и в самом деле определялась его нерусским происхождением.

Но в себе я был уверен.

Про себя я точно знал, что мое отношение к России с моим еврейским происхождением никак не связано. Я не сомневался, что не родился я евреем, был бы на все сто процентов русским, – все мои мысли и чувства остались бы точь-в-точь такими же, как сейчас. И точно такими же, как сейчас, были бы и мои взаимоотношения с моей матерью-мачехой – Россией. Ведь эти наши взаимоотношения были осложнены совсем не тем, что я был чужд ей по крови. Ведь такими же непростыми были отношения с «матушкой» и у многих кровных ее детей: у Чаадаева, у Салтыкова-Щедрина, у другого Алексея Толстого – не Николаевича, а Константиновича.

Я вспомнил, как сгрубил однажды Лидии Корнеевне Чуковской.

Разговор зашел о только что дошедшем до нас первом номере эмигрантского журнала «Континент». Там была напечатана статья Андрея Синявского «Литературный процесс в России». Большое место в ней занимала тема еврейской эмиграции.

Алексей Николаевич Толстой. Вот таким он был в 1917 году, когда вел свой спор с Гершензоном.

«Нынешний еврейский “исход” из России, – писал Андрей, – во многом совпадает с тем, как уходят из России рукописи. Да и вообще – всякий русский писатель (русского происхождения), не желающий в настоящее время писать по указке, – это еврей».

Это, положим, была метафора.

Но был там, в той статье, пассаж, уже не метафорически, а впрямую касающийся темы еврейского «исхода», еврейского бегства из России:

«... Это не просто переселение народа на свою историческую родину, а прежде всего и главным образом – бегство из России. Значит, пришлось солоно. Значит – допекли. Кое-кто сходит с ума, вырвавшись на волю. Кто-то бедствует, ищет к чему бы русскому прислониться в этом раздольном, безвоздушном, чужеземном море. Но всё бегут, бегут. Россия-Мать, Россия-Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором – дитя!..»

Эта «Россия-Сука» возмутила Лидию Корнеевну до глубины души.

– Как он смел! – негодовала она. – Да как язык у него повернулся!

– А вот так и повернулся, – сказал я. – Подумаешь! Не он первый, не он последний. Посмел же Блок в предсмертном своем письме, адресованном, кстати, вашему папе, назвать Россию проклятой чушкой, которая сожрала-таки его, своего поросенка.

– Так то Блок! – возражала Л.К. – И ведь он был уже не в себе, он умирал. И это в частном письме, а не громко, на весь белый свет.

Мы долго спорили, и в конце концов я не выдержал.

– Я думаю, Лидия Корнеевна, – с нажимом сказал я, – что Андрей Донатович, – я нарочно выделил, подчеркнул голосом имя и отчество опального литератора, – что Андрей Донатович Синявский как-нибудь разберется со своей матерью-Россией.

Не знаю, поняла ли Лидия Корнеевна мой намек. А намек заключался в том, что Андрей Донатович – коренной русак. Не то что она, Лидия Корнеевна, у которой и мама еврейка, да и отец тоже... (Дед Лидии Корнеевны, отец Корнея Ивановича, которого тот в своей автобиографии называет «петербургским студентом», был евреем. Это у них в семье не то чтобы скрывалось, но – не афишировалось. Но мне эта их маленькая семейная тайна была известна).

Намекал же я на еврейское происхождение Лидии Корнеевны не для того, чтобы «поставить ее на место», дать ей понять: кто, мол, она такая, чтобы осуждать за недостаток патриотизма коренного русака – Андрея Донатовича Синявского.

Суть этого моего намека была в другом. Я полагал – и, думаю, не без некоторых к тому оснований, – что этот гипертрофированный патриотизм Лидии Корнеевны, это ее трепетное отношение к России, как к святыне, – что все это было не чем иным, как проявлением вот этих самых еврейских комплексов. А у коренного русака Андрея Донатовича Синявского не было и не могло быть никаких таких комплексов. Он от своей матушки-родины все равно никуда не денется, у него с ней – другие, более короткие отношения, поэтому он может себе позволить даже и сукой ее назвать: ему нет нужды прикидываться большим патриотом, чем он есть.

Самым смешным в этой нашей перепалке было то, что, защищая право Синявского называть Россию сукой, я – вполне искренно – имел при этом в виду и себя тоже. Я говорил с Лидией Корнеевной как бы от имени нас обоих, словно мы оба – и я, и Андрей, – были (в отличие от нее, страдающей еврейскими комплексами) кровными детьми этой самой «суки».

И я не притворялся, не играл роль. Этих самых еврейских комплексов я и в самом деле был лишен начисто.

Может быть, от этих комплексов меня охранило мое прошлое – мое «гайдаровское» гражданство. Но даже если это было и так (а скорее всего именно так оно и было), подпитывало, подкрепляло это мое жизнеощущение, постоянно утверждало меня в нем еще и что-то другое.

Эта моя реакция на слова Лидии Корнеевны проистекала из того же чувства, из которого родилась любимая мною эпиграмма Николая Щербины, адресованная им «Бергу и другим немцам-славянофилам»:

Несли мы, Берг, почти что век

Опеку немцев не по силам...

Я слишком русский человек,

Чтоб сделаться славянофилом.

Не в каком-то неведомом мне Берге, и не в немцах, опека которых была им там, в XIX веке «не по силам», было тут дело, а исключительно в этих последних двух строчках.

Они выражали меня. Выражали адекватно. Я сам не мог бы выразиться по этому поводу лучше, точнее, искреннее, чем это сделал – не только за себя, но и за меня тоже – этот «полухохол и полугрек», как злобно обозвали однажды Николая Федоровича его оппоненты из славянофильского лагеря:

Полухохол и полугрек,

Но нежинский, а не милетской,

Скажи: к чему ты в злобе детской

Свой жалкий коротаешь век?

Щербина в долгу не остался. В своем «Ответе грека на эпиграмму русских» постарался как можно больнее наступить обидчикам на любимую мозоль:

Хоть «эллин» я «из Таганрога»,

Но все ж я грек – не сын рабов...

За нами в прошлом славы много,

К нам уважение веков...

У вас – застенки, плети, клетки,

У нас – свобода дел и слов,

И чем древнее ваши предки,

Тем больше съели батогов.

Это его греческое происхождение было весьма сомнительным: его мать была дочерью гречанки, так что, выходит, даже не «полугрек», а всего только «четвертьгрек». Ничего не стоило ему откреститься от этого своего мнимого «полугречества». Но он не только не открешивается, но даже гордится, тщеславится им, черпает в нем свою силу, сознание своего превосходства перед ними. И – вот что самое удивительное! – это не только не противоречит его сознанию, что он, в отличие от всех этих ряженных в кафтаны и мурмолки показных славянофилов, – что именно он-то и есть настоящий русский человек, но даже укрепляет его в этом его самоощущении. И именно поэтому ни немецким, ни русским его злопыхателям, как бы они ни старались, от России его не отлучить.

У Лидии Корнеевны – в Переделкине.

Разбираясь сейчас в тогдашних своих ощущениях, я теперь понимаю, что сознание моей русскости (более подлинной, как мне казалось, более истинной, более уверенной, чем у Лидии Корнеевны) мне давало, как ни странно, именно мое еврейство. (Как Николаю Щербине – его «полугречество».)

Когда приятель, прочитавший мою книжку про Мандельштама, сказал о ней, что книга эта «очень еврейская», я был искренне изумлен. По правде говоря, слегка даже обижен. Но потом я вспомнил, что Шурик Воронель – со своих, отнюдь не русских, а именно еврейских позиций – тоже находил в моих писаниях какие-то, восхищавшие его, еврейские черты. Читая какую-то мою книгу, он то и дело восхищенно крутил головой, одобрительно и даже слегка изумленно хмыкал, следя за тем, как я упорно гну свою линию, не отступаю, не сдаюсь обстоятельствам. Он видел в этом не что иное, как ту самую, знаменитую, еще в Библии отмеченную еврейскую жестоковыйность:

«И сказал Г-сподь Моисею: я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный...» (Исх., 32:9.).

«... не послушались и не преклонили уха своего, но сделались жестоковыйными, чтобы не слушать и не принимать наставления» (Иер., 17:23.).

«... знаю упорство твое и жестоковыйность» (Вт., 31:27.).

Восхищали его, как я понял, отнюдь не индивидуальные черты и свойства моей неповторимой личности, а именно вот то, что даже в таком плохом еврее, как я, начисто позабывшем и не желающем вспоминать о своей принадлежности к «народу Книги», эта еврейская жестоковыйность тоже вдруг проявилась – живет, не умирает и даже подминает под себя другие, благоприобретенные, чужие, нееврейские (славянские?) человеческие качества.

Не могу сказать, чтобы это так уж мне льстило. Не могу даже сказать, что эти свойства моей личности, радовавшие Шурика, так уж нравились мне самому. Ведь именно из этой «жестоковыйности», наверно, проистекает и моя запальчивость, моя нетерпимость. Тоже, наверно, еврейская?

Но что-то от этих разговоров с Шуриком все-таки в меня запало. Какую-то гордыню, связанную с этой еврейской жестоковыйностью, он все-таки мне внушил.

«Эллин из Таганрога» Н.Ф. Щербина и славянофилы.

Карикатура Н. Степанова.

Вспоминаю еще одну мою перепалку все с той же Лидией Корнеевной.

– Русский писатель, – сказала она, – ни при каких обстоятельствах не может, не имеет права покинуть Родину.

Я поинтересовался, в чей огород брошен камень. Выяснилось, что, в общем-то, во всех эмигрантов так называемой третьей волны. В Бродского и Коржавина, Владимирова и Войновича, Васю Аксенова и Володю Максимова, Андрея Синявского и Сашу Галича, Вику Некрасова и Фридриха Горенштейна.

Лидия Корнеевна была дама суровая, легко

впадавшая в крайности. Но тут она, как теперь принято говорить, лишь озвучила мысль верховного главнокомандующего: Александра Исаевича Солженицына.

Я сказал, что, насколько мне известно, ни один из выше названных литераторов не уехал из России добровольно. Каждого выпихивали, выталкивали, выдавливали. Просто формы, да и сила давления были разные, в каждом конкретном случае – свои.

Лидия Корнеевна возразила, что даже если это так, надо было сопротивляться, не поддаваться давлению.

– Ну, – сказал я, – если исходить из того, что можно было не поддаться, тогда да. Тогда и в самом деле можно считать, что они уехали добровольно. Но тогда нам придется признать, что добровольными эмигрантами стали все. Из этого правила не было ни одного исключения.

– Ну, одно исключение все-таки было, – улыбнулась Л.К.

– Это какое же? – поинтересовался я.

– Вы прекрасно знаете, какое, – уже слегка раздражаясь, сказала Л.К. – Об Александре Исаевиче никто не скажет, что он уехал добровольно. Его выдворили.

– То есть как же это – не добровольно? – сказал я. – Он своими ногами вошел в самолет. И своими ногами сошел с трапа самолета. И даже взял от них пальто и ондатровую шапку. А между прочим, был человек, которого пришлось завернуть в ковер. Вот про него действительно можно сказать, что его выдворили.

В ковер пришлось завернуть Троцкого. Кстати, не тогда, когда его навсегда высылали из страны, а раньше, отправляя в Среднюю Азию. Но я уже завелся. В Среднюю Азию или на Принцевы острова – не все ли равно! К черту подробности!

Лидия Корнеевна от такого моего нахальства просто обомлела. И даже не нашла, что ответить. Она, как мне рассказывали, – даже потом, когда я уже покинул поле боя, – все только повторяла: «Ну как он мог такое сказать!»

Такого злого хулиганства она не ждала даже от меня.

Что говорить! Конечно, я далеко перешагнул предел необходимой обороны. Ондатровая шапка – ондатровой шапкой, но Александра Исаевича они-таки действительно выдворили. И Троцкий – чего уж там! – никогда не был героем моего романа.

Но я ясно помню, что когда, уже войдя в штопор, вдруг вспомнил про этот самый ковер, в который пришлось завернуть Троцкого, какой-то холодок восторга пробежал по моему позвоночнику. Это было вдруг странным образом проклюнувшееся

сознание своей причастности к этому великолепному жесту сына жестокого народа, подтвердившего, доказавшего свою жестокость. Не личной, конечно, причастности, а (трудно выговорить) – национальной, что ли? Наверно, национальной – какой же еще!

В другой раз я пережил этот прилив национальной гордыни с еще большей остротой и силой. И, надо сказать, с большим на то основанием.

Это был драматический (можно даже сказать – трагический) финал знаменитой Пражской весны. Так сказать, Пражская осень. Заключительная сцена трагедии, за которой на протяжении нескольких месяцев с напряженным вниманием следил весь мир, происходила в Москве, куда привезли «для переговоров» всех лидеров той самой Весны, пытавшихся построить «социализм с человеческим лицом». (Формула, которая тогда еще не звучала ироническим оксюмороном.)

Привезли их, разумеется, не добром. На главаря (Дубчека), по слухам, пришлось даже надеть наручники.

При всем при том, «переговоры» (еще один оксюмрон), как тогда казалось, были для чехословацкой стороны не вполне безнадежными. Чехословакия была оккупирована, но народ оккупированной республики не сдался, и достичь компромисса (точнее – полной капитуляции лидеров той самой Весны) можно было, лишь заставив их подписать какую-никакую бумажку. Без их подписей ничего сделать было нельзя. Трудно сказать, на что решились бы советские геронтократы (тогда, впрочем, не совсем еще дряхлые), но впечатление было такое, что со своим, так прекрасно задуманным и так блистательно выполненным вторжением они слегка обмарались.

Ситуация была тупиковая.

С грехом пополам можно было еще объявить ревизионистами, предателями, даже врагами народа, незаконно пробравшимися к руководству страной, Дубчека, Цисаржа, Черника, Смрковского – всю эту банду строптивых молокососов. Неодолимым препятствием был законно избранный президент восставшей Республики – Людвиг Свобода: генерал, легендарный герой великой войны, национальный, так сказать, святыня. Любой документ, подписанный высокими договаривающимися сторонами, но не освященный его именем, превратился бы в филькину грамоту.

Уж не знаю, что «наши» там с ними делали, и какой из двух применявшихся обычно в таких случаях способов воздействия (метод убеждения и метод принуждения) в конце концов победил. Возможно, умелое сочетание обоих методов.

Так или иначе, но бумага в конце концов была подписана. Подписали все – и Дубчек, и Цисарж, и Смрковский, и, разумеется, национальный герой – мужественнейший генерал с символической фамилией. Отказался подписать этот акт капитуляции только один член делегации – Кригель.

Без подписи наглеца, конечно, легко обошлись. Но так вот просто проглотить эту неслыханную наглость наши геронты, разумеется, не могли. Когда делегация чехословацких товарищей была уже готова к торжественному отъезду домой, вдруг выяснилось, что Кригеля среди них нет. «Товарищ Кригель, – объяснили им, – немного задержится. Он приедет позже».

К чести капитулянтов надо сказать, что тут они не уступили: дружно заявили, что без Кригеля никуда не поедут. И Товарищ Волк все-таки вынужден был разжать свою пасть, совсем было уже сомкнувшуюся на горле жертвы.

Я даже и сейчас не удержался в границах христианских добродетелей («Не судите, да не судимы будете»), обозвав всех членов делегации, подписавших ту бумагу, капитулянтами. А уж тогда... Я просто заходился от ярости, когда – в своем, разумеется, узком кругу – мы с друзьями (опять, и опять, в тысячный, наверно, уже раз) начинали мусолить этот старый, вечный, проклятый вопрос: имеем ли мы право осуждать того, кто назвался груздем, а потом отказался лезть в кузов. И чем яростнее клеймил я так постыдно обделавшихся лидеров Пражской Весны, тем острее ощущалась мною гордость за единственного не сдавшегося, за моего соплеменника, у которого жестоковыйность была в крови. (Или, выражаясь по-современному, – в генах.)

В запальчивости вырвавшиеся у меня слова про «постыдно обделавшихся» надо бы вычеркнуть, заменив их другими, более мягкими, более лояльными, что ли. Но я не буду этого делать. Ведь сегодня я уже никого не сужу. Просто пытаюсь честно рассказать о том, что тогда чувствовал. А тогда я чувствовал именно так...

Рассказывая о том, что чувствовал тогда, я старался и факты излагать в пределах тогдашнего моего знания и представления о том, как было дело. Но лет двадцать спустя попала мне в руки книга одного из лидеров Пражской весны, участвовавшего в тех «переговорах» – Зденека Млинаржа. (Книга эта называлась «Холодом веет от Кремля» и вышла она в Нью-Йорке.) И из этих мемуаров я наконец узнал, как все это выглядело оттуда, с той стороны, так сказать, изнутри. То есть – что происходило за кулисами этой исторической сцены.

«С чисто человеческой стороны, – говорит Млинарж, – положение членов дубчековского руководства было похоже скорее на положение людей, которых шантажируют гангстеры, чем на положение правительственной делегации на международных переговорах». Шантаж заключался в том, что наши «геронты» очень прямо и определенно дали понять: они не останутся и перед кровопролитием. Поэтому, не сдавая своих позиций, руководители чехословацкой делегации берут на себя ответственность за жизнь своих сограждан. И тут они сдались.

О том, как повел себя при этом строптивец Кригель, Млинарж рассказывает довольно подробно. Но интересен этот его рассказ не столько подробностями (хотя и ими тоже), сколько тем, что поведение Кригеля тут излагает участник драмы, занявший тогда принципиально отличавшуюся от кригелевской, компромиссную (в сущности, капитулянтскую) позицию. И вот как излагает (и оценивает) он ту драматическую коллизию спустя годы:

«Мы еще накануне спрашивали, почему Кригеля нет среди нас. Встречаясь с отдельными членами руководства КПЧ, советская сторона придумывала всяческие отговорки. Она старалась изолировать Кригеля от остальных. Но когда дело дошло до подписания протокола, оттягивать дальше было невозможно. Кригеля привезли в Кремль. Первым с ним говорил в отдельной комнате Смирковский. Потом, после обеда, Кригель присоединился к остальным. Унизительно было его положение, а наше – постыдно. Каковы бы ни были причины и отговорки, но мы обсуждали документ в отсутствие

Кригеля, а потом поставили его перед готовым решением: подписать протокол необходимо. Франтишек Кригель категорически отказался...

Мы старались его убедить. Людвик Свобода специально для Кригеля повторил свой вчерашний спектакль. Он кричал так, что Кригель не выдержал и оборвал его. Свобода замолчал. Помню, Кригель сказал: “Что они могут мне сделать? Сослать в Сибирь? Расстрелять? Я учел и такую возможность, но подписывать из-за этого не намерен”. Политические мотивы компромисса он обсуждать отказывался. Он почти не слушал. Он даже не выглядел политиком. В тот момент это был человек, которому разбойники угрожают смертью, а в качестве выкупа требуют не денег, а честь, детей или жену. Такой человек говорит: “Нет, лучше убейте!” Я думаю, что Кригель, которого последние три дня всё еще держали в изоляции как заключенного, решил, что его приговорили к смерти, и смирился с этим. Но не хотел в последние минуты замарать всю свою жизнь и поступить вразрез с совестью. Я говорю это не для того, чтобы приуменьшить значение поступка Кригеля. Просто я так понимаю причины этого поступка. В ту минуту Кригель повел себя прежде всего как человек, а не как политик. И, как подтвердило будущее, его поведение гораздо точнее отвечало ситуации, чем наше: нас ведь действительно шантажировали гангстеры, но мы тешили себя иллюзией, будто мы всё еще политики, с которыми ведут переговоры политики другой страны.

Франтишек Кригель сказал, что не намерен участвовать в переговорах с советским политбюро. Его увели снова. Но советская сторона еще некоторое время настаивала на привлечении Кригеля к переговорам. По всей видимости, режиссер преднамеренно хотел довести до открытого разрыва членов чехословацкой делегации с Кригелем в присутствии советского политбюро. Дубчек на это не согласился, переговоры проходили в отсутствие Кригеля...»

Даже двадцать лет спустя после того как разыгралась эта драма, признавая, что поведение Кригеля (как подтвердило будущее) гораздо точнее отвечало ситуации, чем его собственное и всех его коллег, Млинарж все-таки замечает, что Франтишек «повел себя прежде всего как человек, а не как политик». На самом же деле, я думаю, что только он один, единственный из всех, вел себя в этой ситуации как ответственный политик, в полной мере, до конца готовый нести бремя ответственности за судьбу нации, которую он представлял.

Впрочем, как свидетельствует тот же Млинарж, в какой-то момент чуть было не сорвался с крючка и Дубчек:

«У Дубчека снова начался нервный припадок. Он дрожал, говорил захлебываясь и бессвязно. Появились врачи со шприцами. Дубчек отгалкивал их, не хотел никаких уколов и вдруг – к всеобщему изумлению – заявил: “А я не подпишу! Пусть делают со мной, что хотят – не подпишу!”

К нему подбежало несколько человек (среди них были Черник, Свобода и Смрковский): перебивая друг друга, они говорили, что это невозможно, что сейчас уже нельзя ничего переменить. Я тоже тогда думал, что так закончить переговоры нельзя. К тому же я был уверен, что поведение Дубчека обуславливалось его психическим состоянием; что через некоторое время он передумает. Я говорил с ним несколько минут, высказал это свое мнение. Мы говорили с ним по очереди, старались на него повлиять, чтобы переговоры возобновились. Дубчек слушал, но не отвечал и позиции своей не менял. “Да разве ты не видишь, ведь они совершенно не понимают, что наделали”, – ответил он мне. И повторил: “Я не подпишу!” То было мгновение правды. Быть может,

если бы Дубчек участвовал в совещании чехословацкой делегации прошлой ночью и занял такую же позицию, это существенно изменило бы ход переговоров в Москве. Но тогда уже было поздно. В конце концов он разрешил сделать ему успокоительный укол, а после второго тура уговоров сдался».

«Мгновение правды», как называет этот эпизод Млинарж, промелькнуло, не оставив сколько-нибудь заметного следа. Твердую, несокрушимую верность своей неизменной позиции сохранил только Франтишек Кригеля.

Пересказывая эти события по памяти, я изложил их так, как они мне тогда представлялись. Поведение Людвика Свободы и его товарищей, заявивших, что без Кригеля они не уедут, тогда казалось мне чуть ли не героическим. В действительности же оно было едва ли не предательским:

«Атмосфера снова накалилась, когда возник спор из-за Франтишека Кригеля. Этот эпизод напоминает уголовный роман из гангстерской жизни, хотя случился он в Кремле, после переговоров, которые, как утверждалось в коммюнике, проходили “в товарищеской и дружеской обстановке”.

Когда обсуждались технические вопросы, связанные с отлетом в Прагу, кто-то заметил, что Кригеля нужно привезти в Кремль, так как он должен улететь вместе со всей делегацией. На это Брежнев ответил, что, возможно, было бы лучше, если бы Кригеля не улетел в Прагу с нами: “Оставьте его пока здесь, – сказал Брежнев. – Он ведь не подписал протокола, и вам будет с ним неловко”. (Какая душевная тонкость! – Б.С.). Дубчек, – и, кажется, Свобода, – решительно сказали, что делегация вернется в Прагу в полном составе. Без Кригеля мы не уедем. Брежнев продолжал настаивать. Он говорил, что Кригеля будет саботировать выполнение протокола и, ссылаясь на то, что он сам протокол не подписал, будет строить оппозицию силам, которые “стремятся к консолидации”.

Думаю, что за этим скрывался какой-то замысел. Все мы вдруг вспомнили (восхитительно тут это “вдруг”! – Б.С.), что Кригеля до сих пор в заключении, что он всего лишь заложник, а не член делегации, как мы. И сам Брежнев говорил о нем, как о заключенном, который к нам вроде и отношения не имеет. Людвик Свобода сказал, что по приезде в Прагу Франтишек Кригеля и его жена будут в Ланах. (Ланы – замок неподалеку от Праги, место отдыха чехословацких президентов. – Б.С.). Брежнев, вероятно, подумал, что Свобода обещает посадить Кригеля в какую-то роскошную тюрьму. “Но он же может бежать! – сказал он. – Кто из вас может за него поручиться?”

Им нужен был не выкуп за заложника! Главарь банды попросту требовал заклад... Шпачек, Шимон и я, не сговариваясь, сказали, что ручаемся за Кригеля. Но этого оказалось недостаточно. Началась закулисная торговля. Дубчек, Свобода, Черник и Смрковский вместе с руководством советского политбюро ушли в соседнюю комнату, и там, за закрытыми дверями, они договорились. Если не ошибаюсь, и Якеш, используя свои связи, – вероятно, в органах, – пытался добиться освобождения Кригеля. Соглашение было постыдное. Для Кригеля – унижительное. Пленника доставят прямо на аэродром, так как в Кремле ему не место.

Кремлевские руководители предложили собраться перед нашим отлетом – на этот раз не формально, по-дружески... Мы провели с хозяевами еще около часа...»

Еще около часа, значит, они «не формально, по-дружески» общались с хозяевами Кремля, пили с ними – по русскому обычаю – «на посошок», а их товарищ в это время находился «в заключении», на положении то ли пленника-арестанта, то ли заложника.

Эта – сегодняшняя – моя реакция, быть может, тоже проистекает из моей еврейской «жестоковыйности». Но сейчас эта «жестоковыйность» меня не только не восхищает, но, по совести говоря, даже раздражает.

Однажды я уже ссылался на глубокомысленный вопрос искандеровских чегемцев, обращенный ими к «торговому еврею» Самуилу: сами ли евреи знают о себе, что они евреи, или узнают об этом от «окружающих наций».

Так вот, эти два случая, о которых я сейчас рассказал (про Троцкого, которого завернули в ковер, и про Кригеля) были едва ли не единственными в моей жизни, когда я не извне, не от «окружающих наций», а сам, так сказать, изнутри, из самого себя узнал, что я – еврей. (Лучше, наверно, сказать – когда я узнал в себе еврея.)

Нет, не единственными, конечно. Но, пожалуй, только в этих двух случаях мне привелось испытать то, что принято называть чувством национальной гордости. Во всех же остальных случаях (а теперь, спустя годы, вот и в случае с Кригелем тоже), узнавая, ощущая в себе ту же самую еврейскую жестоковыйность, я испытывал скорее недовольство. Ведь наши недостатки, как мы знаем, – это не что иное, как продолжение наших достоинств. Естественным продолжением моей еврейской бескомпромиссности была всегдашняя моя (наверно, тоже еврейская) нетерпимость, моя вечная склонность к спору, к запальчивому и громогласному утверждению своей правоты. Моя (отчасти, конечно, русская и даже советская, но главным образом, наверно, все-таки и еврейская) органическая неспособность приобщиться плюралистическому европейскому сознанию.

Особенно остро я это почувствовал, когда впервые в жизни увидел (и услышал) Андрея Дмитриевича Сахарова.

Было это так.

Заглянул я однажды вечером на огонек к Саше Галичу. Он был тогда уже в сильной опале, старые друзья и приятели постепенно отделились, но появились новые. Я был – из новых. Из новых был и сидевший в тот вечер у Саши Семен Израилевич Липкин. Они были соседи, жили в одном подъезде, но сблизились и даже подружились совсем недавно. Семен Израилевич, как и я, любил Сашины песни, а Саша, у которого был комплекс неполноценности (он мучился сомнениями: можно ли его считать настоящим поэтом) жадно ловил каждую похвалу профессионала.

Мы сидели вчетвером (с нами была еще Сашина жена – Ньюша) и пили чай. И вдруг – нежданно-негаданно – явился еще один гость. Это был Сахаров.

Он вошел с холода, потирая руки, поздоровался, присел к столу. Ньюша налила ему чаю. Внимательно оглядев собравшихся, он спросил:

– Ну, что нового?

Кто-то из нас сказал, что никаких особых новостей нет. Вот разве только то, что израильтяне опять бомбили Ливан.

Лицо Андрея Дмитриевича сморщилось, как от боли.

– Ох! – прямо-таки вырвалось у него. – Зачем это они!

– А что им делать? – сказал я. – Вы можете предложить им какой-то другой вариант?

Андрей Дмитриевич не успел ответить: раздался тихий голос Семена Израилевича Липкина.

– Я, – сказал он, – могу предложить другой вариант... Вернее, – он тут же уточнил, – я могу сказать, что бы сделал на их месте.

Все мы вопросительно на него уставились.

– Я бы, – спокойно продолжил он в мгновенно наступившей тишине, – взял Дамаск.

Ну, сейчас он ему даст! – подумал я, предвкушая немедленную реакцию Андрея Дмитриевича.

Если даже известие о том, что израильтяне в очередной раз бомбили Ливан, заставило его так болезненно сморщиться, легко можно было представить, как он отреагирует на это безмятежное предложение начать новый виток кровавой арабо-израильской войны.

Но Андрей Дмитриевич не спешил с ответом. Он задумался. Сперва мне показалось, что он подыскивает слова, стараясь не обидеть собеседника чрезмерной резкостью. Но потом я увидел, что он всерьез рассматривает «безумную» идею Семена Израилевича, как-то там проворачивает ее в своем мозгу, взвешивает все возможные последствия ее осуществления. И только покончив с этой работой, тщательно рассчитав все «за» и «против», он наконец ответил. Но этот его ответ был совсем не тот, которого я ожидал, который подсознательно считал даже единственно возможным.

– Что ж, – спокойно сказал он. – Пожалуй, в сегодняшней ситуации это и в самом деле был бы наилучший вариант.

Это был шок.

Шоком тут была не столько даже поразившая меня неожиданность ответа, не столько несовпадение вывода к которому он пришел, с тем, которого я ожидал, в котором не сомневался.

Гораздо больше тут поразило меня совсем другое.

Такого человека я в своей жизни еще не встречал. Все люди, которых я знал, с которыми мне приходилось общаться, вели себя в подобных ситуациях совершенно иначе.

Я уж не говорю о себе.

О чем бы ни шла речь, какая бы тема ни была затронута, свое мнение по обсуждаемому вопросу я всегда знал наперед. Собеседник, бывало, еще не успеет даже договорить, а у меня ответ уже готов: я нетерпеливо подпрыгиваю на стуле, не могу дожидаться, когда же он наконец доведет свою мысль до конца, чего он там мямлит, ведь я давно уже схватил его мысль, понял ее с полуслова. Пусть же он наконец замолчит! Даст мне скорее, пока я не позабыл все свои аргументы, как можно убедительнее возразить ему, ответить!

Андрей Дмитриевич Сахаров. Фото Ю. Роста

А тут передо мною сидел человек, для которого просто не существовало мнения, которое не нуждалось бы в том, чтобы рассмотреть его самым тщательным образом. Он считал для себя обязательным внимательно вдуматься в любую мысль, кем бы она ни была высказана и какой бы безумной или даже глупой она ни казалась.

Я сказал, что он считал это для себя обязательным. Да нет! Он просто не умел иначе. Это было органическое свойство его личности, его человеческой природы.

Как я хотел бы – не то что научиться вести себя в подобных ситуациях так же, как Сахаров (я понимал, что так – не смогу никогда), – но хоть немного приблизиться к этой спокойной, взвешенной, раздумчивой манере ведения спора. Но стоило мне только начать, как я тут же забывал об этих своих благих намерениях. Верх сразу брала моя еврейская запальчивость, моя еврейская убежденность, что ответ на все возникшие вопросы – и даже на те, которые еще только могут возникнуть, – мне уже заранее известен. (Как говорил в таких случаях мой друг Гриша Поженян: «Когда вы шли туда, я уже шел обратно».)

Но почему, собственно, я решил, что эта свойственная мне манера вести спор – именно еврейская? Может быть, просто у меня такой характер?

Да, характер... Конечно, и характер тоже. Но откуда он взялся, этот мой сволочный характер?

В «Хулио Хуренито» Эренбурга – тоже своего рода энциклопедии нашей жизни, – когда дело доходит до обсуждения проклятого еврейского вопроса (а как же – без него?), кто-то из учеников Великого Провокатора говорит:

– Учитель! Но разве евреи не такие же люди, как мы с вами?

И к общему изумлению Учитель отвечает, что конечно же, безусловно не такие. И чтобы доказать несомненную справедливость этого своего утверждения, тут же проделывает с учениками такой эксперимент. Обращаясь к каждому, он говорит: представьте себе, что из всех слов человеческого языка вам надо было бы выбрать только одно из двух: «Да» или «Нет». Что бы вы выбрали?

Каждый ученик, поразмыслив вслух на эту тему, в конце концов выбирает «да». И только иудей Илья Эренбург – не автор, конечно, а персонаж, но в то же время и двойник автора, его, так сказать, второе я, – решительно выбирает «нет».

Не знаю, как обстоит дело с другими евреями, но ко мне это относится в полной мере. И не только, так сказать, на философском, но и на самом простом, примитивном, бытовом уровне.

«Нет» – первое мое слово. С него я начинаю каждую свою фразу. Не только возражая собеседнику, но даже (иногда случается и такое) соглашаясь с ним.

– Нет, – говорю я в таких случаях, – но...

Это уже как бы инерция стиля. Но в то же время и – свойство души.

Нет, я не такой, как Сахаров. И таким, как он, мне уже не стать.

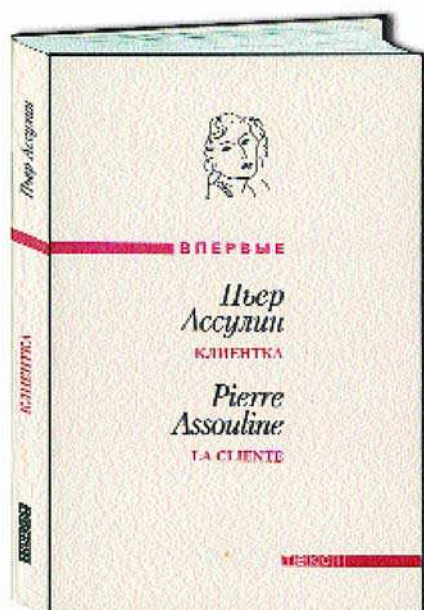
Очаровавшая меня сахаровская манера общения с собеседником была для меня недостижима. Но – странное дело! – хоть я мысленно и свел эту недостижимость к неисправимо еврейским чертам и свойствам своего характера, особенность этого сахаровского стиля поведения вовсе не представлялась мне чертой национальной – то есть русской. Это было его индивидуальное, сугубо лично свойство. Просто он был мягче, интеллигентнее, мудрее, взвешеннее, спокойнее, чем я. В остальном же мы с ним были людьми одной группы крови. Он принадлежал к той же России, к которой принадлежал, частицей которой был и я тоже.

Чувство это было очень отчетливым еще и потому, что где-то рядом существовала и другая Россия, слиться с которой я – при всем своем желании – не мог. Да, по правде говоря, и не хотел.

НЕ ВОРОШИТЬ ПРОШЛОЕ

À la recherche de l'histoire

Герой романа Пьера Ассулина «Клиентка» (перев. Н. Паниной. М.: Текст), историк и писатель, собирающий материал для биографии одного крупного литератора, который во времена оккупации Парижа вел себя довольно двусмысленно, обнаруживает в архивных папках много свидетельств, изменивших привычную двуцветную картину того времени. На этой картине все просто и ясно: были палачи и жертвы, преступники и мученики. Но пожелтевшие страницы говорят о другом – не о контрастах, а о немыслимом переплетении самых несовместимых вещей. Безупречное, аморальное, героика, низость – все смешано в полицейских отчетах, рапортах осведомителей, доносах обывателей.

К изумлению рассказчика, преобладает все-таки ненависть. У него такое чувство, словно перед ним «стопроцентный концентрат злобы».

Верноподданные требуют «очистить Францию от чуждых ей элементов и возродить ее дух». Ревностный патриот из чувства долга перед родиной сообщает, что некоторые женщины вместо положенной желтой звезды носят на груди металлические бляхи, которые выглядят как ювелирное украшение. Спекулянт, видимо, разбогатевший на перепродаже за бесценок купленных товаров из закрытых магазинов, владельцы которых давно отправлены на фабрики смерти, заверяет, что у него незапятнанная генеалогия: слово «католический» в этом послании написано шесть раз, и каждый раз с ошибкой, но без единой ошибки написано слово «арийский». Отец сомневается в расовой чистоте жениха своей дочери: ему не по вкусу будущий зять. Муж сочиняет донос на жену, которая ему изменила, дама сигнализирует об этнической неполноценности своего ветреного любовника, приятель выставляет тот же аргумент против приятеля, с которым что-то не поделил в делах коммерции.

Переворачивая страницы старых досье, рассказчик все отчетливее чувствует, что компромиссы с совестью, предательства, шкурные побуждения, заставлявшие людей

позабить о том, что они люди, – это, собственно, и было реальной историей времен войны и оккупации.

Естественно, что его преследует искушение не ворошить прошлое, потому что такое прошлое слишком мучительно. Самое любопытное, что именно этот совет – позабыть, не возвращаться – ему дает потомок тех, кто напрямую пострадал от клеветы и доносов, сын владельца мехового ателье Фешнера. Старик Фешнер продолжал шить и продавать манто, хотя евреям запретили держать свой бизнес. «Сознательная гражданка» написала об этом в полицию по делам евреев, назвав себя одной из страдающих от «еврейского расизма», и через некоторое время получила от начальника ответное письмо с благодарностью за услугу и обещанием рассчитаться.

Выяснилось, что этой сознательной гражданкой была владелица цветочной лавки напротив магазина Фешнеров, давняя их клиентка. Она и теперь по-соседски заходит к ним, а случается, кое-что заказывает.

Пьер Ассулин – писатель, родившийся уже после войны, вышедшая четыре года назад «Клиентка» была его первым литературным успехом. Выбор темы для этого романа, должно быть, многих удивил: для сегодняшних дебютантов подобные интересы редкость. Оказалось, что тема была найдена случайно. Ассулину попала папка с доносами, когда выяснял какие-то факты для задуманной им биографии Сименона, корифея французского детектива. Потрясение, испытанное им при чтении бумаг из той папки, чувствуется и в романе, где героя изводят одни и те же мысли: как все это могло случиться? Отчего в годы оккупации предательство стало заурядным делом? Отчего среди доносчиков были и евреи, писавшие в гестапо о других евреях? Отчего теперь, когда прошло полвека, никто не хочет ни вспоминать, ни делать выводы, а только повторяют, как Франсуа Фешнер: «Надо вычеркнуть все это из памяти?»

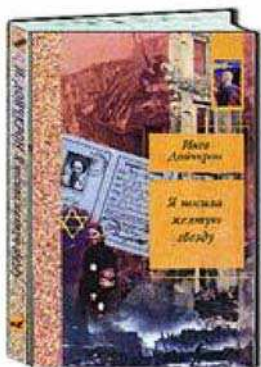
Но вычеркнуть, переступить, по-прежнему существовать так, словно не было этого травмирующего чтения в архивах, герой Ассулина не в состоянии. И он предпринимает попытку добиться справедливости, пусть с опозданием в десятки лет. Ему нужно принудить старуху-цветочницу к признанию и покаянию. Он изводит клиентку Фешнеров анонимными телефонными звонками и письмами, грозя обнародовать постыдные факты ее прошлого. А потом, выследив мадам Арман, когда та возвращалась автобусом домой в предместье, устраивает публичный скандал, взывая к пассажирам – смотрите, она писала доносы, на ней кровь невинно убитых. Но, вопреки своим надеждам, обличитель встречает только недоброжелательное молчание или резкую отповедь: ведь вас тогда и на свете не было, вы ничего не знаете о том времени. Оставьте бедную даму в покое, вы и так довели ее до сердечного припадка.

Этот поборник запоздавшей правды и впрямь действует жестоко, прямолинейно, решив не вникать в мотивы поступков тех, кто запятнал себя при немцах, и видя только сам поступок. Он не задумывается о самом главном: о ситуациях, когда людей принуждали к бесчестию, загнав их в безвыходную ситуацию и пользуясь их слабодушием – преступным, если судить по меркам абсолютной нравственности, но хотя бы объяснимым, если не извинительным. У мадам Арман – об этом рассказчику стало известно, когда уже поздно было что-то поправить, – сидел в лагере брат, которого она любила до безумия, и гестапо сыграло на этой любви, пообещав какие-то льготы в обмен на предоставление нужных сведений. Никаких льгот, конечно, не было, брат погиб там, в лагере, а доносчицу после освобождения подвергли обычному в те дни позору, обрив наголо, издеваясь, оплевывая, подталкивая к самоубийству. По прошествии многих лет

описанный Ассулином правдоискатель довершит дело, фактически спровоцировав гибель преследуемой им старухи, которая, не выдержав его натиска, бросилась под колеса.

Вряд ли он добивался именно такого финала. Побуждение, заставившее героя предпринять свое расследование, было понятно и даже благородно: он хотел «понять истинную природу Зла – того, которое человек совершает, и того, от которого он страдает». Но, увлеченный перипетиями истории из хроники оккупации, он как-то позабыл о том, что «обе стороны зла неразделимы», и для него осталось лишь зло, которое было совершено конкретным человеком, сполна за это зло расплатившимся. Когда итогом его усилий оказался окровавленный труп на парижской мостовой, рассказчику, может быть, пришлось пожалеть о том, что он все-таки разворошил прошлое. Пришлось согласиться со стариком Фешнером, знающим, в чем истинная мудрость: она в способности «понять, что значит зло, и хранить молчание». Но ведь молчание, в сущности, – это только компромисс.

Погружение в прошлое, которое таит в себе так много безысходных трагедий, – опыт болезненный, травмирующий, но все равно необходимый, пока не до конца осознаны и усвоены преподанные им уроки. И вероятно, главный из них в том, что в этих материях пагубна нетерпимость, невозможен моральный ригоризм, не считающийся с мерой вины и ответственности, недопустима черно-белая гамма оценок и выводов. Она недопустима прежде всего оттого, что это прошлое обладает способностью длиться невзирая на хронологию и напоминать о себе новыми человеческими катастрофами, доказывая, что черта под ним не подведена. И вряд ли удастся с ним покончить, хотя уже почти не осталось в живых свидетелей того страшного времени.

Одним из немногих таких свидетелей является Ингеборг Дойчкрон. Ее знаменитая книга воспоминаний о жизни берлинских евреев в годы третьего рейха «Я носила желтую звезду» наконец-то – через двадцать три года после немецкого издания – появилась по-русски (перев. С. Фридлянд, М.: Текст, журнал «Дружба народов»).

Уцелев в годы расистских чисток и депортаций, Дойчкрон после войны получила образование в Англии, почти тридцать лет проработала в Израиле журналисткой газеты «Маарив» и написала несколько книг, документально воссоздавших историю еврейского сообщества в гитлеровской Германии. О том, что произошло тогда с нею самой, Дойчкрон, проведшая «коричневое двенадцатилетие» в укрытии с чужими документами на фамилию Рихтер, решила рассказать только по прошествии долгого времени. Погружение в прошлое было мучительным и для нее – даже в особенности, потому что тут не вымысел беллетриста, а живая жизнь.

Мемуары Дойчкрон не притязают на обобщения, в них только факты и попытка реконструкции переживаний подростка, постигающего мир в экстремальных условиях, когда, по меньшей мере, проблематично, что рано или поздно кончится повседневный ужас подобного существования на краю насильственной смерти. Труднее всего для автора было восстановить свое тогдашнее душевное состояние, увидеть минувшее так, как его видела и воспринимала девочка из обычной еврейской семьи, имеющая очень смутное представление о том, что реально происходит в Германии, о смысле этих событий, да и о природе человека. Книга замечательна как раз тем, что в ней отсутствует знание, пришедшее годы спустя, когда механика фашистского эксперимента осознана и стали понятными его конечные цели. Взгляд изнутри, то неподдельное потрясение, которое испытывает вчерашняя школьница, сталкиваясь с будничностью рейха, – все это, может быть, ценнее, чем самые продуманные объяснения и концепции, если за ними нет непосредственного опыта.

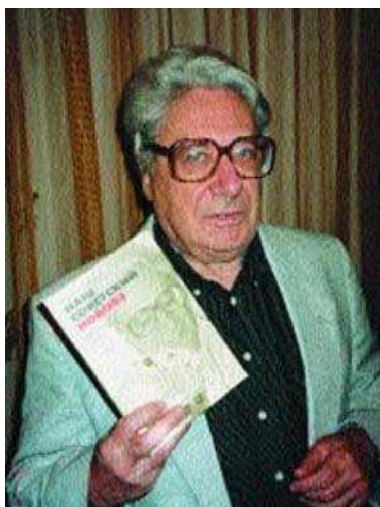
У Дойчкрон день за днем прослежено, как все то, что сегодня выглядит массовым ослеплением и безумием, становилось для немецкого общества будничностью, какой была социальная психология того времени. Уже грохочут сапоги и развеваются флаги со свастикой, но многим по-прежнему кажется, что это какой-то скверный сон, который скоро забудется, потому что невозможно представить, чтобы речи маньяка вправду могли воспламенять сердца. Штурмовики горланят на митингах, что скоро Германия покончит со своим злейшим врагом, и во всю глотку распевают: «Если каплет с ножа еврейская кровь, до чего ж хорошо на душе», – но те, чья кровь в близком будущем потечет рекой, делают вид, будто ничего катастрофического не случилось. Многие, конечно, уехали, но многие и остались, примиряясь с новыми законами один унижительнее другого: евреям запрещено занимать должности на государственной службе, запрещено пользоваться общественным транспортом, исключая поездки на работу, запрещено садиться в трамвае, занимать в парке скамьи, кроме обозначенных специальным знаком, обучаться в немецких школах, приобретать продукты на рынке... За пределами рейха вводятся все более жесткие квоты на еврейскую эмиграцию, внутри рейха дело идет к «окончательному решению». Вовсю трудятся специальные команды, которые отыскивают скрывающихся от регистрации или не надевших желтую звезду. Снуют по улицам мебельные фургоны, которыми арестованных доставляют в пункты сбора, откуда одна дорога – в Терезиенштат или в Освенцим. Но все равно люди уговаривают себя и близких: это скоро кончится, ведь психоз не может быть долговечным и поголовным.

Маленькая Ингеборг раньше других понимает, что на самом деле фашистский новый порядок – это навсегда, если Гитлер не проиграет войну. Но ей же дано увериться, что поголовным психоз действительно не стал. Когда перед ней с матерью очень реально обозначилась перспектива депортации, нашлись немцы, которые, зная, какой это риск, пришли им на помощь. У этих немцев – у прачки, булочника, владельца небольшой мастерской, где работали слепые, – были разные мотивы: одни принадлежали к запрещенной секте Свидетелей Иеговы, ненавидя фюрера за то, что он ее закрыл, другой сочувствовал коммунистам, третий просто оказался порядочным человеком и сохранил способность воспринимать нацистскую пропаганду как неуклюжее оправдание геноцида, и не больше. А нашлись и сверх меры расчетливые: некто Островски проникся уверенностью, что после войны ему суждена великая политическая карьера, тогда зачтется и содействие гонимым, которое он оказывает, впрочем, не забыв предупредить, что выдаст укрывающихся при первой же угрозе его собственному благополучию.

За несколько лет после печально знаменитой Хрустальной ночи, когда режим откровенно перешел к тактике полного истребления евреев как этноса, Дойчкрон, скрываясь, переменили с десятков укрытий и перевидали очень разных людей, которым

они вынуждены были доверить свою жизнь. О таких людях, о тех, кто не примирился с идеологией, насаждаемой фашизмом, немало писали и до Дойчкрон и всегда их героизировали – конечно, по праву. Но в ее книге они не герои, стоящие на пьедестале, а именно люди со своими слабостями и страхами. Им тоже приходится делать уступки режиму, ведь обуздать стихию расистской ненависти не в их власти. Просто у них сохранились понятия о человечности, о нравственной правде. И вот с этой неприметной силой не смогла справиться вся, до мелочей продуманная система духовного растрепания немцев, которые должны были превратиться в беспримесно арийскую нацию насильников, мародеров и убийц.

Когда режим рухнул, тут же обнаружилось сотни тех, кто, оказывается, втайне его ненавидел и всем сердцем сострадал отправленным на гибель в лагеря. Об этой волне мнимого раскаяния и лицемерного нонконформизма в книге Дойчкрон сказано только мимоходом, но красноречиво говорится о людях, которые требовали материальной компенсации за свои усилия, помогавшие спасти немногих берлинских евреев, доживших до конца войны. Такого рода торг на крови оставляет едва ли не шокирующее впечатление, но книга сильно проиграла бы, если бы Дойчкрон решила опустить эти заключительные эпизоды, предавшись умилению и восторгам. Правда должна быть высказана вся, без умолчаний и ретуши. Это необходимо не только для историков, но для всех живущих – чтобы когда-нибудь покончить с мифами, то героизирующими прошлое, которое не отпускает и шесть десятилетий спустя, то воссоздающими его в беспросветно мрачных тонах. Увидеть и осознать то время в его истинной полноте – вот в чем, наверное, главный смысл погружения в прошлое и основной аргумент против тех, кто призывает никогда его не ворошить.

Бенедикт Сарнов, писатель, публицист

Моя новая книга называется так: «Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма». Оруэлловским словом «новояз» я называю официальный политический язык советской эпохи.

Сперва самым интересным в этом замысле мне представлялась идея собрать и рассмотреть чуть ли не все словечки и речения советского политического жаргона. Ну, например, такие: «Бдительность», «Большевистская принципиальность», «Догнать и перегнать», «Знатные люди нашей родины», «Лица еврейской национальности», «пятый пункт», «обстановка трудового и политического подъема»... И на каждом таком примере показать, вскрыть самый механизм того, что Оруэлл, говоря о своем «новоязе», назвал сужением горизонтов мысли.

Вообще-то я знал, что такая работа уже существует. Я имею в виду книгу немецкого филолога Виктора Клемперера «Язык третьего рейха». (Книга эта очень знаменита. Написана она давно. Но на русском языке появилась лишь несколько лет тому назад.)

«Язык сочиняет и мыслит за тебя», — говорит в своей книге Клемперер.

В применении к языку третьего рейха — равно как и к нашему советскому «новоязу» — это означает, что политический жаргон, который навязывала (и навязала) нам власть, — был вовсе не безобиден. Это был яд, который люди впитывали бессознательно. И незаметно для них самих он оказывал на них свое пагубное действие.

Резонно было предположить, что у советского человека сопротивляемость к этому яду была ослаблена даже больше, чем у немцев. Ведь нас нашим «новоязом» пичкали не двенадцать, а целых семьдесят лет.

Но когда я читал книгу Клемперера, я вдруг подумал, что у нас, наверно, эта самая сопротивляемость оказалась выше, чем у них.

И тут мне вдруг пришло в голову, что интересно было бы обратить внимание на другую сторону этой медали. На то противоядие, которым обладали — в разной, конечно, степени — мои соотечественники, и которое помогало им (увы, не всегда) не поддаваться злокачественному действию этой языковой отравы.

Противоядием этим были анекдоты, частушки, эпиграммы, глумливый пересказ какого-нибудь казенного лозунга. Евреев, например, как все вы, конечно, помните, намекая на их социальную ущербность в советском обществе, называли «инвалидами пятой группы», а про выражение «лицо еврейской национальности» говорили, что это просто калька, дословный перевод на официальный жаргон обиходного черносотенного «жидовская морда».

А вот примеры частушек и «пошедших в народ» интеллигентских эпиграмм:

Сегодня он играет джаз,

А завтра родину продаст.

Или вот такие частушки, отразившие реакцию народа на реабилитацию «врачей-убийц»:

Дорогой товарищ Вовси,

Друг ты наш и брат,

Оказалось, что ты вовсе

И не виноват.

Дорогой товарищ Коган,

Кандидат наук!

Виновата эта погань —

Лидка Тимашук.

Дорогой товарищ Фельдман –

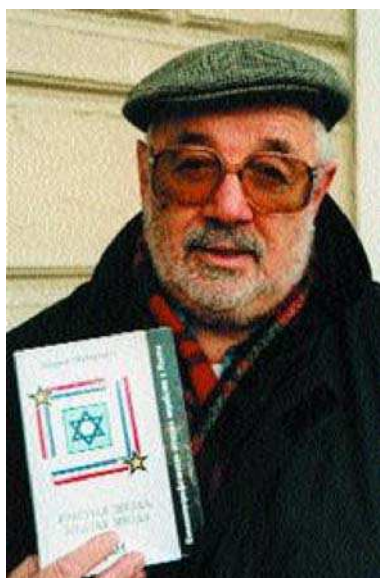
Ухо-горло-нос,

Ты держал себя, как Тельман,

Идя на допрос...

И т.д.

Из таких вот разнородных элементов и сложилась эта моя «маленькая энциклопедия реального социализма».

Мирон Черненко,

президент гильдии киноведов и кинокритиков России

О моей последней пока книге. Называется она «Красная звезда. Желтая звезда», и название это – скорее метафора. А содержание реальное — в подзаголовке «Кинематографическая история еврейства в России. 1919-1999», или, другими словами, история того, как отечественный кинематограф описывал еврейскую жизнь на экране, что в ней поддерживал, что осуждал, что замалчивал, что фальсифицировал. И все это – на фоне политической истории российского еврейства на протяжении восьми десятилетий советской жизни, на фоне национальной политики коммунистической власти, у которой так называемый «еврейский вопрос» во все времена был разменной монетой на всех поворотах отечественной истории. И, конечно же – это история кино, история почти трехсот игровых фильмов и немеренного количества фильмов документальных, сохранивших для нас живую жизнь наших предков, наших дедов и прадедов, отцов и матерей в их естественной среде обитания, в их готовности ко всему, в том числе и к будущему. Вот об этом и еще о многом другом и написана книга...

Яков Этингер,

доктор исторических наук, профессор

В своей книге «Это невозможно забыть... Воспоминания», вышедшей в 2001 году в издательстве «Весь мир», я рассказываю о времени, проведенном в минском гетто в 1941 – 1942 годах и в сталинских застенках в начале 50-х. Так уж получилось, что моя судьба оказалась тесно связанной и переплетенной с общей судьбой евреев Советского Союза. Холокост, сталинский государственный антисемитизм с его апофеозом – «делом врачей» для меня не отвлеченные понятия, а часть моей жизни. Вот почему тема этих трагических событий в истории еврейского народа проходит красной нитью через всю книгу. По своему характеру она является произведением смешанного жанра. Это и мемуары, и тексты научно-исследовательского характера, и исторические эссе, и политическая публицистика.

Основная тема книги – «дело врачей», по которому были арестованы мои родители — отец, известный профессор-кардиолог Я.Г. Этингер, мать, врач Р.К. Викторова, и я, тогда студент исторического факультета МГУ. Изучению «дела врачей» я посвятил несколько десятилетий своей жизни. Этот сюжет исследуется в книге на основании анализа бывших ранее секретными материалов ЦК КПСС и МГБ СССР, работы в зарубежных архивах, в частности в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, бесед с видными политическими деятелями как нашей страны, так и зарубежных государств, в частности с находившимся в отставке бывшим главой советского правительства, членом Политбюро ЦК КПСС Н.А. Булганиным, с академиками А.Д. Сахаровым и Е.В. Тарле. О возможных трагических последствиях «дела врачей» для советских евреев и судеб всей страны приводятся также свидетельства бывшего Председателя Президиума Верховного Совета СССР, члена Политбюро ЦК КПСС А.И. Микояна и бывшего члена Политбюро ЦК КПСС академика А.Н. Яковлева, возглавляющего ныне Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации.

«Дело врачей» рассматривается на фоне закулисной борьбы в советском руководстве до и после смерти Сталина, подробно освещаются мотивы и роль Л.П. Берии в принятии решения о прекращении этой сталинской провокации. Я рассказываю о людях, с которыми мне довелось встречаться в лефортовской тюрьме и в лагерях на Дальнем Востоке и в Кировской области, и о своей жизни и научной деятельности после освобождения, о многолетней работе в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР. Мне кажется, что мои воспоминания будут интересны всем, кому не безразлична историческая судьба евреев в нашей стране.

МОЯ

Oi Oye-Eitno Aaii

I

Моя мать, да почиет она в мире, заправила крупу яичным желтком и выставила в окно, на солнце. Слетелись птицы на запах зерна, поклевали крупы да улетели, поклевали и упорхнули. Но одна птица застряла между двойными рамами – не нашла пути. Хлопает крыльями, бьется о стекла. Мир сияет пред нею, сестры ее и подруги кружат по нему, а она, одинокая, не знает, как вырваться. Ударилась клювом в стекло и упала с распростертыми крыльями. Привлеченный звуком падения подошел я к окну, протянул к ней руки, сложил ее крылья и внес в дом.

Еще миг, сказал я себе, отпущу эту птицу, и унесется она, куда пожелает. Раскрыл руку, чтобы дать ей свободу. Но обессилела птица и не смогла взлететь. Тогда я сказал: «Останься со мною, ешь от хлеба моего, пей из моей чашки, летай в нашем доме – нам на радость»¹¹.

Я не стал забавляться птицей – боялся опоздать в хедер. Погладил ее крылья и сказал: «Мир тебе, птица моя. Я покидаю тебя против воли, но обещаю вернуться и не расставаться с тобой до утра!». А сестре, стоявшей у меня за спиной, я сказал: – «Присмотри-ка за птицей, пока не вернусь».

Сестра моя, не мешкая, взяла птицу. Взяла ее и защebetала, и стала напевать ей песенку, усадивши себе на голову. В жарких своих волосах устроила ложе для птицы. А я отправился в хедер.

Я в пути, а сердце говорит мне, что нехорошо я сделал, уйдя и оставив птицу в руках сестры. Не пришел бы кот да не съел бы мою птицу! Вернулся я, взял из рук сестры птицу и пристроил ее между оконными рамами. Затворил окно, а форточку слегка приоткрыл – чтобы вдыхала ветерок. И только после этого пошел в хедер.

Как хороши летние дни после полудня! В эти часы мы учим Священное Писание. Представьте себе: человек укоряет своего сына – еще упреки на устах его, но в голосе уже звучат прощение и любовь. Такой голос у ребе, когда мы читаем Книгу пророка Ошейи, и розга, не покидающая его руки, теперь служит ему лишь для того, чтобы отгонять мух. Голос ребе завладевает моей душой, я почти забыл мою птицу. Правда, я твердо знаю, что у меня есть тайна, сердце напоминает мне о ней. И когда мы доходим до слов: «Встрепенутся, как птицы...», я содрогаюсь от ужаса: не съел ли кот мою птицу, не покинула ли она меня безвозвратно?

Как только закрыли мы книги, я опрометью бросился домой – по пути со взрослыми не здоровался, на оклики сверстников не отвечал. До самого дома мчался я во весь дух.

II

Прибежав домой, о птице я не спросил – боялся услышать, что она улетела. Приложил руку к сердцу – оно колотилось под рукой.

Запах, похожий на запах опилок, летящих из-под пилы, доносится со двора. Нэт, жених нашей служанки, постукивает молотком. По одну сторону от него сложены прутья, по другую – гвозди, гвоздями он сколачивает прутья. Я спросил, как он поживает, но ответа не получил. Честный поденщик, он не привык приостанавливать работу, но улыбка на его губах сказала мне, что в моем доме – мир и покой, ничего худого не приключилось. И все же я не успокоился, пока не дал себе обет бросить монетку в копилку Меира-Чудотворца.

Стою, подходит моя сестра. Бросилась мне на шею, пряди ее каштановых волос прильнули к моему лицу, прижались к пейсам. И она говорит: «Нэт делает клетку для нашей птицы!» Опускаю руку в карман в надежде найти хоть что-то и дать Нэту, мастерящему клетку для птицы, но карман мой пуст, в нем нет ничего. Отрываю пуговицы от своей куртки и протягиваю Нэту. Нэт берет пуговицы, прячет их и продолжает работать как ни в чем не бывало.

Полы моей одежды развеваются на ветру, а я, подобный птице, готовый взлететь, обратил лицо к дому, к окну.

Приложила сестра моя палец к губам и сказала: «Молчи! Она спит...»

Но я все же вошел в дом, сестра шла за мною на цыпочках. Взяла она мою руку в свою и моей же рукой указала на окно. Там лежала моя птица: голова между крыльев, а крылья – как золото вечернего солнца. Я замер на месте, не в силах пошевелиться – моя птица пленила меня, словно охотник, подстерегавший свою дичь.

– Она попила, – сказала сестра и придвинула к ней маленькую чашку с водой. А в окне вокруг птицы рассыпано зерно.

Я вспомнил о клетке и о Нэте, делающем клетку. Мне очень хотелось, чтобы он окончил ее до ночи и чтобы птица в ней поселилась. Я вышел к Нэту, оставив птицу. Я около Нэта, подходит мать, и по лицу ее видно, что она недовольна мной. И понятно почему – я до сих пор не пошел к молитве. Трудно мне было оторваться от клетки, но все-таки я пошел. А то ведь скажет мать, что нет в этом мальчике страха Б-жьего, и рассердится на мою птицу.

III

Как только вошел я в дом молитвы, обступили меня мальчишки, стали расспрашивать, почему я ушел из хедера, а ушел-то я, никому не сказав ни слова. Рассказал я им о птице и о клетке, которую Нэт, жених служанки нашей, мастерит для птицы. Выслушали они и говорят:

– Пойдем к тебе, посмотрим на птицу, погладим ее крылья.

Я отвечаю им:

– Хотите увидеть птицу, приходите завтра, а не сегодня. Она спит, вы ее разбудите.

Они все разом загомонили:

– Нет у него никакой птицы! Он все навывдумывал! Не верьте ему! Он лжец!

Тогда я взял в руки цицис – кисти моего малого талиса, чтобы они свидетельствовали о моей правдивости, и сказал:

– Сейчас увидите, истинны ли мои слова! – и поцеловал цицис...

– Один шартили^[2] лучше целой стаи птиц, – изрек кто-то из мальчиков с таким видом, словно шартили обитает в его доме.

Все они завидовали мне, потому что у меня есть птица, и из зависти сказали:

– Откуда мы знаем, годны ли твои цицис! – и принялись проверять мои цицис^[3]. Они тянули их с такой силой, что одна из кистей оторвалась. Я положил ее в молитвенник. Один мальчик поймал на лету муху и закричал:

– К нему в рот попала муха, а он говорит, что это – птица!

Но вот пришел мой отец к молитве. Я хотел было застегнуть на себе куртку – не мог же я показаться отцу в расстегнутой куртке. Но пуговицы на куртке отсутствовали, ведь я отдал их Нэту. Показал я мальчикам на борта своей куртки и говорю:

– Пуговицы я отдал Нэту, который делает клетку.

Всем стало ясно, что я говорил правду. И один из мальчиков рассказал:

– Когда умирает праведник, душа его воплощается в птицу, и летает птица весь день, куда хочет – туда летит: то в одно место, то в другое, то к дереву зеленеющему, то к потоку вод. А бывает, опускается на крышу дома молитвы – сказать «омейн» после кадиша, либо постучится клювом в окно – чтобы обитатель дома помянул ее душу. А ночью возвращается к Отцу своему Милосердному на небесах, ведь там ее обитель. И каждую ночь, ровно в полночь, приходит Он в Ган Эден – Райский сад – тешиться душами праведников. И может статься, придет Он в Сад и не найдет там душу одного из праведников, воплотившуюся в птицу. И позовет Он: «Дочь Моя, душа имярек! Где ты?». Но нет ее, потому что Шмуэл-Йосеф, сын Эстер, поймал ее, когда она клевала крупу, которую выставила в окно Эстер, его мать, поймал и не отпустил птицу. И скажет

Всевышний во гневе: «Горе ему, Шмуэлу-Йосефу! Горе сыну Эстер, похитившему Мою птицу, чтоб не тешиться Мне ею в Саду наслаждений Моих!»

Моей душой овладел ужас. Я раскаялся в том, что поселил у себя птицу, и решил: «Вернусь домой, возьму листок бумаги и напишу такими буквами, как в молитвеннике, что оставил у себя птицу в простоте сердечной, чтобы давать ей пищу вовремя^[4]. Привяжу эти слова к крыльям птицы и открою форточку. Полетит птица, куда захочет, – и не будет на мне вины!»

Пришел я, а в доме нет света: в летние ночи из-за комаров мать не зажигала ни свечи, ни лампы. Запах свежеструганного дерева наполнял дом. Я раздевался в темноте, снял с себя малый талис, разулся. Моя сестра слезла с кровати и сказала:

– Вот клетка, – и положила мою руку на клетку.

Я просунул сквозь прутья пятерню, но пальцы мои ощутили только ветерок. Сестра сказала: – «Завтра птица будет спать в клетке».

Дыхание сестры было теплым, как крылья птицы. Я кончил раздеваться и произнес молитву «Шма», читаемую перед сном. Улегшись в постель, поразмыслил о том, как я поступил с птицей, и душа моя обрела покой. Сказал себе: «Пусть у нее душа праведника и я содеял зло, но ведь форточка приоткрыта, и птица вольна лететь, куда ей вздумается». И я уснул...

Зазвучала песнь, возвещая: «Вот и птица нашла дом...». Отец подошел к моей постели и сказал:

– Это маленькое создание уже пропело хвалу Всевышнему, а ты все лежишь.

Я оделся – мать дала мне малый талис взамен негодного, от которого мальчишки оторвали одну из кистей. Я произнес «Мойде ани»: «Благодарю Тебя, Царь Вечноживой и Суший, за то, что возвратил мне душу мою...» – и стал поить птицу водой. Она соскочила с жердочки и попила. Взял я молитвенник, чтобы помолиться. Одним глазом гляжу в молитвенник, другим – на птицу. Грудка у нее и голова с боков – пепел, обволакивающий пламя, а шейка – почти черная. По временам она встряхивает головой, щебечет и накрывает свое тело крыльями.

Отец взял талис и тфилин и, наказав мне отправляться в хедер, пошел в дом молитвы. Держа в руке свой утренний ломоть хлеба, я сказал птице: «Сиди здесь, пожалуйста, отец велел мне идти в хедер...».

Вспрыгнула птица на прут и замерла. Я тоже замер на мгновение, потом поцеловал мезузу и вышел.

IV

Солнце вошло над землю, запорхали птицы, запели. Я остановился, сердце мое переполнилось до краев. Мне есть, что сказать им, птицам небесным, ведь одна из них – птица моя! Как жаль, что язык зверей и птиц мне неведом и я не могу расспросить их, как живут они, передать им привет от птицы моей.

Пришел в хедер, а там ни души. Моя птица проснулась на рассвете, а с нею и я. Остался бы лучше дома, тешился бы птицей моей. Какой прок, что пришел я так рано? А все же приятно, что никто не опередил меня. Сяду-ка, посижу на скамейке, пока не появится кто-нибудь из усердствующих. Войдет и спросит: «Что сегодня стряслось с тобой?».

Но, войдя, усердствующий ни о чем не спросил. Краткий миг он глядел на меня, а рука его уже тянулась к Геморе. Рассердился я и сказал:

– Можешь глаз не сводить с Геморы, пожирать ее глазами – все равно не покажу тебе птицу мою!

Пришли другие мальчики и перед тем, как появился ребе, расспрашивали меня о птице. Исчезли вражда и ревность. Они больше не завидовали мне, теперь они радовались, что птица избрала для отдохновения дом их сотоварища. И стали наперебой наставлять меня, как обращаться с птицей и чем кормить. В полдень пошли со мной несколько мальчиков поглядеть на птицу. Среди них не оказалось ни одного, у кого не нашлось бы в кармане гостинца для птицы.

После обеда вернулись мы в хедер. Как и вчера, читали мы Книгу Ошейи: «Когда Израиль был еще ребенком, Я возлюбил его...». Учились, пока день не склонился к вечеру, и тогда мы побежали к нам домой. Женщины сидели около своих домов, наслаждаясь свежим воздухом.

Видя нас всех вместе, они, изумляясь, спрашивали:

– Куда вы?

Мы отвечали:

– Идем в родильный дом прочитать «Шма»^[51], – да простит нам Всевышний эту ложь!

И женщины изумлялись больше прежнего.

Дети вошли ко мне в дом, увидели птицу и промолвили в один голос:

– Так и есть, настоящая птица!

А мальчик, подпевавший хазану в Рош а-Шона и в Йом Кипур, приставил правую руку к уху, большой палец левой руки – под кадык и запел перед птицей, чтобы послушала птица и пела священные песни. Он пропел для нее одно из песнопений, завершающих молитвы Йом Кипур, и песнопение, которое поют во второй день Рош а-Шона: «Как птицы порхающие...». А потом прозвучали все другие напевы, что знал мальчик. Я стоял, как бы возвышаясь над всеми, словно истинный супруг радости, царившей в моем жилище.

И тогда я вспомнил свой обет рабби Меиру-Чудотворцу. Сунув руку в карман, достал я монетку, которую мать дала мне сегодня – купить вишен. Я же ничего на нее не купил, потому что еще в день появления птицы предназначил для копилки рабби Меира-Чудотворца, когда вечером, вернувшись из хедера, испугался, что птица упорхнула из дома. Теперь вдруг захотелось мне купить зеленой краски – выкрасить клетку в цвет лесного дерева. И в копилку рабби Меира-Чудотворца я монетку не бросил.

А мальчик-певец все пел перед птицей. Пришло время предвечерней молитвы, мать торопила меня. И мы договорились между собой: завтра канун субботы, после полудня мы свободны от занятий; пойдём-ка молиться, а позабудемся завтра. Когда я уходил, мать наказала мне купить шафрану и корицы для субботнего печенья. Принес я корицы и шафрану, все как мать велела. И она приготовила тесто – вылепила халы и накрыла их решетом.

А я улегся спать, не предчувствуя худого, – как, впрочем, и тот мальчик, поучавший меня, что Высший Судья спросит, где душа праведника, воплотившаяся в плененную птицу. Сегодня этот мальчик радовался птице вместе со мной.

V

Утром от пенья птицы я не проснулся. Привык к ее голосу и не услышал, как запела она. Встав, ощутил я запах картофельных оладий, начиненных творогом и изюмом, которые готовила мать, да осенит ее мир, накануне субботы. Совершив омовение рук и произнеся утренние благословения, я сказал матери:

– Дай мне позавтракать.

Она ответила:

– Да ты не молился!

Я сказал:

– Разве можно опасаться, что я стану есть до молитвы? Дай-ка мне все же мою долю.

Мать дала мне две оладьи и кусок пирога с изюмом. Взял я оладьи да пирог, выковырял из пирога изюм и дал птице, а кота, пялившего глаза на оладьи и на птицу, отогнал. Но он вернулся, и я пнул его ногой – с того дня, как появилась птица, не давал я спуска коту, но прогнать не прогнал. Кот по-прежнему жил дома.

Я начал молиться и, пока молился, извлек остаток изюма из пирога и оладий, бросил птице, а кота лягнул ногой – за то, что он, как сам ангел смерти, тарасил глаза на птицу и на оладьи.

Стою я и молюсь и вдруг слышу пронзительный горестный вскрик. Поворачиваю голову и вижу: мать стоит у печи, держа ухват задом наперед, а сестра моя обнимает ее обеими руками и плачет навзрыд. Я закричал:

– Что с тобой, мама?!

Она едва вымолвила:

– Птица... – и умолкла в безутешном горе. В голове пронеслось: кот загрыз мою птицу – и сердце сжалось от горя. Я был опустошен. Потрясенный гибелью моей птицы, я говорил себе: «Почему кот съел мою птицу, разве в доме нет еды? Вот он, бесстыжий, сидит в углу и не стыдится ни капли!» И я поддал коту ногой так, что он отлетел к двери и ударился об нее. Дверь распахнулась, и он убежал.

Когда разум вернулся ко мне, я понял, что птица выпорхнула из клетки и подлетела к печи. Пламя охватило и сожгло ее крылья. Спасения не было. Мать вытащила птицу – но то была «головня, выхваченная из огня».

Вот мать стоит перед печью, сестра обнимает ее, а в печи полыхает огонь. В доме царит тишина.

Мой взгляд остановился на клетке – дверца распахнута. Выпорхнула птица и сгорела. Останки ее – на скамье, что стоит у печи.

Мать снова взялась за работу, вынула хлеб из печи, она безмолвствует. Сестра моя отошла от нее. Лицо ее распухло от слез.

В этот день я не пошел в хедер. И мать не сказала: «Иди». Взял я Священное Писание, раскрыл его на Книге Царей и прочитал о том, что совершил пророк Элиша для сына шунамитянки:

«И вырос мальчик... И он умер. Поднялась она и положила его на постель человека Б-жьего... Вошел Элиша в дом, и вот, мальчик умерший лежит на постели его. И вошел, и запер дверь за обоими, и молился Всевышнему. И поднялся, и распластался над мальчиком, и приложил уста свои к устам его, и глаза свои к глазам его, и ладони свои к ладоням его, и распростерся над ним. И потеплело тело мальчика... и открыл он глаза свои». Прочитав это, достал я из кармана монетку, бросил ее в копилку рабби Меира-

Чудотворца и кинулся посмотреть, ожила ли птица. Но, увы, она мертва! Сестра моя стоит над прахом мертвой птицы.

Вернулся я к Книге, но голос пропал у меня, охрип я совсем. Притупилось горе, одна тоска в моем сердце. Не зная, куда себя деть, я слонялся без дела. Хотелось перевернуть дом, вывести из себя мать и сестру.

Взглянул на сестру – она шьет. Догадался, что шьет она саван для мертвой птицы, и заплакал. Боль оставила меня. Я взял гвоздь и вышел во двор, на то место, где в невозвратные времена Нэт мастерил клетку. Там выкопал я птице могилу.

Подошла сестра и положила птицу в мои руки. Взял я птицу и сказал:

– Погоди-ка, сестра моя, поддержи ее еще немного.

Взяла сестра птицу и замерла. А я вошел в дом и принес кисть, оторванную от талиса. Принял птицу из рук сестры и привязал цицис к телу мертвой птицы. И молча положил птицу в могилу, которую выкопал для нее своими руками, и засыпал могилу землей.

Многие дни горевал я о птице, все мои мысли были о ней. И пусть могила ее забыта – память о ней не покинет меня, потому что, скорбя о птице, в сердце своем воздвиг я ей памятник.

Птица моя!

Ī adīāā nēādeōā ē īdeī ā:āīēy

Ī. Ōāēī āēīāā

[1] «Ешь от хлеба моего...» – см. Книгу пророка Шмуэля, 11,12:3.

[2] Шартили – дух, обитающий в доме или в погребе и приносящий благословение домочадцам (прим. Агнона).

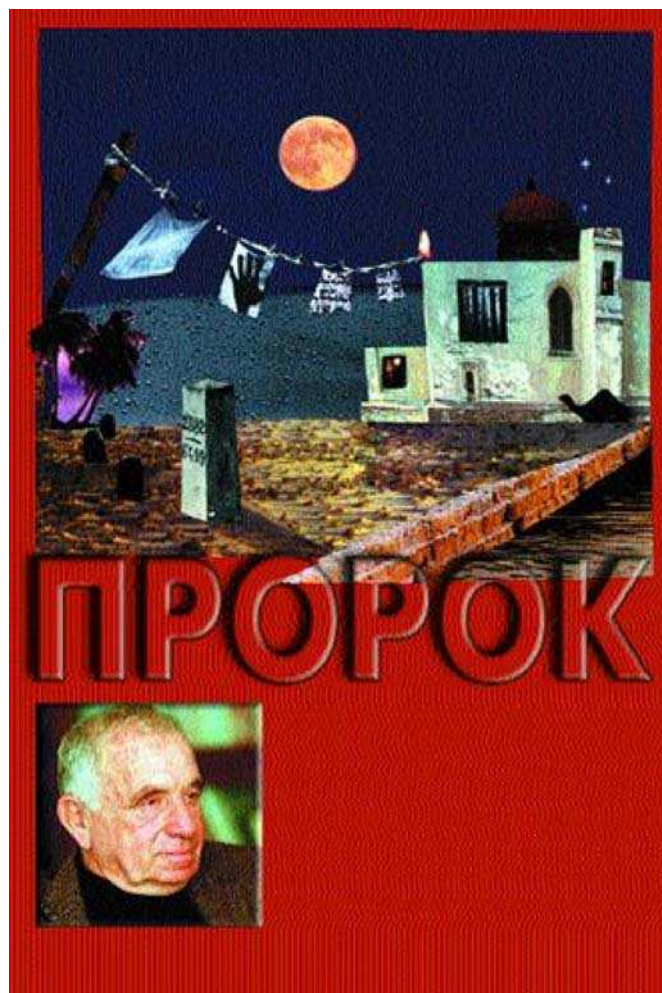
[3] Каждая из 4 кистей цицит содержит восемь нитей. Если в одной из кистей цицит повреждены две нити, весь талит ритуально непригоден.

[4] См. Псалом 145, стих 15.

[5] Существовал обычай: дети, учившиеся в хедере, приходили в родильный дом и читали молитву «Шма», чтобы снискать для новорожденных благословение Небес.

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Àëàèñàí àð Èððèíá

Наряду с устойчивым ростом интереса к творчеству израильских прозаиков в последние десятилетия и современная ивритская поэзия активно завоевывает популярность в читающем мире. Это объясняется прежде всего тем, что сегодня группа одаренных ивритских поэтов весьма представительна, а их произведения являют широкий литературно-художественный спектр тем, стилей и направлений. Ведущие израильские поэты как, например, Меир Визельтир, Хаим Гури, Натан Зах, Далия Равикович, Арье Сиван, Аарон Шабтай, а также некоторые их более молодые коллеги получают престижные национальные, зарубежные и международные премии, а сборники их стихов издаются в переводах во многих странах мира. Несомненно, выдающимся литератором национального масштаба был старейшина израильских поэтов Иеуда Амихай, скончавшийся полтора года назад. Читатели, израильское и мировое литературоведение вновь и вновь обращаются к художественному наследию поэта, в своем обширном и многолетнем творчестве поднявшему ивритский стих до эпических вершин.

*Áîçì íæíí, ÷òí íáííã-ããõ
í ðíçàèéíá í èðíáíã èèãíã
Èçðàèéü è ñçãè, íí òí,
÷òí Áì èõæ - ííýò í èðíáíã óðíáíý,
áýòíí íàò íèèàéíã ñíí íáíéý.
Ñ. Ì áðãá
èçðàèéüíèèè èè ò áðãò óðíáíã*

1

Будущий поэт родился 3 мая 1924 года в Вюрцбурге (Германия). Его родители – Фрида и Меир Пойпер были крестьянами, религиозными людьми. В 6 лет он начал посещать еврейскую школу, учился читать и говорить на иврите. В 1935 году семья Пойпер и все близкие родственники со стороны отца и матери бежали из Германии и приехали в Палестину. Сначала они поселились в Петах Тикве, а несколько позднее переехали в Иерусалим, и Иеуда поступил в религиозную школу.

*...ß í á öäéíãè ýò ó çàì èþ,
éíããà í áíý í ðèáíçèè ñþãã
áíá í àèü-óãíí íí,
ãí áðãáíá ñò óí èá í à íí àéáí í úá
í áíèè è èàí í è.
Í í òáí áðí, éíããà ñãáü í ðíðèè,
ñãí à çàì èý öäéóáò í áíý,
í ðèèãããýííí ñ èþáíáíþ
òí ò ðãããí è ñãèè è,
à òí èíèþ÷èè è èóíò áðí èèàí è.
Øí á ýò ó áíéí ó
òí á ýò ó áíí ó
ãí ñãí íã í íñèããí áã
í ðèèíí íáíéý.*

Í àðááíá Ñ. Áðéí ááðáá

С тех самых первых детских впечатлений Иерусалим навсегда вошел в творчество поэта, который в своих стихах создал многоликий образ древнего, но необыкновенно сильного и динамичного мегаполиса, неизменного в своей святости и величии города, в то же время неостановимого в своем развитии.

Í àø Èáðáááèèì ì ðèçáì èíò,

ã ðáè òíŷ ñðááü ã ð -

í á òí, ÷ òí, í áì ðèì áð, Í úð-Èí ðé.

Ááááø à ò ü ááéí á í áçáá íí ì íçó

ì ðéí ŷë -

èçãé á ðí ñéí ø í úé ì áðáá ñò à ð ò íì

áçŷë.

Áíá ì ðí ÷ é á - ðááí ø è è ñí á áà è ü

ìí è ðááí!

Í í í ááéí ÷ àáì í é áðáí á

áðáì áí í í é ò í ì í ááæ à è è,

òí, í ò ñ ò áá ø è, ã á è è.

À íí - ì ñ ò à è ñŷ í á ò ðí í á çáì í í é

á ì ðááí ñ ò à ð ò í á í é ì í ç è ø è è,

ñ á ó á ø è ñí..

Í í áááü áíá óí ðŷ ò áí ú á áðáé,

áíá ì í ðáæ áí úŷ ç à ò à è è è ñí

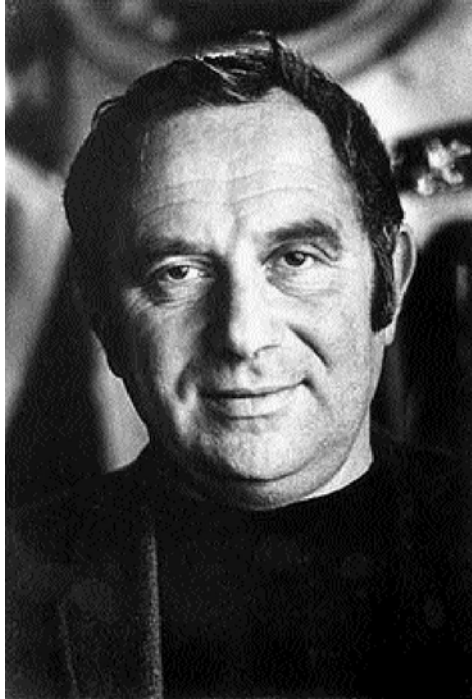
á ì ú ø ò á ò.

Ñí í ð ò ñ áí í áí ðŷ áíŷ è áü ó áí úŷ

í á ñ ááí ò,

ã ò í á ðááí ó ò úŷŷ í á á è ñ ò áí ø è ð

ñ áðáí ú!

В 1942 году Амихай ушел добровольцем в еврейскую бригаду, сражавшуюся в составе британской армии. После окончания второй мировой войны он был послан с секретной миссией в арабские страны и активно участвовал в осуществлении нелегальной иммиграции евреев в Палестину (кампания, получившая название «алия бет» – «вторая алия»). В 1946 году Амихай вступил в Палмах (наиболее боеспособные вооруженные подразделения еврейской общины в Палестине) и в составе бригады «Негев», действовавшей на южном фронте в пустыне Негев, прошел нелегкий боевой путь в годы Войны за независимость. Интересно, что его соратником по оружию в подразделении был также знаменитый сегодня израильский поэт Хаим Гури. «Война, – с горечью говорил Амихай, – это часть моего взросления, часть моей биографии» (5).

Повидавший немало смертей, горя, крови и слез поэт – принципиальный антимилитарист, главная ценность для него человек, его неповторяемая жизнь. Война в любой ее форме ненавистна Амихаю, который не смущается высказывать свое однозначно отрицательное отношение даже к восхваляемым в национальной истории воинственным героям и победным сражениям древних иудеев. Практически во все израильские хрестоматии и школьные учебники литературы вошло антивоенное стихотворение «Я хочу умереть у себя на кровати».

Āī ōō ḏā āīōīāēēē āī ēīā ēç Āēēāēā

ōī ēē ḏāāē īīāāāū, ōī ēē āēāāēē ḏāāē.

Ī āḏōāāīā çāēīīāēē īīōīī

ēāē īīīāēī.

В ōī:ō ōī āḏāōū ōīāāŷ īā ēōīāāōē.

Óαά ò àì éí áî ò ù àé áé èì ñ áæ èéí

ááèè.

Β ñááü ðááèè ò æ è áî ò, à çááü è áí í ú ò -

ðà ò è.

Í áî ò ü áí í ðí ñ ò - í ò áá: ó çá áü ý

á í ò áá ò á

í í ò í: ó í í ò áðá ò ü ó ñáý í á è ðí áá ò è.

Í áá Á è áí í í çá ñ ò ú éí ñá ò è éí.

Á í ò í áí

Á áé ó æ è ó áì ñá ò è ò ü í í çá áü á

í í í ù áá á

È æ áí ó ó é í é í ó á ò, í í, ÷ áá ò í í á ñ é í áí,

Β ò í: ó í í ò áðá ò ü ó ñáý í á è ðí áá ò è.

Á á è é í í í áí é í ñá ÷ á ð í í í ò áá á

Ñ áì ñ í á

Í í ý í á çá áí áá ð í áí è í ñ ò ð æ áí

í á é ñ ò á ò è

È ò áí ááü é ó é í á ò ý æ áá ð

í ð é í ó æ áá í í í,

À ò í: ó ó í áðá ò ü ó ñáý í á è ðí áá ò è.

Í í ý è ý, í í æ í í æ è ò ü ó ò á ó à ý ñ í

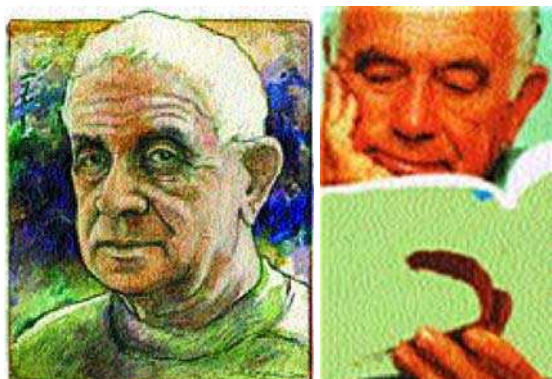
í áí í í æ í,

Á á æ á é í á á í é ú á ñ ò á ò ü

í ð é á á æ è ú áí í í æ á ò.

È ó æ á ý áá ò í á í í áðá ò ü í á é í í é è í,

Í í ò í: ó ó í áðá ò ü ý í á ñ á ñ ò áá í í í

Из числа самых известных антивоенных стихотворений поэта также следует назвать «У нас нет неизвестных солдат» (ставшее в Израиле неизменным атрибутом почти любой церемонии поминовения погибших на войне), «Убитый» («Пятна его крови разбросаны поспешно и небрежно...»), «Солдаты эти все еще на марше, на войне...», «Диаметр бомбы был тридцать сантиметров...».

В послевоенные годы (1951 – 1954) И. Амихай изучал в Иерусалимском университете ивритскую литературу и иудаизм. Затем ряд лет преподавал в начальной и средней школах.

Известность начинающему поэту принесла уже первая его книга «Сегодня и в иные дни» (1955), удостоенная премии им. А. Шленского. Собранные в этом томе стихи знаменовали собой становление нового направления в израильской поэзии, для которого характерно создание поэтических образов путем контрастного сопоставления понятий современной цивилизации со словами и оборотами Библии, Мишны, средневековой классической поэзии и т.п. Поэзия Амихая гуманистична, автор верит в человека – в его разум и силы. Сборник «Сегодня и в иные дни» произвел очень сильное впечатление на читателей и коллег-литераторов.

Вскоре в Иерусалиме и несколько позднее в Тель-Авиве образовались две творческие группы поэтов, и одна из них взяла себе название «Сегодня», а вторая – «Навстречу». Одним из основателей последней группы был И. Амихай, к которому присоединились будущие звезды новой ивритской поэзии Давид Авидан, Моше Бен-Шаул, Моше Дор, Натан Зах, Арье Сиван, Биньямин Хрушовски.

«Во главе у нас встал Иеуда Амихай, – вспоминал несколько лет назад один из тогдашних участников группы, ныне известный израильский литературовед Габриэль Мокед. – Он и сегодня наш лидер, в том смысле, что он – национальный поэт и старейший среди нас. Пока он среди нас, мы всегда будем младшими и меньшими» (5).

Общественно-идейная позиция Амихая определилась в самом начале его творческого пути – честность, гуманизм, стремление к миру, любовь к человеку, народу, Иерусалиму, Стране Израиля. В известном стихотворении «Преыдушие поколения» середины 60-х годов поэт выразил свое поэтическое и жизненное кредо фразой «Это обязывает». Он имел в виду, что быть человеком на земле очень ответственно, это требует постоянной честности и мужества:

...B i'adao aai oe m di eae io i ee daaae.

Año ü aie ae i inòe, íà eíò íðúá í aiy

óae íá í ðei óò í í aifðáñó

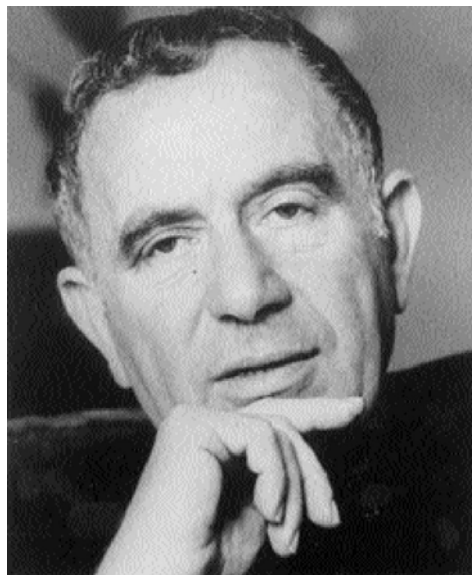
Á Íñáí òèi á í aiy áú í á í ñeàèè

í à ðááí òó

À ñàç í ò í ðáàèèè á í á-ü

Ýò í íáýçíáááò...

Í'adaaia A. Eopetai

Тематическо-стилевое содержание творчества Амихая является в известной мере уникальным, поскольку поэт никогда не становился приверженцем одного художественного направления, не отождествлял себя с какой-то творческой группой. «С точки зрения биографической, – говорил о себе Амихай, – я отношусь к “поколению Палмах”, а с точки зрения литературной – к последующему поколению (“поколение государства”. – А. К.). Так что никогда не принадлежал ни к этим, ни к этим. Я всегда оставался сам с собой» (2). «Амихай, – говорил о нем уже упоминавшийся Хаим Гури, – это не поэт коллектива. Всегда, даже в своих военных стихотворениях он – один» (5).

Амихай является автором длинного ряда поэтических сборников, в том числе:

«На расстояньи двух надежд» (1958), «В общественном саду» (1959), «Стихи – 1948-1962» (1963), «Сегодня в грохоте» (1969), «Не для того, чтобы запомнить» (1971), «За этим всем скрывается большое счастье» (1973), «Время» (1977), «Великое спокойствие: Вопросы и ответы» (1980), «Час благодати» (1982), «От человека ты бежишь и к человеку вернешься» (1985), «Кулак тоже когда-то был открытой ладонью с несжатыми пальцами» (1990), «Страна с открытыми глазами» (1992), «Еще стихи любви» (1994), «Ахзив, Цезаря и одна любовь» (1996), «Открытый – закрытый – открытый» (1998).

Одно из главных и наиболее близких читателю свойств поэзии Амихая – ее актуальность, близость к сегодняшнему дню, доступность восприятия ее языка. Это яркое доминирующее свойство творчества И. Амихая образно отмечал вскоре после 70-летнего юбилея поэта литературовед С. Мерав: «Иеуда Амихай никак не может быть старше нашего государства. Разве не он опубликовал свою первую книгу в 1948 году? Разве не он развивался вместе с нами, с народом, с ивритом?» (1).

Действительно: пейзажи, нарисованные в стихах поэта, населены сразу узнаваемыми образами сегодняшних людей, радующихся и страдающих как сам читатель, герои произведений Амихая говорят тем же разговорным ивритом, что и сам читатель. Персонажи поэта переживают те же коллизии современной израильской истории, которыми живет сегодняшний израильтянин-читатель.

Вместе с тем, поэзии Амихая свойственна очевидная философичная окраска, углубленный подход к казалось бы заурядным предметам и явлениям повседневной жизни, некая собирательность и обобщенность событий, позволяющие говорить о эпичности его поэзии.

À Á-ãæäëíò ì äëáí üëèõ äáòæ

Í îäðîèîâ- ðæá

íî æäëíò òîæá

À é ñòäðèè îí óæá äðáçáí ñòðîæá

× òîá íá ñæçàòü ÷ òî - èðò:á

è èðòæ.

Í îýòîí óîí è íá ÷ àò äáðáí üëàò

Í îëçò è á äðîäò è á äáðáí üëàò,

× òîá äíáðü ÿ ðèáúòü íá ñáðîí üé

יִסִּיעוֹ...

אַהּ עִנְיֹאֵאָרְבֹּ עֹדֵיִיב, יִי יִלְעָוֹ.

יִאֲדִיִּי אֵעֵשׂוּ עֲבָיִיטֵי עֹ יִאֲאֵעֵ

יִי יֵעִינְוִיב יִאֲדֵעֹ עֵ אִיֲאִי,

עֵאֵ אִיֲאִיֲוֹא, ׀ֹיִ אֲדִיִּי עֵאֹ יֵאֵ נֵעֵי אֵעֵעֵ

אַ עִיִּיֹא אֵעֵעֵ, אִיֲאֵעֵ אִיֲדִיֲנֵיִי ...

וֹאֵ דִאָּצֵּאֵעֵי - יֵאִי אֵעֵעֵ יִי, נֵעֵ׃ אִיִּי

אֲדִיִּי עֵ יִיֲנֵעֵיִי אֵעֵ יֵעִינְוֵ... ׀ֹיִ ׀ִיִּי יִ

יֵאִי, ׀ֹיִאֵי, עֹ יִ׀ֹיִ ׀ֹעֵאֵ יֵאִי אֵ -

׀ֹיִאֵ עֵ יִיֵעֵ יֵאֵ יִנְוֵ אֵעֵיִעֵ יֵאֵי

׀ֹיִאֵ צֵאִיֵעֵ ׀ֹעֵעֵ...

יִ אֲדִיֲנֵיִי ׀ֹ אֵעֵ

2

Амихай также является автором трех книг для детей: «Толстый хвост Нумы и все остальное, что случилось на неделе день за днем», «Что случилось с Рони в Нью-Йорке» и «Книга большой ночи», в которой проза сочетается со стихами.

Помимо стихов литератор создал и прозаические произведения, в том числе сборник рассказов «Под этим неистовым ветром» (1961), а также романы «Не сейчас и не отсюда» (1963) и «Кто приютит меня» (1971). Стиль прозаических произведений Амихая отличается свободной, рефлексирующей манерой изложения, изобилующей авторскими раздумьями и лирическими отступлениями.

Несмотря на то что И. Амихай – прежде всего мощный лирический поэт, одно из его прозаических произведений – роман «Не сейчас и не отсюда» сумел занять особое место в современной израильской литературе. Некоторые критики даже называли его в числе самых оригинальных произведений ивритской прозы 60-х годов. Это фактически первая книга новой ивритской литературы, в которой израильский автор решительно порывает с негласной верностью реализму. В этом плане И. Амихай явился провозвестником того, что возобладало в современной израильской литературе два десятилетия спустя. Экспериментальный характер романа «Не сейчас и не отсюда», присущее ему странное сочетание причудливого, гротескного и фантастического делают его более похожим на современные образцы европейской и американской литературы, чем любое предшествовавшее израильское произведение. Вместе с тем, если не считать одного-двух мотивов, заимствованных из поэзии Рильке, здесь трудно обнаружить следы зарубежных влияний. Присутствие Ш-Й. Агнона ощутимо гораздо больше, чем, например, творческое влияние лауреата Нобелевской премии по литературе немецкого прозаика Гюнтера Грасса.

Так или иначе, «Не сейчас и не отсюда» – главная прозаическая книга И. Амихая, поэтический роман в строгом смысле этого слова. В книге очевидна вполне разработанная романная структура, предлагающая читателю убедительное описание социальной среды, длинный список героев и положенную «поступь судьбы», выявляющуюся в сюжете. Однако в основе своей – это лирический роман, потому что он повествует об одном-единственном лирическом герое (по имени Йоэль), который, как и во всяком поэтическом произведении, соотносится с главными проблемами существования – страстями, смертью, скорбью, воспоминаниями, злом, любовью – через рефлексию и борьбу с тенью, образами и проекциями своего внутреннего мира. Даже Патриция, американка, с которой герой вовлечен во вполне прозаическую любовную связь, кажется не столько конкретной женщиной, сколько архетипом – русалкой, Венерой, экзотической амазонкой прерий, быть может экзотической и впечатляющей, но тем не менее архетипичной прежде всего.

Главное формальное новшество романа состоит в расщеплении сюжета на два параллельных действия, объединенных общим героем, который в попеременных главах показан погруженным то в поиски любви (с Патрицией, в Иерусалиме, где рассказ ведется от третьего лица), то в разгадку смерти (в немецком городе, где он родился и пытается нащупать корни Катастрофы, и где повествование ведется от первого лица). Эти переплетающиеся сюжеты связаны сложной системой общих тем и мотивов, хотя их тональности совершенно различны. Немецкий сюжет представляет собой, в основном, внутренний монолог человека, преследуемого кошмарными воспоминаниями, встречающегося с людьми, которые кажутся ему призраками прошлого или галлюцинацией, порожденной его непрерывными размышлениями о прошлом.

Израильтянин Йоэль, потомок европейской еврейской семьи, пытается разобраться в запутанных переживаниях своей взрослой жизни, события которой происходят на фоне неотступно преследующих его воспоминаний о трагедии Катастрофы. То, что произошло с евреями Европы между 1933 и 1945 годами, было таким радикальным разрушением всех координат привычной реальности, что определенное нарушение рациональной логики реализма кажется попросту необходимым, если мы хотим совместить в сознании одного человека довоенную и послевоенную действительность. Йоэль иерусалимский целиком погружен в настоящее, Йоэль в Германии, с его археологическими раскопками немецкой морали, одержим воспоминаниями и убеждается, что прошлое, которое он пытается постичь, в действительности бездонно. Эта двойная сюжетная структура, примененная Амихаем, если и не стала служить образцом для прямого подражания, то она несомненно показала другим израильским писателям, что попытка описать феномен геноцида в рамках литературы, вероятно, требует выхода за границы реалистических условностей.

Роман «Не сейчас и не отсюда» – хотя это уже вторая прозаическая книга Амихая – это работа прежде всего поэта. Как уже отмечалось, ей предшествовал сборник занятных антиреалистических рассказов «Под этим неистовым ветром», густо насыщенных метафорикой и дезориентирующими ассоциативными скачками. После анализируемого произведения Амихай написал еще всего лишь один роман – «Кто приютит меня» – книгу несравненно меньшего масштаба, выдержанную в фарсовом ключе и повествующую об израильтянине, осевшем в Нью-Йорке.

Амихай также является автором пьес «Поездка в Ниневию» (1962), «Колокола и поезда» (1968), «Ничья земля». Он осуществил немало стихотворных переводов с немецкого и английского языков.

И все же поэзия – основной и излюбленный литературно-художественный жанр Амихая, которому он отдавал основное время и силы. «В свое время, – говорил поэт, – проза была очень нужна мне, и я сделал в ней то, что хотел» (2). Амихай был влюблен в поэзию, считал ее жанром неограниченных возможностей и мощных выразительно-эмоциональных средств. «Поэзия не может потерять своего значения в век телевидения и кино, поскольку она всегда будет оставаться языком души человека и, как таковая, будет существовать вечно.» – писал поэт (3). И еще: «...Поэзия может помочь людям побороть душевные и даже физические страдания. Я уверен, что порой хорошие стихи лечат лучше, чем лекарства. Она может просто доставлять радость. Но разве этого мало?» (8, с. 31).

Одна из магистральных тем Амихая – любовь. Причем поэт понимал ее как широчайшее поле человеческой эмоционально-духовной деятельности. «Под любовной лирикой я понимаю не только романтическую любовь, хотя ее роль в поэзии огромна, – а любовь в широком смысле, например, любовь к матери, к детям, к своей земле» (8, с. 32).

Амихай – искренний патриот Израиля, всем своим творчеством выражающий любовь к стране и своему народу, с которыми он прошел долгий и трудный путь.

Èò àé, ñò ðàí à ääèè ò ñý í à í èðáë

áññ'ì è í àí èé

è í à èáàðò àéù í àäáæ áù...

À áñ ò í à ó: àñð èé áñ é í ù

è í à ó: àñð èé ì èðà

íí à í à ääèè ò ñý.

Ðù áð èé í èí'ì - óááæ è ù à

í ò ññ àðýáí à -

áù à óéýæ à ò ñý á í àí ñ í í äðáë, -

ðàçòì áà ò ñý, áñèè æ è áñ é á à ðí à ò ñý.

Ñò ðàí à - ÷ óááñ àý!

Ááæá áðáæ, ÷òí ññ áññò ñòí ðíí

ñò ðáí ó í êðææ àðò,

áá - óéðàø àðò.

Í ðæéá èð ññáðéááò í à ññéí óá

éàé íæ áðáéüá

Ñò ðáí á, íí á - í íññééá ñññò èí óáí è:

çáí áéí ááí à èðáí éí: í í ðíð áá: ááéá

ääáè ò...

Ñò ðáí á - í áéáí üéáý!

Áññ íí á áí í í á óí áñò èé áññ

×òí í áíý ááññ íéí èò, ò àé ýòí -

íí íéçáí èá í í: áí;

í è í á í èá í á çááú ááð í ðí óðí ááí ü

Èéí áðáò á

Óðááí æè ò ýòí.

Á í áú áí, ý ñò ðáí ó í ù óí áð ðáçí í.

Í á óññ ááòü í í ðáí óòü áéáçí í :

í í ðá - áí ééí ú - áí ðú.

È í í ýòí í óý í í áó áññ í í í èòü áññ

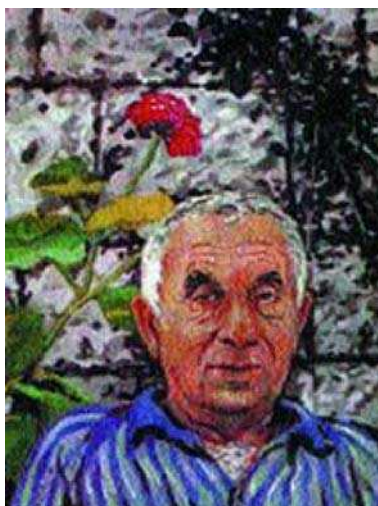
÷òí çááññ í ðé èéð: èéí ññ,

áí èá è áéóí á - èàé áññ í í èí áðò

áíð ññð æèçíü

á í èí óò óññ áðò è!

Í áðááí ä Ò. Ááé

Многие литературоведы и критики отмечают несомненное влияние творчества И. Амихая на современное состояние ивритского поэтического языка. Традиционалисты приписывают это главным образом присутствию «иностранный аромата» в стихах поэта, одинаково близких и английскому, и немецкому языкам. Другие утверждают, что причина в том, что Амихай много занимался творчеством таких поэтов, как Рильке и Оден. Так или иначе, но тот факт, что Амихай (приехавший в Палестину, когда ему уже было 12 лет) позднее, чем евреи – коренные жители страны овладел ивритом в совершенстве, определил и особую приверженность поэта разговорному ивриту со всем его богатством и живостью.

Как это ни удивительно, но более чем кто-либо другой из его современников-поэтов, даже уроженцев Палестины, для которых иврит был единственным языком с момента рождения, Амихай использовал ритм и идиомы повседневной речи. И это значительно обогащало как собственно его поэтический язык, так, опосредованно, через его поэзию – работы молодых ивритских поэтов, его учеников, поклонников и последователей.

Сам поэт говорил так: «...мои поэтические корни – в ТАНАХе, в Мишне, в средневековой еврейской классической поэзии. Не знаю, могу ли я назвать поэтов Золотого века – Иеуду Алеви, Шломо Ибн-Гвириля, Авраама Ибн-Эзру – своими учителями, но их поэзия меня многому научила» (8, с. 33).

4

Творчество и личность И. Амихая по-прежнему занимают заметное место в культурно-художественной жизни Израиля. «Поэзия Амихая, – отмечает литературный критик М. Глозман, – превратилась в очень влиятельный фактор, в неотъемлемую часть общественной жизни в Израиле» (6). В 1999 году семидесятипятое юбилейное десятилетие этого мастера ивритского стиха широко отмечалось в литературных кругах страны. К юбилею поэта вышло немало литературоведческих статей с анализом его творчества. Некоторые израильские газеты выпустили специальные литературные приложения с рассказом о жизни и творчестве поэта. Одна из статей была названа очень символично – «Хаим-Нахман Амихай»... Литературные вечера, на которых чествовали Амихая, прошли в Германии и США. В Оксфорде был проведен трехдневный международный научный семинар, посвященный творчеству национального поэта современного Израиля.

Любопытно отметить, что сам Амихай был лишен излишней скромности и не упускал возможности публично заявить о своем видном месте в ивритской словесности. Так, еще в 1988 году он прямо сказал, что считает себя реальным кандидатом на получение Нобелевской премии по литературе (См., например, 5). В 1994 году накануне своего семидесятилетия поэт вновь повторил: «Я знаю, что я серьезный кандидат на Нобелевскую премию» (1). Ранее Амихаю также не раз доводилось публично и без стеснения высоко отзываться о себе самом фразами типа: «Я – пророк в своем отечестве, да и не только в своем» (там же).

Вместе с тем, по свидетельствам друзей и знакомых, Амихай был простым и доступным человеком, чуждым всякой позе, снобизму и богемности мира литературы и искусства. «...Я живу не в академическом, а в реальном, живом мире, – говорил Амихай (8, с. 32). – Меня, как, впрочем, и многих других, поэтом сделала жизнь. Я пишу стихи, прежде всего, для самого себя» (8, с. 30). Внешние атрибуты таланта и идейной власти не были ему нужны. «Озабоченность вечностью, – как-то сказал он, – это неинтересно, это XIX век» (7).

Долгие десятки лет, даже уже будучи известным поэтом, Амихай зарабатывал на жизнь, работая учителем в школе. В отличие от многих своих коллег он не считал, что общество и государство обязаны поддерживать или даже содержать художника. «А еще хуже, – считал поэт, – если в комиссии вместо чиновников сидят художники и писатели, тут таланту и вовсе не пробиться» (там же).

...Еще в мае 1999 года, отмечая свое 75-летие, патриарх современной ивритской поэзии был полон творческих сил и энергии: «Я чувствую, что моя душа осталась молодой...» (3). Об этом ярче всего свидетельствовали его стихи: последняя из поэтических книг Амихая («Открытый – закрытый – открытый») оставляла впечатление, что ее автор – молодой поэт. «Амихай, – писал тогда уже упоминавшийся М. Глозман, – поэт середины своего восьмого десятка, написал книгу, полную удивительных моментов, юмора, музыки, языковых новаций. Но что особенно поражает – это насколько молода эта книга» (6). Однако вскоре у поэта обнаружили тяжелую неизлечимую болезнь... Это случилось в США, где Амихай читал курс лекций по литературе в одном из университетов. Говорят, что, узнав страшный диагноз, Амихай опустил на пол, сжал голову руками и застонал, раскачиваясь. Изведавший немало трудного в своей долгой жизни, видевший достаточно смертей и трагедий, сильный и мужественный человек, поэт оставался жизнелюбом, не хотел покидать мир, где все для него было дорого и полно смысла. В этой связи показательны воспоминания израильского русскоязычного литератора Александра Окуня, много лет знавшего Амихая и дружившего с ним. Окунь вспоминает: «Боишься ли ты смерти?» – спросил я его несколько лет назад. Йегуда пожегил и сказал: «Конечно, боюсь, даже на войне есть шанс уцелеть, а здесь... Что ж, если делать нечего, то по крайней мере встретить достойно» (7). И Амихай мужественно сражался с тяжелым недугом, по мере возможности появляясь на людях и даже давая интервью. Он умер 22 мая 2000 года и был похоронен в Иерусалиме на кладбище Санедрия.

И. Амихай был лауреатом многочисленных литературных национальных, зарубежных и международных премий, он является самым переводимым и издаваемым за рубежом израильским поэтом. На конец 1998 года на более чем двадцати языках народов мира осуществлено уже 74 (!) издания различных его книг (4). В России издан целый ряд стихотворений Амихая – в сборниках «Поэты Израиля» (М., 1963) и «Современная поэзия Израиля» (М., 1990), альманахе «Ковчег» (М., 1991), хрестоматии «Тридцать три века еврейской поэзии» (Екатеринбург, 1997) и сборнике «Мир да пребудет с вами» (М., 1998).

Список литературы (на иврите и русском)

1. Зман Тель-Авив

(Тель-Авив), 01.04.94.

2. Едиот ахронот Тель-Авив,

(далее Т.-А.). 06.05.94.

3. Едиот ахронот. 14.06.96.

4. Йом шиши (еженедельн. прилож.

к Едиот ахронот). 01.01.99.

5. Коль а-ир. Т.-А. 29.04.94.

6. Сфарим (еженедельн. прилож.

к газете «А-арэц»). Т.-А. 04.11.98.

7. Окна (еженедельн. прилож. к газете «Вести»). Т.-А. 28.09.2000.

8. Хаим Венгер. Пророки

в своем отечестве:

Беседы с писателями Израиля. Иерусалим, 1998. 350 с.

СЕСТРЫ БЭРРИ

История с послесловием

Ààëí òèíà Píñà

Великий фра Леонардо был не только великий мудрец и художник, но и великий мастер изысканных развлечений.

Он советовал: «Если ты хочешь отравить для кого-то плоды яблони, персика, сливы или лозу винограда, – возьми тогда тонкий бурав и сверли им ствол до сердцевины. Затем положи состав – такой, как я говорю...»

Но лучше я расскажу вам про Анну Марковну Лахман.

Она глядит на меня из того коммунального мира, где бельевые веревки вяжутся сами собой в гордиевы узлы, где в чулане пахнет опилками, а на кухне хрипят керосинки.

Силы небесные! Керосинки!..

А газ?.. Был тогда газ или не был?.. Спрашиваю себя – и не могу ответить.

Вероятно, об этом времени еще будут писать по-другому, раскручивая по звеньюшку. Что такое, к примеру, «жировка»? Или «дрова по талонам»?.. И так далее. По номерам. По инвентарному списку.

И я стану как бы реликвией середины двадцатого века, где готовили на керосинках.

Я в булочных ошибаюсь: «Мне – батон за два девяносто». Меня все время подводит моя хорошая память. Я живу по старым расценкам.

Анна Марковна Лахман была нашей ближайшей соседкой.

Нас от нее отделяла тонкая перегородка. Супруг Анны Марковны, Берл, Борис Давидович, ворочался на диване – и фанера трещала и гнулась. В нашу сторону. Пузырем.

Нам было слышно все, что они меж собой говорили, особенно по ночам.

Но я никогда не слыхала за фанерой слова «еврей».

Анна Марковна была маленькой, чуть полной, изящной женщиной. Она не готовила цимес, не праздновала субботы, ее речь была чистой и правильной.

И все же я удивляюсь, как она прожила свою жизнь – и с ней, Анной Марковной, ничего не случилось.

Впрочем, случилось. Однажды. Случилось – и пронесло.

Врач Анна Марковна Лахман служила в Кремлевской больнице. У нас все об этом знали. Больше. Этим гордились.

Я, мелкота, представляла, как по длинному коридору, мимо черных холодных кушеток, там, в серой бетонной коробке, что сразу за «Военторгом», стуча звонкими каблучками по шашечкам ослепительного паркета, бежит наша Анна Марковна – и крахмальный белый халат, распахнувшись и развеваясь, еще добавляет полета к ее милосердному бегу. В руках – чемоданчик... Или – шприц... Или что еще... И вот она входит в палату и склоняется над больным... Я знаю его по портретам, по кинохронике...

И так далее. Не продолжаю.

Поэтому двор с уважением наблюдал каждое утро, как рыженькая еврейка привычно спешит на службу, помахивая чемоданчиком.

Но времена повернулись. Был выявлен некий заговор, о котором теперь все известно, и многие тогда перестали здороваться с Анной Марковной.

Так вот, это было, наверно, весной – сейчас уже не припомню, – доктор Лахман бежала в больницу, а навстречу ей из парадного выскочил Сашка Глот в голубых теплых кальсонах и в тельняшке без рукавов, сожитель домоуправши, щеголявший морскими наколками на длинных белых предплечьях. Он выскочил, хлопнув дверью, и заорал, как в припадке:

– А-а, жидовская морда!..

Лахман остановилась, как будто его ждала. Сквозь пудру на нежных щеках проступили красные пятна.

– А-а, жидовская морда!.. Матроса... ядами травишь!.. – И сунув под нос кулак, вдруг, точно ловкий фокусник, раскрыл его, показывая на вялой ладони маленький желтый пакетик. – Вот оно, лекарство!.. На, жри сама, пробуй!.. При людях жри, при людях!

Трясущимися руками Анна Марковна развернула аптечную упаковку.

Когда же все это было?

А?

В тысяча восемьсот?..

Столетием просчитались.

В тысяча девятьсот...

Я все это видела здесь, в Олсуфьевском переулке.

Анна Марковна выронила чемоданчик. Он распахнулся. И оттуда посыпалось что-то: баночки, склянки, пакетики... Стетоскоп... И цветные бумажки, на которых – рецепты.

Меня тогда поразило, что бумажки цветные. Синие, красные, желтые...

Это было как доказательство. Как улика. Как кровь на ноже...

Прибежала домоуправша. Анну Марковну отпустили. И Глот, подвернув кальсоны, пошел досыпать – досматривать жаркий матросский сон.

Не стану рассказывать дальше.

Прошел еще целый год.

Ту женщину – Тимашук – уже осудили в газетах и отобрали орден и все, что к нему полагалось... Может быть, по ночам эта глупая тетка выла и билась толстым лобиком в спинку кровати... Не знаю. Не говорю.

А мы знай копили слухи. И медленно соображали. А кремлевская Анна Марковна возвращалась домой только поздним вечером, когда все уходило спать.

Но однажды пришла рано. Днем. Хотя день уже близился к вечеру. Будь он, день, женского рода, я бы сравнила его с рябиной, что клонится к дубу...

Помню точно: август тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Небо почти зеленое. Цветут золотые шары. Стрижи летают над тополем. Дворники отдыхают на лавочке у ворот.

Тогда Анна Марковна Лахман – прямой, нетрезвой походкой, чуть качаясь на каблуках, – вышла из переулка. Шла, не глядя на нас, и за плечами ее, как бурка на Чапаеве, развевалось темное знамя победы, ярости, торжества. На черном жакете, над высокой и крепкой грудью, на чуть оттопыренном лацкане, светился новенький орден.

Орден Ленина. Вроде бы так... А может быть, «Знак Почета»...

Она прочеканила мимо. Мимо нас. Ровной и жесткой поступью. К своему балкону первого этажа, что выходил на пологий, желтого мрамора, пандус. Рванула балконную дверь. Звякнули пыльные стекла, обвалилась замазка. Отшвырнула портьеру вбок...

И тотчас навстречу ей запел-закричал патефон.

Он кричал, как мне показалось, по-еврейски. Древняя речь хлестнула меня по щеке.

Пели носатые, рыжие, как Анна Марковна, женщины... Приплясывали и пели, и поводили ручками... До сих пор все живое во мне плачет и просится жить, когда я слышу опять нездешние те голоса...

Сестренки-американки с киевской фамилией Бейгельман, где родной дедушка выпекал бублики – бейгелах...

Но Анна Марковна Лахман сказала мне, маленькой девочке, сказала, что сестры-близнецы Бэрри – Мерна и Клара – негритянки, ученицы верного друга нашей страны Поля Робсона, от которого переняли отдельные русские слова и выражения:

Ñòîþ îäëí íà öëëöá

Áí íëòîí-ëë íðîí îé,

Ëöíè, éöí èòá ááé ñéáö,

Ëöíè èòá ó í áíÿ!

О, бейгелах!.. Силы небесные!

Анна Марковна Лахман, врач первого отделения Кремлевской больницы, праздновала получение правительственной награды.

И я впервые услышала еврейскую речь. И полюбила прелесть еврейской песни. Тогда же я поняла неоднозначность жизни.

Даже сейчас в моем русском горле застревает слово «еврей»...

Нет, я – ничего. Но оно застревает. Пробкой. Тем загустевшим составом, что забуравлен в ствол моего сердца.

Я – дерево. Живу и старею. А где-то там, в сердцевине, – чужая родная песня. Она жжет, и крошит, и рвет душу пополам.

Мне надо сделать усилие, чтобы вытолкнуть на поверхность нормальное слово «еврей». Звук, болезненный, как порез. И чем ни смазывай – раскрывает крошечный алый ротик.

О, бейгелах!

А Леонардо да Винчи – он был большой человек. И ко всяким таким вопросам относился спокойно.

Было время, этот рассказ мне, Вале Юсовой, даже нравился. Но я почему-то никому его не показывала.

Никогда.

Прошло три десятка лет.

Недавно я поняла, что рассказ лукав и не полон. Ибо есть история, о которой я умолчала. Очень обыкновенная. Сейчас расскажу.

19 апреля 1945 года, ночью, мама моя разбудила нашу соседку Анну Марковну Лахман. Та осмотрела шестилетнего Сашу Юсову, тотчас определивши: острый пиелонефрит. И направила нас во вторую градскую, в пятую терапию.

Куда мама и привезла завернутого в одеяльце старшего моего брата.

Сашенька не кричал. Его только всего поводило и корчило. Одеяльце разматывалось. Мать поправляла.

Пришла сонная медсестра. Взяла у мамы ребенка и унесла за дверь, в длинный пустой коридор, по которому долго шла, открывая и закрывая тяжелые гулкие двери.

Регистратор дала маме справку на службу и велела прийти рано утром с тепленькими носочками и питанием «на первый прием».

И мать побежала домой, потому что одни были дочери – годовалая я и Галя, ученица третьего класса.

А отец наш, сержант Коля Юсов, был в это время в Венгрии, под Секешфехерваром, где еще шли бои.

Утром, в полседьмого утра, мама была в больнице с носочками и штанишками и пятьюдесятью граммами сахара.

Но их у нее не взяли, потому что Сашеньки Юсова в указанной пятой терапии не нашли.

А нашли его в пятом боксе, где лежали со скарлатиной.

И 26 апреля 1945 года маме снова выдали справку, теперь уже для крематория, где лиловыми чернилами и толстым пером-«солдатик» четко прописано, что Александр Николаевич Юсов, поступивший туда-то тогда-то, умер от скарлатины во столько-то такого-то числа. Закорючка врача, печать.

И стеклянные негативы, где, если смотреть на свет, то Саша лежит на подушечке с аккуратной причесанной челочкой, а из-под век у него чуть виднеется что-то белое, спекшееся, какая-то будто пенка...

В день, когда его хоронили, взяли тот самый венгерский город. Вечером был салют в папину честь. И моя мама плакала. Как плакала после всегда, при любом салюте.

Но дело даже не в этом.

А в том, что мама моя задумалась: как же так? Почему так совпало и так ужасно случилось, что сын ее, маленький Сашенька с белой пушистой челочкой, так страшно похожий на мужа, вдруг взял да умер. И его нет.

Она долго-долго и молча-молча думала. Только об этом.

И вот как раз в те времена, о которых теперь все знают, как о «процессе врачей, сфабрикованном сталинской кликой...» и как раз в то самое утро, когда Анна Марковна спешила к себе в больницу, моя мать вышла во двор и была среди тех, кто видел, как врачиха стоит перед Глотом и, развернувши желтый пакетик, глотает не морщась лекарственный порошок... а Глот вдохновенно орет:

– Сама жри! При людях! Матроса... ядами травишь! Всех мальчиков потравили!

Вот она, эта фраза. Так он и произнес: всех мальчиков потравили...

Г-споди, если Ты есть, прости моей маме то дьявольское озарение, которое вдруг посетило измученный ее ум.

...и все перед ней открылось.

...и ясно, как солнце, представилось.

И до конца своей жизни мама моя твердо знала, что сын ее — — —

И так далее.

Лучше не повторять.

Àì àñòî î ññàññîñæÿ

(î î éî èññî Bèî àà Ýò èî ààðà «Ýò î í àññî çî î æ î î ç à à ù ò ù»)

13 января 1953 года, когда опубликовали сообщение ТАСС об «аресте врачей-вредителей», навсегда сохранится в памяти еврейского народа. Как разрушение первого Храма, как вавилонское пленение. Как погромы во времена Крестовых походов. Как изгнание с Пиренейского полуострова и гайдамацкая резня на Украине. Как ритуальные процессы и Холокост.

Вместе с тем антисемитизм сталинского режима есть признак глубокой духовной деградации. Ибо, в конечном счете, направлен не только против евреев. Он разлагает, развращает и отравляет все общество. Если сегодня можно травить нас, то завтра – кого угодно. Любую другую этническую или социальную группу. Любую часть населения. Антисемитизм – по сути – геноцид против всех.

ГОЛЕМ

Èñàé Ààààèñ-Çèí àìð

*Í ññÿùàþ ÿòóéí èáó àñàì ì ðàñéááóàì ùì è áñ àòáí í ùì íà çàì èá ì ìèíáùì
è ñòáòùì, ááðÿì è íáááðÿì, òáé èáé áí ñèð í íð í á í íòáðÿé í áááéáó ÷ òí áðáì ÿ
íáéùáéí ùò íááéí áí èé è í áí ðááááí ùò ññáíá ðáí í èéè í íçáí í ìðéááò*

È.Á.Ç

Примечание автора.

Историю Голема я опубликовал на идише в газете “Форвертс” в 1969 году. Осенью 1981 года я осуществил ее перевод на английский, в процессе чего внес много изменений, как делаю всегда.

В те времена, когда раввином в старой Праге был знаменитый кабалист рабби Лейб, евреи подвергались гонениям. Император Рудольф Второй, человек ученый, был нетерпим ко всем, кто не принадлежал к католической вере. Он преследовал протестантов и еще более того – евреев, их нередко обвиняли в том, что будто бы они используют христианскую кровь для приготовления пасхальной мацы. Почти все люди знали, что обвинение это лживо, что еврейская религия запрещает употреблять в пищу кровь животных, не то что людей. Но каждые несколько лет речь об этом заходила снова. Если у кого-нибудь из христиан пропадал ребенок, враги евреев сразу же заявляли, что его убили, чтобы добыть кровь для мацы. И не было недостатка в лжесвидетелях. Невинных людей казнили, и нередко случалось, что пропавшее дитя потом отыскивалось, живое и невредимое.

Рабби Лейб был великий талмудист, мистик и чудотворец. Он умел исцелять больных с помощью сверхъестественных сил, пользуясь разными талисманами и камнями. Если власти хватили ни в чем не повинного человека из его общины, он спешил предоставить доказательства его невиновности. Многие верили, что в трудные для его людей времена рабби Лейб мог призывать на подмогу ангелов, а также демонов и гоблинов.

В Праге жил один богач по имени граф Ян Братиславский. Вернее, он когда-то был очень богат, владел большими поместьями и сотнями крепостных крестьян, но все это он пропил, проиграл в карты и растратил на свары и раздоры с соседями. Жена его так страдала от такого позора, что в конце концов заболела и умерла, оставив маленькую дочку Ганку.

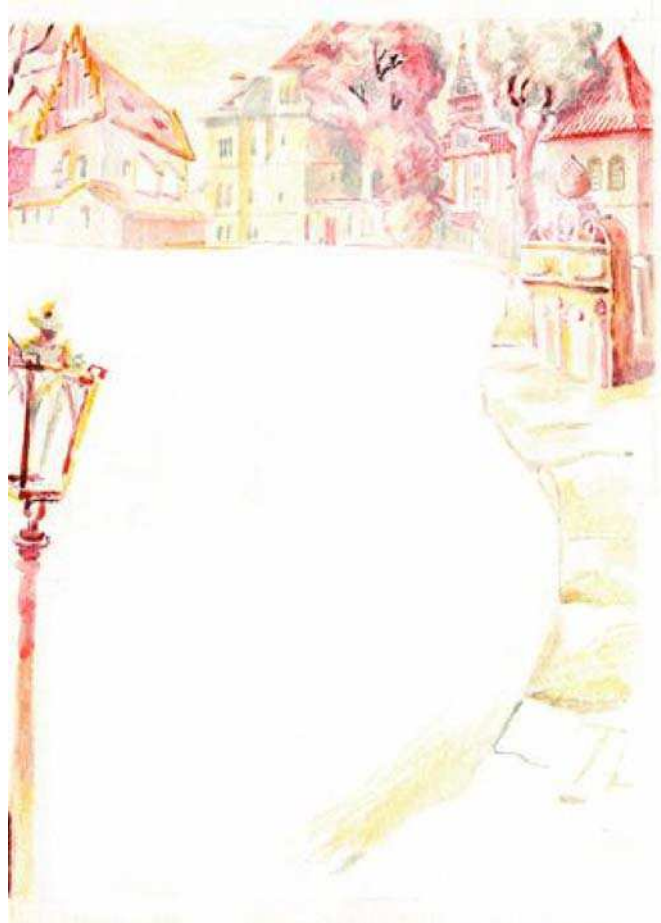
В это же время жил в Праге еврей, которого звали Элиэзер Полнер. Он был проникательный и предприимчивый делец, и хотя жил в гетто, сделался в конце концов банкиром и был хорошо известен не только в Праге, но и по всей Европе. Реб Элиэзер славился также своей благотворительностью, он щедро помогал в нужде как евреям, так и христианам. Был он уже в годах, лет шестидесяти, и имел длинную серебристо-белую бороду. Даже по будням он ходил в собольей шапке и в долгополом шелковом лапсердаке, перепоясанном широким кушаком. У реб Элиэзера был большой дом, женатые сыновья и

замужние дочери и целый выводок внуков. Он был на свой лад человек ученый, имел обыкновение вставать каждый день на рассвете и до полудня молиться и читать Тору и Талмуд. И лишь после этого отправлялся в банк заниматься делами. Жена его Шейндл происходила из почтенной семьи и была такой же б-гобязанной и добросердечной, как и муж. Она ежедневно посещала богадельню, приносила бедным и больным хлеб и горячую похлебку.

Граф Братиславский, постоянно испытывая нужду в деньгах, распродал свои земельные владения и лесные угодья, а также своих крепостных крестьян, которых тогда, в конце XIV столетия, покупали и продавали, как скотину. В банке у реб Элизера он задолжал большие суммы, и кончилось тем, что реб Элизер вынужден был отказать ему в дальнейших ссудах.

В тот год весь месяц март, который пришелся примерно на еврейский месяц Нисан, граф день за днем и глубоко за полночь играл в карты. Он проиграл своим богатым партнерам все золотые дукаты, что лежали у него в кошельке. И желая отыграться, пустился играть в кредит, для чего подписал обязательство заплатить в трехдневный срок все, сколько останется должен. А нарушить подобный зарок почиталось в кругу игроков страшным позором. Не однажды случалось, что игрок, не сумевший заплатить долг, пускал себе пулю в лоб.

Подписал граф Братиславский эту бумагу и продолжил игру с еще большим азартом, то и дело прихлебывая вино и куря табак. И когда игра закончилась, он оказался должен семьдесят пять тысяч дукатов. Однако граф был слишком пьян, чтобы осознать, что он натворил. Он возвратился к себе в замок и проспал много часов подряд. И только проснувшись утром, уразумел, что произошло. У него больше не было и семидесяти пяти дукатов, не то что тысяч. И все его владения были проданы или заложены.

Жена графа Хелена, умирая, оставила своей маленькой дочери Ганке очень много драгоценностей общей ценой более чем в миллион дукатов. Наследство находилось под опекой суда, так как графу Братиславскому доверить эти сокровища было нельзя. Согласно завещанию матери их должны были передать Ганке, когда той исполнится восемнадцать лет.

Протрезвев, граф Братиславский впал в глубокое отчаяние. Он слишком любил жизнь, чтобы покончить с собой. И хотя он знал, что у реб Элизера он больше кредита не имеет, он тем не менее велел кучеру закладывать карету и везти его в банк реб Элизера в гетто. Когда же он назвал сумму, которую желает получить взаймы, реб Элизер ему сказал:

– Ваша светлость, вы же отлично знаете, что вернуть такой долг не сможете никогда.

– Но мне нужны эти деньги! – закричал на него Братиславский.

– Очень сожалею, но в моем банке вы их получить не сможете, – спокойно ответил реб Элизер.

– Проклятый еврей! Я их все равно раздобуду, не так, так эдак! – завизжал разъяренный граф. – И ты дорого заплатишь за свою наглость: отказать в ссуде мне, великому графу Братиславскому!

С этими словами граф плюнул реб Элизеру в лицо. Реб Элизер кротко утерся платком и сказал:

– Прошу прощения, граф, но вам не следовало играть по таким высоким ставкам и подписывать долговое обязательство, которого вы не в состоянии исполнить.

– Будь спокоен, деньги я достану, а ты тем временем будешь гнить в темнице и кончишь жизнь на виселице. Попомни мои слова.

– Жизнь и смерть в руке Г-спода, – ответил реб Элизер. – Если мне будет суждено умереть, я смиренно приму Б-жий приговор.

Граф Братиславский вышел вон и, возвратившись к себе в замок, принялся обдумывать, как ему решить две задачи: достать денег для уплаты долгов и отомстить еврею. Вскоре он измыслил дьявольский план.

До Пейсаха оставалось всего две недели, и евреи Праги пекли мацу. Минувшая зима была необычайно суровой, но с наступлением месяца Нисана задули теплые ветры весны. У реб Элизера было заведено на ночь перед сном изучать Мишну – свод еврейских законов. В этот раз он выбрал раздел, где излагается, как печь мацу, готовиться к Седеру, читать Агоду и выпивать четыре кубка освященного вина. Несмотря на то что после исхода из Египта прошло больше трех тысяч лет, евреи во всем мире сохранили память о том, как они были рабами у правителя египтян, как Б-г даровал им свободу.

Вдруг послышались тяжелые шаги на крыльце и грубый стук в дверь. Слуги и служанки уже все легли спать. Реб Элизер сам отпер дверь и увидел солдат с обнаженными мечами в руках. Капрал, их предводитель, спросил:

– Это ты – еврей Элизер Полнер?

– Да, я.

– Наденьте на него цепи, и поведем его, – распорядился он.

– Но в чем дело? Какое преступление я совершил? – в недоумении спросил реб Элизер.

– Это тебе скажут позднее. А пока идем.

Ту ночь реб Элизер провел в темнице. Утром его привели к дознавателю, куда доставляли только самых опасных преступников. Здесь реб Элизер увидел графа Братиславского и еще нескольких людей, среди них один был по виду пьяница и с ним женщина, кося на один глаз и с лицом в бородавках. Дознаватель объявил:

– Еврей, ты обвиняешься в том, что забрался ночью в дом нашего досточтимого графа Братиславского и выкрал его малолетнюю дочь Ганку с целью убить ее и использовать ее кровь для печения мацы.

Реб Элизер побелел лицом.

– Я не имел чести бывать у графа в замке, – произнес он сдавленным голосом. – Все ночи я провожу дома. Это могут засвидетельствовать моя жена, дети, зятя, невестки и все мои слуги.

– Эти люди – евреи, – сказал дознаватель. – А здесь у нас находятся двое свидетелей-христиан, которые своими глазами видели, как ты пробрался в графский замок и уволок его дочь в мешке.

– Кто эти свидетели?

– Вот они. – Дознаватель указал на пьяницу и на женщину с бородавками. – Расскажите, что вы видели? Начни ты, Стефан.

Было видно, что Стефан плохо соображает спьяну, хотя было раннее утро. Он переступал с ноги на ногу и говорил запинаясь:

– Вчера ночью, то есть позавчера, то есть нет, это было третьего дня, я услышал шум в комнате Ганки. Зажег свечу, заглянул. Вижу, там стоит вот этот еврей, в одной руке у него нож, в другой – мешок. Он закинул Ганку в мешок и пошел вон. И я слышал, как он бормотал себе под нос: «Ее горячая красная кровь как раз подойдет для нашей мацы».

– Как же ты допустил, чтобы я унес дочь графа, не заступившись за нее, и не поднял на ноги весь замок? – дрогнувшим голосом спросил реб Элизер. – Ты же моложе и крепче меня.

Стефан стоял, забыв закрыть рот и спрятать язык. Вытаращенные глаза его бегали, ноги подкашивались, он еле устоял, держась за стену.

– Ты, еврей, угрожал мне ножом.

– Ваша честь, разве не видно, что все это – бесстыдная ложь? – сказал реб Элиэзер. – Начать с того, что евреи вообще не употребляют в пищу кровь. Кроме того, по закону Моисея, мацу пекут только из муки и воды, и ничего больше добавлять нельзя. И потом, почему бы я, человек шестидесяти лет, банкир, один из старейшин своей общины, стал совершать столь вопиющее злодейство? И в безумии должна быть какая-то логика.

– Барбара вот тоже там была и тебя видела, – пробормотал Стефан.

– Что ты видела, Барбара? – задал вопрос дознаватель.

Женщина сощурила глаз.

– Видела этого еврея. Открываю дверь, смотрю, он запихивает Ганку в мешок.

– И ты не позвала на помощь? – развел руками реб Элиэзер.

– Я тоже побоялась твоего ножа.

– А потом почему не подняла тревогу?

– Не обязана я отвечать тебе, подлый убийца! – завизжала Барбара и замахнулась кулаком.

– Ваша честь, граф Братиславский обращался ко мне недавно с просьбой об очень большой ссуде, и я вынужден был ему отказать, так как он и без того уже задолжал мне и моим компаньонам изрядную сумму, которую не в состоянии возвратить. В ответ он пригрозил, что я сгнию в темнице. Это попытка мне отомстить.

– Ложь, ложь, все ложь! – закричал граф. – Никогда я не просил у него денег. Еврей Элиэзер – просто-напросто хладнокровный убийца, и больше никто. Его надо пытать и повесить, а заодно и всех, кто соучаствовал в его гнусном преступлении.

– Ваша честь ... – попробовал было возразить реб Элиэзер.

– Молчи, еврей! Имеются два свидетеля, которые показывают, что ты совершил преступление, и этого достаточно. Лучше признайся, с кем ты замышлял свое черное злодеяние. А если вздумаешь отпираться, у нас есть много способов вырвать правду из твоих уст, безжалостный убийца! – прорычал дознаватель.

– Видит Б-г в небесах, я ни с кем ничего не замышлял. Я не выхожу из дома по вечерам, так как уже немолод и плохо вижу в темноте. И выкрасть ребенка из кровати я способен не более, чем способен ходить вверх ногами. Заклинаю вас, ваша честь, подумайте, как абсурден такой приговор, как он дик, нелеп, жесток...

– Не о чем тут думать. Кто ждал тебя с выкраденной девочкой на улице? Куда ты ее унес? Как лишил жизни?

– Все что я могу сказать, это что я, как обычно, находился в тот вечер дома. И не делал ничего худого.

– Ох уж это вечное еврейское упорство! – воскликнул граф Братиславский. – Их ловят на месте преступления, а они все равно норовят отрицать свою вину. Быть тебе повешенным, еврей! И даже твой Б-г не в силах тебя спасти.

– Вы можете говорить про меня, что вам вздумается, граф, но не богохульствуйте. Б-г в силах нас спасти, если мы того заслуживаем.

– Да? Что же он не порвет твои цепи? – стал издеваться граф Братиславский. – Почему не поразит меня молнией и не убьет?

– Не вам, граф, советовать Г-споду, как Ему поступить, – ответил реб Элиэзер Полнер.

– Я присуждаю содержать еврея Элиэзера Полнера в темнице на хлебе и воде и подвергать его пыткам, покуда он не признается, что сделал с беззащитной крошкой и кто ему помогал в этом мерзком преступлении, – провозгласил дознаватель.

Солдаты увели реб Элиэзера и бросили в темницу. Свидетелей Стефана и Барбару тоже вывели из судебного помещения. Граф Братиславский подмигнул и ухмыльнулся им на прощание.

Оставшись наедине с дознавателем, Братиславский сказал:

– Теперь, когда смерть Ганки подтверждена в суде, я, ее единственный наследник, должен безотлагательно вступить во владение всем ее богатством.

– Повремените немного, – возразил дознаватель. – Пусть сначала утихнет шум. Как раз у этого еврея много друзей, в том числе и среди христиан. Едва ли кто из них поверит, что старый банкир пробрался среди ночи в ваш дом и вынес в мешке вашу малолетнюю дочь. Приговор могут обжаловать в высшем суде. Я не исключаю даже, что у этого еврея могут быть доброжелатели в императорском дворце. Еврей еще жив, и пока он не признается, его нельзя будет повесить. Так что наследства Ганки вам придется подождать.

– Не могу я ждать, – возразил граф. – На карту поставлена моя честь. Если я немедленно не заплачу долг, имя мое навеки покроет позор.

Дознаватель язвительно усмехнулся.

– Ваше имя покрыл позор в тот день, когда вы родились на свет.

– Мое имя останется незапятнанным в числе первых имен Богемии, – хвастливо возразил граф Братиславский.

– Время покажет.

Братиславский с инквизитором еще долго переговаривались и шептались. Хотя они назывались христианами, ни тот, ни другой в Б-га не верили и не почитали Его

заповеди. Деньги, карты, вино, азартные игры и разные досужие удовольствия – вот что составляло смысл их жизни.

Среди пражских евреев всех более был огорчен известием об аресте реб Элиэзера почтенный рабби Лейб. Он всю жизнь ждал пришествия Мессии, который спасет мир от страданий и пороков. Тогда свет Г-споден наполнит всякую душу, всякое сердце. Даже хищные животные перестанут пожирать других животных, волк будет мирно жить бок о бок с ягненком. Б-г возвратит Свой народ в Святую землю, в Иерусалиме будет снова возведен священный Храм, и воскреснут мертвые.

Но вместо всего этого – такое ужасное, подлое обвинение против одного из самых уважаемых членов общины! Рабби знал, что теперь последуют аресты и скоро пражский палач начнет строить виселицу и готовить веревку для предстоящей казни.

Ровно в двенадцать часов ночи рабби Лейб поднялся для вознесения полуночной молитвы. Как всегда, он посыпал голову пеплом и принялся оплакивать разрушение Храма в стародавние времена. Пролил он также слезы и по поводу нынешнего несчастья, постигшего реб Элиэзера Полнера и всю еврейскую общину.

Тут вдруг отворилась дверь, и вошел низкорослый человечек в латаном лапсердаке, перепоясанном веревкой, и с котомкой за плечом, как носят нищие. Рабби Лейб удивился. Ему казалось, что он запер дверь на засов перед тем, как приступить к молитве, но оказывается, дверь была не заперта. Рабби Лейб прервал молитву и протянул незнакомцу руку, так как гостеприимство в глазах Б-га драгоценнее молитв. Он приветствовал вошедшего словами: «Шолом алейхем», что значит: «Мир вам», и спросил:

– Чем могу быть вам полезен?

– Спасибо, мне ничего не надо, – ответил тот. – Я скоро уйду.

– Среди ночи?

– Да. Я скоро должен буду проститься.

Рабби Лейб пристальнее взгляделся в гостя и понял, что это не обыкновенный бродяга, каких много. Рабби Лейб прочел в его глазах такое выражение, которое можно увидеть только в глазах у великих людей, и только великие люди могут его распознать: сочетание любви, достоинства и страха Б-жьего. Рабби Лейб догадался, что перед ним – один из тридцати шести тайных праведников, – благодаря их заслугам, как гласит предание, стоит мир. Никогда еще рабби Лейб не удостоивался встречи с таким важным человеком. Он склонил голову и сказал:

– Достопочтенный гость, у нас в Праге случилась большая беда. Наши недруги готовятся погубить нас. Мы все охвачены горем.

– Я знаю, – ответил пришелец.

– Как нам быть?

– Сделайте голема, и он вас спасет.

– Голема? Как это? Из чего?

– Из глины. Изобразите у него на лбу одно из имен Б-га, и силой этого священного имени голем какое-то время проживет и исполнит свое дело. Имя ему будет Йосеф. Только позаботьтесь, чтобы он не впал в грехи плоти и крови.

– Какое Священное Имя должен я изобразить? – спросил рабби Лейб.

Незнакомец достал из нагрудного кармана кусок мела и на обложке молитвенника начертал еврейские буквы.

– Теперь я должен уйти. Смотрите только, чтобы все это осталось тайной. И пользуйтесь големом лишь для помощи евреям.

Рабби Лейб не успел вымолвить ни слова благодарности, а уж маленький человечек исчез. И только теперь рабби заметил, что входная дверь-то как была, так и оставалась все это время заперта на засов. И стоя перед запертой дверью, рабби затрепетал и произнес благодарственную молитву за то, что Б-г послал к нему небесного вестника.

Святой человек велел рабби хранить в тайне его посещение и изготовление голема, однако рабби Лейб понимал, что и в этом деле ему никак не обойтись без помощи Тодруса, синагогального служки. Тодрус служил рабби Лейбу уже сорок лет и был посвящен в множество тайн. Крепкий, сильный, он был беспредельно предан рабби. Ни жены, ни детей у него не было, вся его жизнь состояла в услужении рабби. Он жил в доме рабби, спал под дверью в его кабинет и был всегда готов явиться по его зову даже среди ночи. Рабби Лейб тихонько стукнул в дверь и шепотом позвал:

– Тодрус.

– Что вам угодно, рабби? – сразу же проснувшись, отозвался Тодрус.

– Мне нужна глина.

Другой бы на его месте спросил: «Глина? В такой поздний час?» Но Тодрус был обучен не подвергать сомнению распоряжения рабби. Он только спросил:

– Сколько глины?

– Много.

– Мешок?

– Самое малое десять мешков.

– И куда принести столько глины?

– В синагогу на чердак.

Взгляд Тодруса выразил недоумение, но ответ его был краток:

– Хорошо, рабби.

– И все это должно оставаться тайной, даже от моей семьи, – прибавил рабби Лейб.

– Да будет так, – сказал Тодрус и вышел.

А рабби Лейб вернулся к молитвам. Он не сомневался, что Тодрус исполнит его поручение.

Прочитав все ночные молитвы, рабби снова лег спать и проснулся на рассвете.

Рабби Лейбу было знакомо слово «голем». Среди евреев ходили легенды про големов, которых создавали святые люди древности для спасения в грозные времена. Согласно этим легендам силой для такого деяния обладали лишь самые святые раввины, да и то после многодневного поста, молитв и углубления в тайны Кабалы. Скромному рабби Лейбу и в голову не приходило, что это может выпасть и на его долю.

– Не приснилось ли мне все это? – спрашивал себя рабби Лейб.

Но когда он поутру открыл дверь синагоги, на полу были отчетливо видны следы глины. Пока рабби Лейб спал, Тодрус сходил на городскую окраину и натаскал глины на чердак. Чтобы управиться с таким делом между полуночью и рассветом, понадобилась вся его преданность и недюжинная сила.

Подняться на чердак и провести там несколько часов без ведома родных рабби Лейб, конечно, не смог бы. Но, по счастью, в тот день его жена Генендл была звана на свадьбу, и она взяла с собой детей и служанку. Невеста была сирота и приходилась Генендл дальней родней. Свадьбу играли в соседней деревне, так что рабби Лейбу не надо было совершать у них обряд бракосочетания.

На чердаке рабби Лейб нашел мешки с глиной и принялся лепить человеческую фигуру. Он не пользовался лопаточкой, а мял и формовал глину пальцами, как тесто. Работал рабби Лейб с большой поспешностью и при этом еще молился об успехе. Целый день провел он за работой на чердаке, и ко времени вечерней молитвы на полу лежал глиняный великан – голова с котел, плечи – косая сажень, ступни и ладони, как лопаты. Рабби подивился своему созданию: конечно, он не справился бы с такой задачей без помощи и промысла Б-жых. Рабби захватил с собой на чердак молитвенник, в котором таинственный гость оставил начертанным имя Б-га. Рабби Лейб выдавил эту надпись на глиняном лбу голема, но такими мелкими еврейскими буквами, что никто, кроме него самого, не смог бы их разобрать. В тот же миг голем начал подавать признаки жизни.

Зашевелились его огромные руки и ноги, приподнялась голова. Однако раввин, из осторожности, написал священное имя не целиком. Часть последней буквы «алеф» он оставил недописанной, чтобы голем не приступил к действиям, пока его не облачили в одежды. Зная, что его отсутствие в синагоге вызовет недоумение у евреев его общины, рабби Лейб оставил голема и стал спускаться по лестнице. Тут с улицы вошел служка Тодрус, и рабби ему сказал:

– Тодрус, с помощью святых сил я вылепил голема, чтобы защитить евреев Праги. Подымись на чердак и увидишь сам. Но его еще надо одеть, так что сними с него мерку и добудь ему одежду. Я буду на вечерней молитве, и ты, когда принесешь одежду, приди и сообщи мне.

– Хорошо, рабби.

Рабби Лейб пошел молиться, а Тодрус взобрался по винтовой лестнице на чердак. Солнце на небе уже склонилось к закату, лучи его сквозили в щели, и при их свете Тодрус увидел расprostертого на полу и пытающегося подняться голема. Ужас охватил Тодруса. Как многие евреи Праги, он слышал рассказы о големах, но даже и вообразить не мог, что создание одного из них может совершиться в его время и прямо, можно сказать, у него на глазах.

Он долго стоял, оцепенев от страха. «Где мне добыть одежду для такого великана?» – думал он. Даже если бы нашелся портной, который бы снял мерку с голема и пошил ему штаны и лапсердак, и какой-нибудь сапожник взялся бы смастерить ему сапоги, все равно на работу уйдут недели, а то и месяцы, а великая беда угрожает пражским евреям прямо сейчас.

За сорок лет, проведенных в услужении у рабби Лейба, Тодрус твердо усвоил, что, получив распоряжение рабби, он должен безотлагательно приступать к его исполнению. Солнце село, на чердаке стало совсем темно. На подкашивающихся ногах, с сильно бьющимся сердцем, Тодрус спустился по лестнице, выскочил на улицу, набрал полную грудь воздуха. И зашагал в сторону старой рыночной площади, надеясь сам не зная на что: а вдруг все-таки отыщется какой-нибудь выход. Наступила ночь, уже запирались лавки. Вдруг над входом в одну лавку он увидел большущую шапку, которая оказалась бы велика на любую человеческую голову. Это была вывеска шапочника. Тодрус зашел в лавку, и там оказались штаны, лапсердак и башмаки, – все такого же невероятного размера. Пораженный Тодрус спросил, откуда у хозяина эти удивительные вещи. Хозяин рассказал, что сорок лет назад в Прагу приезжал бродячий цирк, он показывал представление «Давид и Голиаф». Но случилось так, что актеры перессорились между собой, спектакль не привлек публику, и все цирковое имущество, декорации и костюмы, было распродано по дешевке. Лавочник сказал Тодрусу:

– Мне достались эти вещи за гроши, я купил их просто как диковинку, для приманки покупателей. Но они выставлены здесь так давно, что никто уже на них не смотрит. К тому же они покрылись пылью, у меня же нет ни времени, ни охоты проветривать их и чистить. А почему ты спрашиваешь? Я уже запираю лавку.

– Я куплю эти вещи, – ответил Тодрус, – если ты отдашь их за умеренную цену.

– Да на что они тебе?

– Там видно будет, – ответил Тодрус. – Ты только назови умеренную цену.

– Чудеса! – удивился лавочник. – За всю жизнь со мной ничего удивительнее не случалось. Ни одна живая душа не заглядывалась на эту рухлядь.

Он назвал Тодрусу очень низкую цену, и сделка состоялась. Тодрус был известен своей честностью, он всегда носил при себе кошелек с деньгами общины, рабби Лейб доверял их ему.

Тодрус опасался, что встречные могут его остановить, заинтересовавшись его ношей. Но час был поздний, и никто ему не встретился. Мужчины все находились в синагоге, а женщины стряпали ужин для мужей и детишек. Никем не замеченный, Тодрус поднялся на чердак над синагогой и разложил на полу одежду, шапку и башмаки для

голема. К его изумлению, голем уже сидел! На небе сиял полумесяц, и в его лучах Тодрус увидел, что голем сидит, привалясь спиной к бочонку с заплесневелыми старыми книгами, и смотрит на него, недоуменно моргая. Тодруса обуял такой ужас, что он затянул в голос: «Слушай, Израиль, Б-г – наш Г-сподь, Б-г один!»

Вскоре он услышал шаги рабби Лейба – рабби поднимался по лестнице, держа в руке фонарь, внутри которого горела восковая свеча. Увидев лапсердак, шапку и башмаки, он сказал Тодрусу:

– Все свершается по начертанию Провидения. Хотя человек имеет свободную волю, Провидению ведомо наперед, какое решение человек примет.

Они одели голема в те причудливые одеяния, и рабби сказал:

– Спасибо, Тодрус. А теперь оставь меня.

– Хорошо, рабби, – отозвался Тодрус и пустился со всех ног вниз по лестнице.

Рабби Лейб долго смотрел на голема, дивясь своему созданию. В свете фонаря внутренность чердака имела странный вид. В углах со стропил свисали огромные клочья паутины. На полу валялись старые изорванные молитвенные облачения – талесы, треснувшие шофары – бараньи рога, разбитые светильники, обломки подсвечников и ханукальные лампы, выцветшие листы пергамента, исписанные рукой неизвестных или забытых писцов. Из щелей и прорех в крыше сочился лунный свет, и в нем радужно переливались столбцы пыли. Здесь ощущалось дыхание минувших поколений, которые жили, служили Г-споду, противостояли преследованиям и соблазнам, а потом погружались в вечное безмолвие. Странная мысль мелькнула в голове у рабби Лейба: «Если бы те, кто отрицают сотворение мира Б-гом, увидели сейчас то, что содеял я, человек, рожденный из чрева женщины, они бы устыдились своего безверия. Но так велика сила Сатаны, что он способен затмить людям глаза и замутить их ум. Сатану тоже создал Б-г, чтобы человек имел свободу выбора между добром и злом».

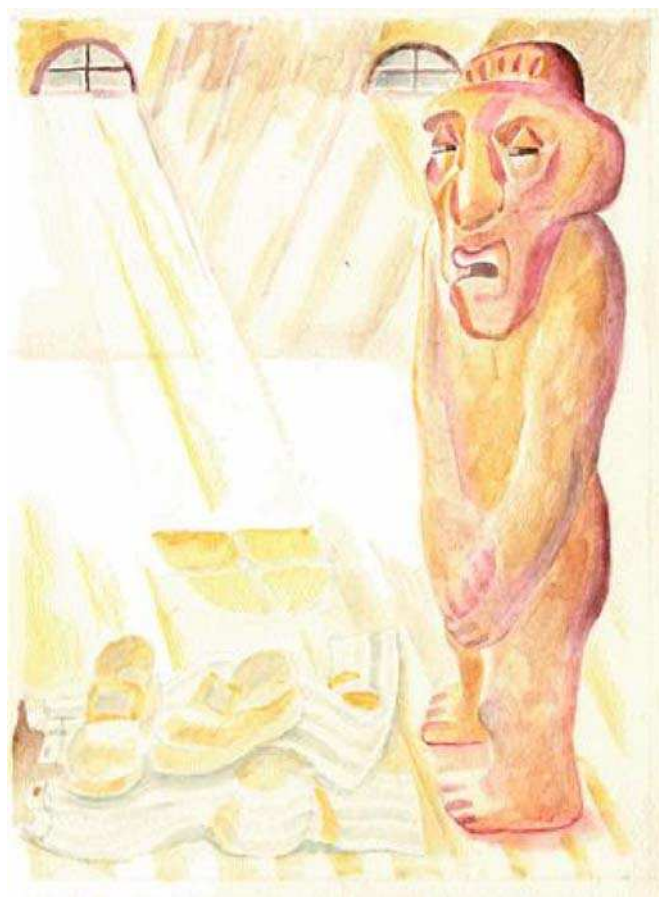
Так размышляя, рабби Лейб глядел на голема, а голем словно бы глядел на рабби своими глиняными глазами. Потом рабби произнес:

– Голем, ты еще пока незакончен, но сейчас я довершу свою работу. Знай, что ты создан на короткий срок и с определенной целью. Смотри, не пытайся сойти со своей назначенной дороги. Ты будешь исполнять то, что я тебе велю.

С этими словами рабби Лейб дописал букву «алеф» у голема на лбу. В ту же минуту голем стал подыматься. Рабби сказал ему:

– Спустись вниз и жди меня во дворе синагоги. Я дам тебе новые указания.

– Хорошо, – ответил голем голосом гулким, как из подземелья. И вышел на синагогальный двор, где в это время уже никого не было. В гетто люди ложились спать рано и вставали с восходом солнца. Так что после вечерних молитв все уже разошлось по домам.

Мысли рабби Лейба были так заняты големом, что он не прислушался к разговорам жены и детей, возвратившихся со свадьбы и теперь обсуждавших невесту, жениха и гостей. Рабби обычно отходил ко сну рано, чтобы проснуться среди ночи и читать полуночные молитвы. Но на этот раз он подождал, пока жена и дети заснут, а тогда тихонько вышел на синагогальный двор. Там стоял голем и ждал его. Рабби приблизился к нему и сказал:

– Голем, отныне имя тебе будет Йосеф.

– Да.

– Йосеф, скоро ты должен будешь отыскать дочь графа Братиславского – маленькую девочку по имени Ганка. Ее отец утверждает, будто ее убили евреи, но я уверен, что он ее где-то прячет. Где ее найти, у меня не спрашивай. Те силы, которые дали тебе жизнь, дадут тебе знание, где она находится. Ты – из земли, а земле известно многое: как растить траву, цветы, пшеницу, рожь, плоды. Дождись того дня, когда реб Элизер будет доставлен на суд, а тогда предъяви им девочку и тем покажи, как лживы обвинения, выдвинутые нашими недругами.

– Да.

– Может быть, ты хочешь задать какой-нибудь вопрос?

– Какой вопрос?

– Ты создан для одной определенной цели, поэтому ум тебе дан иной, чем у человека. Но кто знает, как работает мозг. Пока настанет время идти за Ганкой, спи

спокойно. Быть может, тебе будут сниться сны, слышаться голоса. Возможно, что демоны попробуют к тебе прилепиться. Но ты не обращай на них внимания. Ничто дурное с тобой не случится. Но жители Праги не должны тебя видеть, покуда тебе не придет срок им показаться. А до той поры возвращайся на чердак, где я тебя вылепил, и спи там крепким глиняным сном.

И рабби Лейб ушел домой. Он знал, что голем будет все делать в точности так, как ему сказано. Дома рабби прочитал ночную молитву и лег спать. Но впервые за все годы сон не шел к нему. Небо даровало ему великую силу, и он опасался, что не достоин этого дара. И еще ему было немного жаль голема. В глазах глиняного великана он заметил растерянность, словно бы вопрос: «Кто я? Почему я здесь? В чем тайна моего существа?» Такое же недоуменное выражение рабби Лейб часто видел в глазах новорожденных младенцев. И даже в глазах животных.

Тем, кто желал евреям несчастья на Пейсах, удалось устроить так, чтобы суд назначили на предпасхальный день. В помещение суда был доставлен реб Элиэзер и с ним еще несколько старейшин общины, якобы бывших его сообщниками.

За столом сидели трое судей в париках и черных мантиях. Сбоку от них стояли евреи в цепях и охранники-солдаты с мечами и пиками в руках. Главный судья запретил евреям Праги присутствовать на суде, а вот недруги Израиля с женами и дочерьми собрались там, чтобы любоваться позором евреев. Обвинитель указал пальцем на реба Элиэзера и остальных обвиняемых и произнес:

– Они считают себя б-гоизбранным народом, но посмотрите, как они себя ведут. Вместо благодарности императору и всем нам за то, что позволили им тут жить, они убивают наших детей и на их крови замешивают тесто для своей мацы. Нет, они не Б-жий народ, а приспешники дьявола. Кровь зарезанной ими Ганки вопиет о мести. Виновны не только еврей Элиэзер Полнер и остальные убийцы, но и вся еврейская община.

При этих словах некоторые старые женщины зарыдали, а некоторые молодые стали ухмыляться и перемигиваться. Все понимали, что обвинение подстроено. Граф Братиславский сделал вид, будто утирает слезы. Еврейская сторона в качестве свидетеля защиты вызвала рабби Лейба. Обвинитель задал ему вопрос:

– Не написано ли в вашем проклятом Талмуде, что в тесто для мацы следует подмешивать еврейскую кровь?

– Ничего подобного нет ни в Талмуде и ни в какой другой из наших священных книг, – ответил рабби Лейб. – Свою мацу мы печем не в темных подвалах, а в пекарнях, при открытых дверях. Всякий, кто пожелает, может войти и убедиться, что на тесто для мацы идет только мука и вода.

– Разве не правда, что сотни евреев уже были осуждены за употребление крови в маце? – спросил обвинитель.

– К великому сожалению, правда. Но это вовсе не означает их вины. Всегда находится довольно бессовестных лжесвидетелей, готовых подтвердить обвинение, в особенности если их подкупить.

– А разве не правда, что многие из тех евреев признали свою вину?

– И это тоже правда. Но они признались, после того как им переломали кости на пыточном колесе, а под ногти на руках и на ногах загнали раскаленные иглы. Есть предел боли, какую способен выдержать человек. Вы все слышали про то, как в городе Альтоне невинную христианку обвинили в ведьмовстве и пытали до тех пор, пока она не призналась, что продала душу дьяволу, и ее заживо сожгли на костре. А позднее оказалось, что враг этой женщины нанял бессовестных людей, чтобы свидетельствовали против нее.

Главный судья стукнул по столу молотком и сказал:

– Отвечай на вопросы обвинителя, а не распространяйся на темы, не имеющие касательства к данному суду. Здесь разбирается дело об убийстве ребенка, а не о невинности ведьмы.

Внезапно запертые двери суда распахнулись, и ворвался кирпичнолицый великан с плачущей малюткой на могучих руках. Он опустил девочку на пол возле

свидетельского помоста и немедленно удалился. Все это произошло так быстро, что никто и опомниться не успел. Среди всеобщего недоуменного молчания девочка подбежала к графу Братиславскому и крича: «Папа! Папочка!», обняла его ноги.

Ян Братиславский побелел, как мел. Свидетели, дожидавшиеся своей очереди взойти на помост, разинули рты. Изумленный обвинитель в отчаянии воздел руки к потолку. В публике кто-то из женщин засмеялся, а кто-то громко заплакал. Главный судья покачал головой в парике и спросил:

– Ты кто такая, девочка? Как тебя зовут?

– Я – Ганка. А это мой папа, – сквозь слезы ответила малютка, указывая пальчиком на Яна Братиславского.

– Этот ребенок – ваша дочь Ганка? – спросил судья.

Братиславский молчал.

– Кто таков тот великан, что принес тебя сюда? И где ты была, Ганка, все эти дни?

– Молчи, не говори ни слова! – крикнул дочери Братиславский.

– Отвечай, где ты находилась? – настаивал судья.

– У нас дома в подвале, – пролепетала девочка.

– Кто тебя туда поместил? – спросил судья.

– Тихо! Молчи! – грозно приказал Братиславский.

– Ты должна отвечать. Таков закон, – сказал судья.

– Кто посадил тебя в подвал?

Судья, конечно, был на стороне графа, но у него пропала охота участвовать в этом фарсе. В Праге жило много христиан, которые хотели знать правду. До судьи дошел слух, что даже император раздражен этим фальшивым судебным разбирательством. Разумные люди среди христиан Европы больше не верили мерзким наветам. И рассудительный судья решил изобразить из себя честного человека.

Ганка молчала, переводя взгляд с судьи на отца. А потом все же ответила:

– Вот эти дядя с тетей, – она указала на Стефана и Барбару, – заперли меня в подвал. Они сказали, что так велел мой папа.

– Это ложь. Она лжет, – заспорил Братиславский. – Евреи заколдовали мою дочурку, заставили ее поверить в эту чушь. Она моя единственная, обожаемая дочь. Я скорее отдам глаз, чем причиню ей зло. Я – великий Ян Братиславский, столп Богемского государства.

– Были им в прошлом, – холодно возразил главный судья. – А теперь вы проиграли в карты все свое богатство и подписали вексель, который заведомо не можете оплатить. Вы подкупили этих двух проходимцев и поручили им запереть в подвале вашу дочь, чтобы вы получили в наследство принадлежащие ей драгоценности. За эти преступления вы будете жестоко наказаны и лишитесь права владения вашими землями и имуществом. Стефан и Барбара, – обратился судья к свидетелям обвинения, – кто велел вам запереть в подвал это беззащитное дитя? Говорите правду, или я прикажу вас выпороть.

– Граф велел, – ответили они хором.

– Он напоил нас вином и пригрозил смертью, если мы ослушаемся, – прокричала Барбара.

– Он посулил мне двадцать дукатов и бочонок водки! – воскликнул Стефан.

Напрасно судья бил по столу молотком – шум, поднявшийся в зале суда, не стихал. Мужчины кричали, некоторые размахивали кулаками. А среди женщин были такие, что попадали в обморок. Граф Братиславский поднял вверх руку и принялся было рассказывать судьям, что-де главный судья был с ним в сговоре и должен был получить долю наследства, но главный судья распорядился:

– Солдаты, приказываю вам заковать в цепи этого гнусного преступника Яна Братиславского и бросить его в темницу. – Он указал пальцем на Братиславского и прибавил: – Если этому злодею есть что еще сказать, он сможет высказаться на эшафоте, с веревкой на шее. А вы, евреи, свободны. Можете разойтись по домам и праздновать свою Пасху. Снимите с них цепи, солдаты. В таком справедливом суде, как наш, с таким безупречным судьей, как я, правда всегда восторжествует.

– А кто же был тот великан? – со всех сторон раздавались вопросы.

Однако ответа никто не знал. Все происшествие казалось сном или сказкой, какие рассказывают старые женщины за прялкой, суча льняную нить при свете свечи.

Í êĩĩ ÷ àĩ è à ñè à à à à à

Í à à à à à È. Á à à ò à à í

È è è ñ ò à à è è Í. Ç à à ÿ í ñ è í ã

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Уважаемый г-н редактор!

Цель моего письма – огромная благодарность г-ну Лазарю Флейшману за его статью «У неиссякаемого источника великой ненависти», опубликованную в № 11 вашего журнала. Статья эта – один из немногих обстоятельных и хорошо аргументированных ответов на очередную попытку показать антисемитизм как «научно обоснованное» явление. Я достаточно давно занимаюсь изучением еврейских классических текстов, веду занятия по Торе по программе «Байт ле-мидраш в Сибири», учился в Центре имени Мелтона при Еврейском университете в Иерусалиме. Проблемы взаимоотношений иудаизма и христианства мною тоже достаточно хорошо изучены. Но статья Л. Флейшмана произвела на меня настолько сильное впечатление, что я организовал дискуссию по ней в группе по изучению Торы. Причем в дискуссии приняли участие и евреи-христиане (увы, но это не редкость в Новосибирске).

Основной итог дискуссии – НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ РЕЛИГИЯ И ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ КЕМ-НИБУДЬ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ ИЛИ В КАЧЕСТВЕ ОПРАВДАНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ ТАКОГО УНИЧТОЖЕНИЯ. Этот вывод вовсе не нов, но статья хороша именно тем, что не оставляет противникам этого вывода ни малейшего шанса на возражение.

В Новосибирске есть учебный центр Открытого университета Израиля при информационно-культурном израильском центре. Как тьютор этого университета по курсам «Введение в Устную Тору» и «Евреи и христиане» я рекомендовал своим студентам изучить статью Л. Флейшмана. Интересно знать, есть ли у г-на Флейшмана другие публикации о взаимоотношениях иудаизма и христианства? Как их найти? Хотелось бы поближе познакомиться с автором, побольше узнать о его деятельности, а главное, и впредь читать его статьи в «Лехаиме»!

Позвольте поздравить вас, а через вас и г-на Флейшмана с праздником Хануки и пожелать всем нам побольше таких статей, несущих свет Торы в души людей!

Ń ěŃĉđđĭ ĭ ěĭ ōđđĉđĭ ěđĭ,

Á. Ěđđěĭ, ĭ ĭđĭŃĉđěđĭě

Уважаемая редакция!

Пишу вам под впечатлением от статьи Лазаря Флейшмана («Лехаим» № 11, 2001). Прежде всего, спасибо вам и автору за статью. Хотя я как еврей не страдаю «самопрезрением» и нет во мне недостатка «самоуважения», но в деле «самопознания» эта статья мне много дала. По-моему, эти материалы были бы полезны российскому читателю, российской общественности. Уверен, что в расширенном виде, с указанием, что это ответ на «Сборник...» издательства «Витязь» брошюра (или книга) была бы популярна.

Беру на себя смелость предложить автору будущей брошюры (книги) следующее.

1. Дать справочные биографические сведения о всех упоминаемых людях.
2. Сведения о цитируемых источниках должны быть более полными.
3. Нужны пояснения не известных широкому кругу читателей терминов, объектов, событий и т.п.

4. Пусть автор обратит внимание на такие моменты

а) Салтыков-Щедрин «Современная идиллия»: «Свои собственные “евреи” в лице Астафьяча, Финогейича и Прохорыча» сумели «выжимать соки из крестьян... тем легче, что умели калякать с мужичком по душе, по б-жески...»;

б) А.С. Пушкин «История Петра I»: «... русский обманет всякого жида...»;

в) у Короленко есть рассказ-притча о том, как Г-сподь заменил мельника (торговца?) – еврея русским и как после этого завопили мужики;

г) двойственность нееврея вообще. Да, были антисемитские высказывания Чехова, но была и дружба с Левитаном, и есть «скрипка Ротшильда». Известен антисемитизм Достоевского, но он же в своем дневнике очень и очень отрицательно пишет о русских, а также о «всемирном общечеловеческом единении», об «общечеловеческих убеждениях». Вероятно, то же можно обнаружить у Вольтера и у Наполеона, да и у других авторитетов, на которых ссылается Мельский.

Кстати, Ницше пророчествовал о слиянии рас.

И последнее, но может быть и главное, что побудило меня написать в редакцию – это призыв Мельского «принять радикальные меры» к устранению «еврейской опасности», то, как он соглашается с российским законодательством. Нет ли здесь... криминала? Можно ли это терпеть, простить? Нужно ли, можно ли привлечь издательство «Витязь» и его авторов к ответственности?

Сборник издан три года назад. Почему компетентная еврейская общественность до сих пор молчала?

Статья в «Лехаиме», конечно, важна для «самопознания» евреев, но для антисемита она, на мой взгляд, «фига в кармане».

Ñ óàæáí èáí,

Ä.Öíèí áí,

Í èæí èé Í îãñ òíä

Уважаемая редакция!

С интересом читаю «Лехаим», узнавая много нового для себя. Разрешите поделиться некоторыми мыслями, навеянными общением с журналом.

Скажу сразу: от гордости, что я – еврей, не раздуваюсь. Полагаю, что гордиться своей национальной, кровной принадлежностью не следует человеку любой национальности. Гордиться, на мой взгляд, можно только тем, что тобою сделано, но не тем, что тебе дано. При этом лучше, если о твоих достоинствах говорят другие. И вместе с тем, никогда не позволю унижать свое национальное достоинство.

В молодости (а мне уже 77) за «жида» я просто давал в морду. А в 1989 году мне пришлось возбудить и выиграть дело против антисемитской выходки одного негодяя. Тогда испакостили афиши городского театра, а я автора узнал по почерку и потребовал стереть антисемитские надписи. Получив в ответ оскорбительную открытку, я добился его наказания через суд. На суд прибыла целая команда подонков в черном, но ничего у них не вышло. Все это я пишу, чтобы показать, что евреем я ощущаю себя не только на словах.

Однако прежде всего я чувствую себя человеком. И живу со своею русской женой душа в душу почти 50 лет. У нас отличные дети – сын и дочь. Жочь живет в счастливом браке с мужем-немцем в Мюнхене, окончила консерваторию в Питере и учит музыке детей. Сын – доцент строительного института в Петербурге. Не стыдно нам и за наших четырех внучат: двух взрослых и двух маленьких.

В одном из писем в «Лехаим» (№ 9, 2001) читаю чудовищную, на мой взгляд, мысль: «Совершенно очевидно, что ассимиляция – это катастрофа, которую по последствиям можно сравнить с Холокостом». Неужели не видно, что во всем мире постоянно идет взаимопроникновение культур и народов? Этот естественный процесс бесполезно тормозить или ускорять, тем более «революционными» методами.

Из номера в номер вы публикуете «Наш календарь. Памятные даты», где рассказываете о замечательных евреях. Не скрою, приятно читать эту рубрику.

Историческая судьба еврейского народа сложилась так, что он оказался рассеянным по всему миру, при этом подарив немало доброго многим народам и культурам. Чего стоит, например, вклад одесского доктора Владимира Ароновича Хавкина, изобретателя вакцин против чумы и холеры, почитаемого спасителем великой Индией?

И вот у меня возникает мысль: а чего бы смогли эти знаменитые люди сделать для человечества, если бы все их усилия были направлены только на то, что навязывается каждому еврею – постоянно изучать Тору и Талмуд?

Верить в Б-га или быть атеистом – свободный выбор свободного современного человека. По-моему, права такого выбора в XXI веке и евреи не лишены. Зачем же буквально навязывать каждому еврею религиозное восприятие мира?

Мне могут возразить, что религия, традиция являются тем, что объединяет рассеянных по свету людей. Но ведь еще Шолом-Алейхем устами одного из своих героев говорил, что Б-гу, если он есть, едва ли нужно, чтобы еврейские дети были худосочными, так как кошерное масло много дороже трэфного... Разве должен современный человек руководствоваться древними правилами только потому, что они изложены в Торе?

Я не читал Танах с комментариями, зато синодальный перевод Библии на русском языке читал и, будучи убежденным атеистом, отношусь к ней как к

интереснейшему памятнику древней литературы, но не могу руководствоваться в реальной жизни ее весьма противоречивыми положениями.

О том, что не следует еврею отгораживаться от всего мира, писала еще в XIX веке Элиза Ожешко. Ее «Меира Езофовича» так любила моя замечательная мама (в 1941 году она спасла 120 детишек, вывезя детсад из печально известной Катыни за несколько дней до прихода немцев, а в 1943-м поехала с нами к больному отцу на поселение в Алтайский край. Отец мой был посмертно реабилитирован в 1956 году).

С большим интересом читаю в вашем журнале о жизни Израиля. После войны обездоленные и всего лишившиеся люди сумели построить свое государство и обрести достойную жизнь.

Вы заметили, что после побед Израиля исчезли в далекой России поганые анекдоты о трусливом Рабиновиче и т.п.? Мне только жаль, что из-за эксплуатации агрессивного невежества нет до сих пор мирной Палестины, которая могла бы уже 50 лет жить в согласии со своим соседом Израилем.

Я от души желаю Израилю мира и процветания. У меня там много родных и друзей.

А еще очень хотелось бы, чтобы кроме ивритской культуры сохранилась бы и культура на идише. Увы, эта богатая культура моих родителей и прародителей умирает...

Теперь о Б-гоизбранности нашего народа.

Разве не смущает, что черносотенцы очень любили считать русский народ «народом-богоносцем»? Разве забыто, что немцам вбивалось в голову об избранности арийской расы? И мы ведь помним, к чему все это ведет...

Не правильной ли уважать особенности всех народов, считая всех людей, любой национальности достойными счастья?

И еще. В одном из писем, опубликованном в № 10 за 2001 год, автор упрекает «влиятельных евреев типа Кагановича и Мехлиса, Михоэlsa и Маркиша» за то, что те не спасли евреев. Не перестаю удивляться наивности людей, не только не представляющих себе реальной обстановки того времени, но и смешивающих в одну кучу по национальной принадлежности таких подонков, как Каганович и Мехлис, и светлых людей – Михоэlsa и Маркиша...

Еще раз утверждаюсь в понимании простой истины, что прежде всего надо быть человеком...

Аֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ וְאֵלֵי אֲבוֹתֵינוּ!

יְיָ אֱלֹהֵינוּ - דִּי צִוִּי אֲבוֹתֵנוּ

יְיָ נֵרָא

Здравствуйте, дорогая редакция!

Письмо начну, наверное, немного неожиданно:

В æèâùì òááý íèãüá
Í á âïð ðá:æë,
Í î ñüãüý í à Ì æéé Áðíííé
Óæääë, èæé èàòèòüý
ò ðàóðí ùé âæë,
Óñëúðæë, èæé ðáóòüý ñòííú.
È ýòí ñëâíçü òæéíú âüñøèð
çàòæë.
Â áí òèñüí è òñëíé òðáæéá
Ñþää çàââí óë ì æëü-èóüæë,
× òíáú í òääòüõí òüääí è
Èâíëþ òááá òü óæèò äüà-òí
òâì.
Í óñòü á èèòàò äíæääé âííðííí,
Í à äðáóííé çâí èá í á íæéí èèøü áâðæë -
Ââüí ì èð òááý ííí íèò,
Í èõíýñí'

Вместе с другими моими стихами, свидетельствовавшими, как тогда считалось, об антисоветском настрое, на стол следователя лег и этот стишок 1948 года, обнаруженный при обыске в моем дневнике.

А появился он после гражданской панихиды по народному артисту СССР Соломону Михайловичу Михоэлсу, зверски убитому в Минске вместе с литературным критиком Голубевым. Официальное сообщение гласило об автомобильной катастрофе, но вся Москва, особенно интеллигенция, знала, что произошло умышленное убийство.

Михоэлс был известен и популярен у людей более старшего поколения, чем был тогда я. Мой отец, помню, часто напевал старые еврейские песенки из репертуара Соломона Михайловича. А как он гордился своим соплеменником, рассказывая, что в еврейской общине Америки благодаря бурной деятельности Михоэлса устраивались на

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

לינה ולי פו

Продолжение. Начало в №113.

ДЕЛИКАТНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Лина По (1899 – 1948). Не стройте догадок – с писателем Эдгаром По в родстве она не состояла.

А теперь всмотритесь в другую последовательность написания:

По Лина.

Полина Михайловна Горенштейн сделала красивый и многозначительный псевдоним «По Лина» из своего имени, когда в 1918 году стала выступать как балерина, танцовщица.

Но не только балет был страстью ее одаренной художественной натуры. Училась во Вхутемасе, занималась рисованием, лепкой, писала стихи, увлекалась музыкой.

В 1934-м случилась трагедия: заболела энцефалитом, ее разбил паралич, полностью потеряла зрение.

Нечеловеческим трудом, огромным напряжением воли ей удастся частично восстановить способность двигаться, но слепой она так и осталась. Сценическая деятельность оборвалась навсегда.

Осознав, что для жизни в искусстве судьба ей оставила только «внутреннее зрение», она весь талант и труд обращает на то, чтобы реализовать этот свой единственный шанс – начинает заниматься лепкой.

Лина По становится скульптором. И еще каким!

Уже в 1937-м ее работы появляются на выставке в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Никто, конечно, кроме родных и близких, не ведал, что их создал незрячий скульптор.

Даже когда решался вопрос о принятии Лины По в члены Союза художников и там узнали, что автор представленных скульптур – слепая женщина, в это просто

отказались поверить. Но, так как «слухи» были уж очень настойчивые, то на квартиру к ней отрядили весьма представительную комиссию: художника Б. Яковлева, скульптора А. Антропова, искусствоведа В. Грабарь-Мещерину.

Сестра Лины По поделилась своими воспоминаниями о визите комиссии.

...Незадолго до прихода комиссии Лина Михайловна как раз закончила лепить фигуру Кармен, танцующую испанский танец сегедилью. Именитым гостям работа эта очень понравилась.

Но ведь им надо убедиться в том, что такое может сотворить слепой человек.

Тактичный предлог для проверки нашел художник Яковлев.

– Ваша испанка, – сказал он, – очень хороша. Но мне кажется, будь у нее в руке веер, стала бы еще лучше.

«Испытуемая» взяла пластилин и быстрыми точными движениями вылепила миниатюрный раскрытый веер, который тут же вставила в правую руку своей Кармен и, улыбаясь, сказала:

– Вы правы, пусть танцует с веером.

Сомнения комиссии развеялись...

Единичные работы Лины По имеются в коллекциях Третьяковской галереи и других музеев страны. Но главное собрание скульптур – в мемориальном музее Лины По, в доме культуры Всероссийского общества слепых.

Поражает буквально всё здесь увиденное. А портреты исторических личностей – так те просто потрясают. «Слепая лепит бюсты людей, которых она не видела глазами, и, что удивительнее всего, портреты ее жизненны, характерны, типичны и похожи. Мы находим в них то, чего требует строгий критик от портретного искусства», – говорил скульптор С. Меркуров.

Многие выдающиеся деятели искусств, посетившие музей, среди которых М. Нестеров, И. Грабарь, С. Конёнков, П. Кончаловский, оставили свои восторженные отзывы о работах Лины По.

Осматривая экспозицию музея, я и предположить не мог, что от висящего здесь портрета Лины Михайловны протянется ниточка в... мое детство.

Портрет этот вызвал у меня повышенный интерес потому, что Лину Михайловну я видел живую – в 1946-м на ее персональной выставке в Центральном доме работников искусств, наблюдал, как она там беседовала со скульптором Конёнковым.

И всего на год раньше был сделан так понравившийся мне портрет. Вот я и сравнивал виденное с увиденным. Естественно, поинтересовался, кто же автор портрета.

Им оказалась художница Ада Варновицкая... Та самая Ада, дочь друзей моих родителей. Мы жили тогда в Харькове. Ей было лет двадцать, она училась в каком-то художественном институте. И я, двенадцатилетний мальчик, тайно вздохавший по этой

красивой девушке, был очень рад, скорее даже горд, когда Ада согласилась рисовать меня, да еще маслом! Последнее обстоятельство почему-то представлялось мне безумно важным. А сознание, что Я буду «позировать» Ей, делало меня просто счастливым...

Пришел из музея домой, разыскал тот рисунок, увидел мальчика с челкой, в пионерском галстуке и... нахлынули воспоминания.

Лину По в душе благодарил за все прекрасное – увиденное и разбуженное.

(2-27-4)

НАШ КАЛЕНДАРЬ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ФЕВРАЛЯ

4 ФЕВРАЛЯ

160 лет со дня рождения литературного критика, возглавившего в Дании в начале 70-х годов XIX века так называемое «Движение прорыва», направленное против романтизма; адепта реализма в литературе, автора трудов «Главное течение в литературе XIX века», «Вольтер», «Юлий Цезарь», «Микеланджело» и др. **Георга Брандеса** (наст. фамилия Коэн; 1842 – 1927, Копенгаген).

90 лет со дня рождения дирижера, ассистента Б. Вальтера и А. Тосканини на Зальцбургских музыкальных фестивалях, главного дирижера театра «Метрополитен-Опера» и прославленных симфонических и филармонических оркестров – Кливлендского, Родчерского и Бостонского **Эриха Лайнсдорфа** (наст. фамилия Ландауэр; 1912, Вена – 1993, Цюрих).

5 ФЕВРАЛЯ

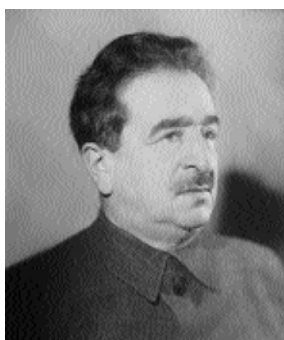
80 лет со дня рождения Героя Советского Союза, капитана **Михаила Аркадиевича Павлоцкого** (р. 1922, Тирасполь).

130 лет со дня рождения химика, профессора Йельского университета, первого президента Американского института питания, заложившего основы биологической химии, открывшего витамин «А», **Лафаета Бенедикта Мендела** (1872, Дели, США – 1935, Нью-Хейвен, США).

85 лет со дня рождения кристаллофизика, автора трудов по рентгеноструктурному анализу, одного из авторов прямого метода расшифровки кристаллических белковых и других структур, лауреата Нобелевской премии по химии (совм. с Д. Карле) 1985 года **Херберга Аарона Хауптмана** (р. 1917, Нью-Йорк).

7 ФЕВРАЛЯ

45 лет со дня смерти юриста, члена-корреспондента АН СССР, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, автора трудов по уголовному праву **Арона Наумовича Трайнина** (1883, Витебск – 1957, Москва).

10 ФЕВРАЛЯ

100 лет со дня рождения актрисы, театрального педагога, основательницы школы театрального мастерства, в которой учились Марлон Брандо, Роберт де Ниро и др., профессора Йельского университета **Стеллы Адлер** (1902 – 1992, Нью-Йорк).

11 ФЕВРАЛЯ

160 лет со дня рождения актера и театрального деятеля, одного из создателей Немецкого театра в Берлине, руководителя Королевского берлинского театра, Придворного театра в Ганновере, создателя и президента Товарищества немецких сотрудников театра, исполнителя ролей Гамлета, Отелло, Уриэля Акосты и др. **Людвига Барная** (1842, Пешт – 1924, Ганновер).

12 ФЕВРАЛЯ

310 лет со дня рождения финансиста, придворного еврея и личного советника по финансовым вопросам герцога Вюртембергского **Иосефа Оппенгеймера** (известен также как **Еврей Зюсс**) (1692, Гейдельберг – 1738, казнен в Штутгардте).

16 ФЕВРАЛЯ

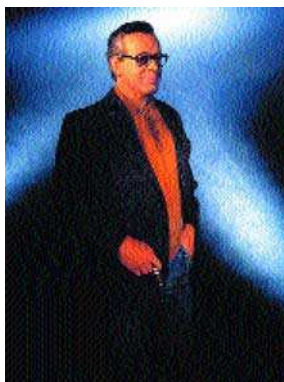
45 лет со дня смерти политического деятеля, министра транспорта, военного министра, пэра Великобритании, **лорда Лесли Хоре-Белиши** (1893, Лондон – 1957, Реймс, Франция).

17 ФЕВРАЛЯ

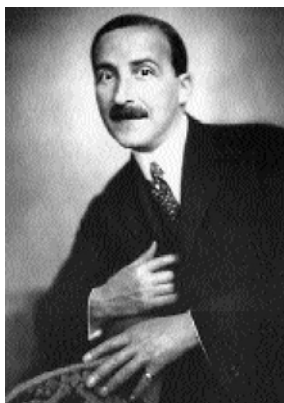
60 лет со дня смерти юриста, президента Верховного суда Голландии, именем которого названа площадь в Амстердаме, **Людвика Эрнста Виссера** (1871, Амсерфорд, Голландия – 1942, Ден Хааг, Голландия).

18 ФЕВРАЛЯ

70 лет со дня рождения кинорежиссера, поставившего фильмы «Черный Петр», «Любовные похождения блондинки», «Отрыв» (премия Мкф в Канне), «Полет над гнездом кукушки» (пять премий «Оскар», включая одну за лучшую режиссерскую работу), «Волосы», «Регтайм», «Амадей» (премия «Оскар» за лучшую режиссерскую работу), «Вальмон», «Народ против Ларри Флинта» и др., **Милоша Формана** (р. 1932, Каслав, Чехословакия).

22 ФЕВРАЛЯ

60 лет со дня гибели писателя, автора сборников новелл «Амок», «Смятение чувств», романа «Нетерпение сердца», литературно-психологических портретов Марии Стюарт, Казановы, Стендаля, Диккенса, Л. Толстого, Достоевского, Фрейда, Ницше, Магеллана, Фуше и др. **Стефана Цвейга** (1881, Вена – 1942, покончил собой в Петрополисе, Бразилия).

28 ФЕВРАЛЯ

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза, старшего лейтенанта **Генриха Борисовича Гофмана** (р. 1922, Иркутск).

4 января 2002 года исполнилось **75 лет** известному литературному критику, литературоведу, публицисту, писателю Бенедикту Михайловичу Сарнову. Печататься он начал рано, еще будучи студентом второго курса Литературного института имени Горького: писал статьи и рецензии в «Литературке», «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Юности», «Вопросах литературы», «Театре», «Искусстве кино» и многих других весьма популярных изданиях. Через восемь лет после окончания института он выпустил свою первую книгу «Л. Пантелеев. Критико-биографический очерк». Затем было несколько сборников: рассказы «Трудная весна», литературные пародии «Липовые аллеи» (совм. с Л. Лазаревым и Ст. Рассадным), радиопьесы «По следам знакомых героев» (с радио у Бенедикта

Михайловича, впрочем, как и с литературой, по сей день отношения добрые и верные; так, в течение уже нескольких лет каждую первую и третью пятницы месяца, в 20.30, на радио России он ведет передачу «Новости прошлого»).

Затем были книги «Заложник вечности. Случай Мандельштама», «Смотрите, кто пришел. Новый человек на арене истории», «Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко», «Страна нашего детства», «Рифмуется с правдой», «Самуил Маршак» и последняя на сегодняшний день — «Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма». На самом деле «маленькая энциклопедия» получилась весьма внушительной, и немалый тираж ее раскупается на «ура».

Поздравляем нашего постоянного дорогого автора Бенедикта Михайловича с замечательным юбилеем. Такого творческого потенциала, какой он являет сейчас, дай Б-г, до 120!